СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XCI, № 1.

Г. П. Георгіевскій.

А. Н. ОЛЕНИНЪ и Н. И. ГНѢДИЧЪ.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ИЗЪ ОЛЕНИНСКАГО АРХИВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1914.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1914 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Императорской

Публичной Библіотекѣ,

ко дню ея столѣтія,

посвящаю мой трудъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1914_91_1

А. Н. Оленинъ и Н. И. Гнѣдичъ.

Къ столѣтію Императорской Публичной Библіотеки.

Статья Г. П. Георгіевскаго съ приложеніемъ неизданныхъ сочиненій и переписки Н. И. Гнѣдича.

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ хорошо извѣстенъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Происходя изъ старой дворянской семьи и занимая высокія должности въ петербургскомъ кругу сановниковъ, онъ близко соприкасался и съ обществомъ правительственнымъ, и съ представителями образованія, литературы, искусствъ и науки. Какъ Государственный Секретарь и членъ Императорской Академіи Наукъ и директоръ Императорской Публичной Библіотеки и какъ президентъ Императорской Академіи Художествъ, онъ всю свою жизнь стоялъ въ центрѣ самаго образованнаго и высшаго петербургскаго общества и всегда имѣлъ отношенія и связи со всѣми лицами, стоявшими во главѣ всѣхъ отраслей русской жизни и правительственной, и военной, и ученой, и художественной, и литературной. А. Н. Оленинъ пользовался благосклоннымъ вниманіемъ Государей и Особъ Царствующаго Дома, а кругъ его друзей и знакомыхъ располагался на обширномъ разстояніи отъ Аракчеева до Пушкина.

Личные интересы и личныя симпатіи А. Н. Оленина были цѣликомъ на сторонѣ науки и литературы. Среди ученыхъ и

писателей были самые близкіе друзья его, и его домъ былъ для нихъ гостепріимно открытъ при всѣхъ обстоятельствахъ ихъ личной и литературной жизни. Въ свою очередь и русскіе ученые и писатели всегда питали къ А. Н. Оленину чувства самой искренней дружбы и глубокаго уваженія и видѣли въ немъ не только гостепріимнаго хозяина и образованнаго собесѣдника, но и просвѣщеннаго покровителя талантовъ, въ какой бы отрасли науки и жизни они ни проявлялись. Не принадлежа ни къ одной изъ двухъ группъ, на которыя дѣлились современные ему писатели, Олениңъ самъ представлялъ собою центръ, около котораго группировались образованные люди всѣхъ направленій и разныхъ кружковъ, около котораго сходились представители разныхъ воззрѣній и вкусовъ и даже противоположныхъ направленій въ литературѣ и искусствѣ и разныхъ воззрѣній политическихъ. О значеніи Оленинскаго дома въ исторіи нашего образованнаго общества петербургскаго уже отмѣчено историками нашей литературы[1]). Къ сожалѣнію, біографія А. Н. Оленина еще до сихъ поръ не написана и ждетъ своего составителя. Съ 1875 года, когда Н. И. Стояновскій писалъ: «долголѣтняя и многосторонняя дѣятельность Алексѣя Николаевича Оленина на поприщѣ государственной службы, его заслуги родному слову, художествамъ и наукѣ, еще ждутъ должной и безпристрастной оцѣнки»[2]), — положеніе не измѣнилось: до сихъ поръ единственнымъ біографическимъ трудомъ о жизни и заслугахъ А. Н. Оленина остается «Очеркъ жизни Алексѣя Николаевича Оленина», составленный Н. И. Стояновскимъ и напечатанный по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, за подписью секретаря Общества профессора И. Помяловскаго, sine anno. Правда, въ этомъ Очеркѣ даны «достовѣрныя свѣдѣнія» о жизни и службѣ А. Н. Оленина, но все таки наиболѣе

1) См., напримѣръ, обзоръ Л. Н. Майкова въ біографіи К. Н. Батюшкова: «О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова», въ I томѣ «Сочиненій К. Н. Батюшкова». Спб., 1887 г., стр. 48 и слѣд.

2) «Русская Старина», 1875 г., октябрь: «Алексѣй Николаевичъ Олениңъ».

значительное вниманіе авторомъ обращено на его археологическіе труды (это обстоятельство даетъ нѣкоторое основаніе полагать, что Очеркъ Н. И. Стояновскаго назначался быть предисловіемъ къ изданію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества «Археологическіе труды Алексѣя Николаевича Оленина», въ которое должны были войти всѣ археологическія сочиненія А. Н. Оленина, предоставленныя Обществу его членомъ Н. И. Стояновскимъ). Полной и подробной біографіи А. Н. Оленина еще нѣтъ до сихъ поръ. Поэтому значительную цѣну для будущаго біографа А. Н. Оленина представляетъ печатаемая ниже переписка его съ друзьями и знакомыми, тѣмъ болѣе что она въ большей части своего состава вводитъ насъ въ кругъ литературныхъ интересовъ А. Н. Оленина и знакомитъ съ его литературными друзьями и почитателями.

Домъ и семья А. Н. Оленина привлекали избранное общество и особенно ученыхъ и писателей. «Въ назначенные дни недѣли у А. Н., по словамъ графа Ѳ. П. Толстого[1]), собиралось все, что было въ Петербургѣ хорошо образованнаго, отличавшагося дарованіями, познаніями и умомъ». Не говоря о тѣхъ, съ кѣмъ А. Н. находился въ сношеніяхъ по обязанностямъ службы, Н. И. Стояновскій называетъ въ числѣ его друзей и близкихъ знакомыхъ: Бороздина, графа Блудова, князя Вяземскаго, Дашкова, Державина, Дмитріева, Жуковскаго, В. Капниста, Карамзина, графа Мусина-Пушкина, Н. А. Львова, Озерова, А. С. Пушкина, А. И. Тургенева, графа С. С. Уварова и князя Шаховскаго. Поэтъ-слѣпецъ И. И. Козловъ нашелъ въ А. Н. Оленинѣ добраго себѣ покровителя. Гнѣдичъ, Крыловъ, Ермолаевъ и Солнцевъ были приняты какъ родные въ домѣ, въ которомъ встрѣчали радушный пріемъ К. П. Брюловъ, графъ Ѳ. П. Толстой и всѣ молодые талантливые художники. Въ ученой перепискѣ А. Н. Оленина сохранились письма митрополитовъ Евгенія Болховитинова и Филарета Дроздова, протоіерея Г. П. Пав-

1) «Записки графа Ѳ. П. Толстого» въ «Русской Старинѣ», 1873 года, томъ VII, 133—134 стр.

скаго, Востокова, профессора Грефе, А. Гумбольдта, Сильвестра де Саси, Френа, Шампольліона младшаго, Шармуа и Августа Шлецера.

Нѣжный отецъ многочисленной семьи, А. Н. Оленинъ, по словамъ Ѳ. Г. Солнцева[1]), «не любилъ садиться обѣдать безъ постороннихъ лицъ. Гостей у него было постоянно очень много, какъ въ Петербургѣ, такъ и на дачѣ. Въ числѣ ихъ были и почти всѣ сколько-нибудь замѣчательные иностранцы, пріѣзжавшіе въ Петербургъ».

Благорасположеніе четырехъ Монарховъ, обширныя родственныя связи въ высшемъ образованномъ кругу русскаго общества и должности Государственнаго Секретаря, директора Публичной Библіотеки и президента Академіи Художествъ облегчали Оленину сближеніе съ людьми всѣхъ родовъ умственной и артистической дѣятельности. Любовь къ наукамъ, искусствамъ и художествамъ побуждала его къ этому сближенію, а добродушное патріархальное гостепріимство, скромность и простота въ обращеніи, соединенныя съ большою начитанностью, образованіемъ и знаніемъ многихъ языковъ, давали средства и возможность къ осуществленію сближенія.

Около 30 лѣтъ, до смерти въ 1838 году супруги Оленина Елизаветы Марковны, рожденной Полторацкой, гостепріимный домъ Оленина въ Петербургѣ и его дача Пріютино за Пороховыми заводами подъ Петербургомъ были, по свидѣтельству современниковъ, мѣстами собранія ученыхъ, литераторовъ и художниковъ.

«Игра въ карты, по словамъ Ѳ. Г. Солнцева, у Оленина устраивалась только въ исключительныхъ случаяхъ, за то всегда, особенно при Алексѣѣ Николаевичѣ, велись очень оживленные разговоры. Оленинъ никогда не просилъ гостей художниковъ рисовать, а литераторовъ читать свои произведенія, никакихъ

1) «Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ академика Ѳ. Г. Солнцева», въ «Русской Старинѣ» 1876 года, томъ XV, 619 и слѣд. стр.

подарковъ или поднесеній ни отъ кого не принималъ. Не смотря на глубокую ученость Алексѣя Николаевича, при немъ всѣ держали себя свободно».

Въ Пріютинѣ, особенно 5-го сентября, въ день именинъ хозяйки, устраивались живыя картины, шарады въ лицахъ и спектакли, въ которыхъ, кромѣ членовъ семейства, принимали участіе: Батюшковъ, Гнѣдичъ, Ермолаевъ, Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ и др.

Кромѣ непосредственнаго участія въ семейныхъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, нѣкоторые писатели для этихъ случаевъ сочиняли піесы, которыя потомъ и разыгрывались у Олениныхъ. Одной изъ такихъ піесъ и является печатаемая ниже комедія, сочиненная Н. И. Гнѣдичемъ и разыгранная въ Пріютинѣ 5-го сентября 1815 года, какъ свидѣтельствуетъ собственноручная запись А. Н. Оленина на подлинномъ экземплярѣ автографа Гнѣдича. Въ числѣ лицъ, игравшихъ эту комедію, названы семейные и родственники Олениныхъ, а также и самъ авторъ Н. И. Гнѣдичъ и И. А. Крыловъ. Подобные спектакли бывали у Олениныхъ. По свидѣтельству графа Ѳ. П. Толстого, «у Алексѣя Николаевича Оленина, любившаго театръ, какъ и всѣ искусства, разыгрывались иногда артистами нашей театральной труппы нѣкоторыя сцены изъ русскихъ пьесъ. Между прочимъ, однажды наша первоклассная трагическая актриса, госпожа Семенова-старшая, въ одной довольно большой сценѣ, представленной въ домѣ Алексѣя Николаевича, не помню, взятой ли изъ какой-нибудь пьесы, или нарочно для сего случая составленной кѣмъ-нибудь изъ нашихъ литераторовъ, играла роль веселой, хитрой, весьма забавной субретки, подшучивающей и выводящей изъ терпѣнія серьезную, трагическую личность, эту послѣднюю роль исполнялъ И. И. Сосницкій. Сцена эта была исполнена превосходно и совершенно вѣрно, хотя представлена была артистами совершенно противоположныхъ амплуа».

Всѣ эти литературныя и художественныя связи А. Н. Оленина возникли особенно благодаря его служебному положенію.

Въ 1811 году онъ, въ званіи Государственнаго Секретаря, былъ назначенъ первымъ директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, а съ 1817 года былъ президентомъ Императорской Академіи Художествъ [1]). Эти обѣ должности сблизили европейски образованнаго Оленина съ двумя сферами — литературною и художественною, и въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ Оленинъ былъ ихъ средоточіемъ, а домъ его мѣстомъ собраній литераторовъ и художниковъ. Одаренный въ высшей степени эстетическимъ чувствомъ и умѣніемъ угадывать талантъ въ самомъ его зародышѣ, Алексѣй Николаевичъ былъ истиннымъ меценатомъ, другомъ и покровителемъ отечественныхъ писателей и художниковъ Александровскаго вѣка. Нѣтъ біографіи отечественнаго писателя, отъ Державина до Пушкина, въ которой не было бы страницы, посвященной памяти Оленина, не было художника и артиста, котораго Олениnъ обошелъ бы своимъ вниманіемъ, или не принялъ радушно въ своей гостиной, въ которую стекались представители отечественной словесности и изящныхъ искусствъ. За молодаго Пушкина Олениnъ былъ ходатаемъ, когда его постигла опала и его удалили на югъ. Олениnъ былъ другомъ художниковъ трехъ поколѣній. Домъ его посѣщали: Боровиковскій, Венеціановъ, Варнекъ, Гальбергъ, Галактіоновъ, Демутъ-Малиновскій, Егоровъ, Зауервейдъ, Іорданъ, Кипренскій, Лосенко, Мартосъ, Орловскій, Пименовъ, Резановъ, Теребеневъ, Щедринъ. Графъ Ѳ. П. Толстой разсказываетъ въ своихъ запискахъ: «Я былъ весьма хорошо принятъ въ домѣ Оленина, бывшаго тогда Государственнымъ Секретаремъ, человѣка весьма образованнаго, чрезвычайно начитаннаго и большаго любителя наукъ, художествъ и искусствъ. Въ назначенные дни недѣли у него собиралось все, что было въ Петербургѣ хорошо образованнаго, отличавшагося своими дарованіями, умомъ и познаніями. Подобные дома могутъ считаться хорошими школами для молодыхъ людей, ищущихъ просвѣщенія. Въ это время мнѣ-

1) «Алексѣй Николаевичъ Олениnъ» въ «Русской Старинѣ» 1875 г., октябрь.

нія Оленина въ столицѣ пользовались неоспоримымъ авторитетомъ».

Въ молодости Алексѣй Николаевичъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Дрезденѣ. Тамъ онъ пристрастился къ пластическимъ искусствамъ и воспиталъ свой вкусъ на произведеніяхъ лучшихъ художниковъ древности и періода возрожденія, какъ они были истолкованы Винкельманомъ и Лессингомъ. Онъ былъ хорошій рисовальщикъ и, кромѣ того, занимался гравированіемъ. Завѣдуя, съ 1797 года, монетнымъ дворомъ, онъ познакомился и съ медальернымъ искусствомъ. «Можетъ быть, говоритъ одинъ изъ современниковъ[1]), ему недоставало вполнѣ этой быстрой, наглядной смѣтливости, этого утонченнаго, проницательнаго чувства, столь полезнаго въ дѣлѣ художествъ; но пламенная любовь его ко всему, что̀ клонилось къ развитію отечественныхъ талантовъ, много содѣйствовала успѣхамъ русскихъ художниковъ». Тоже, по мнѣнію Л. Н. Майкова, нужно сказать и относительно словесности. По вѣрному замѣчанію С. Т. Аксакова, имя Оленина «не будетъ забыто въ исторіи русской литературы: всѣ безъ исключенія русскіе таланты того времени собирались около него, какъ около старшаго друга»[2]).

Расположеніе графа А. С. Строганова, просвѣщеннаго вельможи Екатерининскихъ временъ, доживавшаго свой вѣкъ среди общаго уваженія при Александрѣ, и умѣнье ладить съ тѣми людьми, которые возвысились въ царствованіе молодого Государя, дали Оленину возможность быстро подвигаться на служебномъ поприщѣ, «однако никогда не измѣняя чести», по замѣчанію Вигеля[3]). Знающій и дѣловитый, Алексѣй Николаевичъ всѣмъ умѣлъ сдѣлаться нужнымъ. Самъ Императоръ Александръ прозвалъ его Tausendkünstler, тысячеискусникомъ. Онъ былъ

---

1) «Литературныя воспоминанія», А. В. (графа С. С. Уварова), въ «Современникѣ» 1851 года, томъ 27, стр. 39.

2) Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова, томъ третій. Спб., 1886 г., стр. 262.

3) «Записки Ф. Ф. Вигеля», часть третья. М., 1892 г., стр. 144 и слѣд.

отзывчивъ на всякое проявленіе русской даровитости и охотно шелъ ему на помощь. «Его чрезмѣрно сокращенная особа, говоритъ Вигель, была отмѣнно мила: въ маленькомъ живчикѣ можно было найти тонкій умъ, веселый нравъ и доброе сердце».

«Дому Олениныа, по свидѣтельству современника, графа С. С. Уварова, служила украшеніемъ его супруга Елизавета Марковна, урожденная Полторацкая. Образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая изъ матерей, примѣрная жена, одаренная умомъ яснымъ и кроткимъ нравомъ, она оживляла и одушевляла общество въ своемъ домѣ». Этому нисколько не мѣшала ея болѣзненность и нерѣдкія тѣлесныя страданія, которымъ она была подвержена. «Часто, разсказываетъ Вигель, лежа на широкомъ диванѣ, окруженная посѣтителями, видимо мучась, умѣла она улыбаться гостямъ. Я находилъ, что тутъ и мужеская твердость воли, и ангельское терпѣніе, которое дается однѣмъ только женщинамъ. Ей хотѣлось, чтобы всѣ у нея были веселы и довольны, и желаніе это безпрестанно выполнялось. Нигдѣ нельзя было встрѣтить столько свободы, удовольствія и пристойности вмѣстѣ, ни въ одномъ семействѣ — такого добраго согласія, такой взаимной нѣжности, ни въ какихъ хозяевахъ — столь образованной привѣтливости. Всего примѣчательнѣе было искусное сочетаніе всѣхъ пріятностей европейской жизни съ простотой, съ обычаями русской старины. Гувернантки и наставники, Французы, Англичанки и дальнія родственницы, проживающія барышни и нѣсколько подчиненныхъ, обратившихся въ домочадцевъ, наполняли домъ сей какъ Ноевъ ковчегъ, составляли въ немъ разнородное, не менѣе того весьма согласное, общество и давали ему видъ трогательной патріархальности».

Въ гостиной Олениныхъ, по словамъ графа Уварова, «почти ежедневно встрѣчалось нѣсколько литераторовъ и художниковъ русскихъ. Предметы литературы и искусствъ занимали и оживляли разговоръ. Совершенная свобода въ обхожденіи, непринужденная откровенность, добродушный пріемъ хозяевъ давали этому кругу что то патріархальное, семейное, что̀ не можетъ

быть понято новымъ поколѣніемъ. Сюда обыкновенно привозились всѣ литературныя новости: вновь появлявшіяся стихотворенія, извѣстія о театрахъ, о книгахъ, о картинахъ, словомъ, все, что̀ могло питать любопытство людей, болѣе или менѣе движимыхъ любовью къ просвѣщенію».

Высокое положеніе А. Н. Оленина на государственной службѣ не отдалило его ни отъ литературы, ни отъ художествъ, а давало ему лишь возможность еще болѣе содѣйствовать и литераторамъ и художникамъ.

Особеннымъ вниманіемъ въ домѣ Олениныхъ пользовались извѣстные писатели К. Н. Батюшковъ, Н. И. Гнѣдичъ и И. А. Крыловъ. Гнѣдичъ и Крыловъ были сослуживцами Алексѣя Николаевича въ Публичной Библіотекѣ, поэтому стояли къ нему ближе другихъ его знакомыхъ и были постоянными собесѣдниками и гостями въ его домѣ. Къ сожалѣнію, въ уцѣлѣвшей части архива А. Н. Оленина не сохранилось ни одного автографа И. А. Крылова. Первое мѣсто среди уцѣлѣвшихъ автографовъ занимаютъ, даже и въ количественномъ отношеніи, автографы Н. И. Гнѣдича. Болѣе значительна и переписка А. Н. Оленина съ нимъ и съ другими лицами по дѣламъ и о судьбѣ его, Николая Ивановича Гнѣдича.

Надобно замѣтить, что Оленина и Гнѣдича сближало, кромѣ служебныхъ интересовъ, общее имъ обоимъ увлеченіе классическими древностями и особенно литературой и искусствомъ древней Греціи. Между ними былъ постоянный обмѣнъ, и письменный и устный, по поводу личныхъ занятій каждаго — одного Иліадой, а другого памятникамъ искусства Греціи. Въ біографіяхъ Оленина и Гнѣдича извѣстенъ рядъ писемъ ихъ по филологіи и археологіи Греціи[1]). Какъ извѣстно, переводъ Иліады былъ дѣломъ цѣлой жизни Гнѣдича. И для Оленина занятія классическими

1) Археологическія письма А. Н. Оленина къ Н. И. Гнѣдичу. Спб. 1872. Археологическіе труды А. Н. Оленина. Томъ первый, выпускъ I: Переписка А. Н. Оленина съ разными лицами по поводу предпринятаго Н. И. Гнѣдичемъ перевода Гомеровой Иліады. Спб. 1877.

древностями были его излюбленнымъ предметомъ, которому онъ съ увлеченіемъ отдавался на всѣхъ ступеняхъ своей государственной службы и во всѣ періоды своей жизни. Кромѣ того, Оленинъ обладалъ прекрасными знаніями греческаго языка, и эти его филологическія свѣдѣнія были такъ драгоцѣнны, что ими старался пользоваться даже такой знатокъ греческаго языка, какимъ былъ самъ Н. И. Гнѣдичъ. Въ этой области и Оленинъ и Гнѣдичъ были взаимно полезны другъ другу и чрезвычайно цѣнили другъ друга, постоянно нуждаясь въ дружеской помощи другъ друга въ кругу родственныхъ, а иногда и тожественныхъ ученыхъ, художественныхъ и литературныхъ интересовъ. Большая и главнѣйшая часть ихъ переписки и была вызвана именно этими интересами ихъ постоянныхъ занятій.

Печатаемыя ниже письма Оленина и Гнѣдича меньше другихъ, уже напечатанныхъ и извѣстныхъ, касаются предметовъ ихъ литературныхъ интересовъ, но въ болѣе значительной степени пополняютъ біографіи двухъ литературныхъ друзей, и особенно Н. И. Гнѣдича. Біографія Гнѣдича далека еще отъ полноты и законченности и оставляетъ широкій просторъ для дальнѣйшихъ изысканій и дополненій [1]). Какъ видно изъ печатаемыхъ матеріаловъ, даже не собраны всѣ произведенія Гнѣдича [2]), и библіографія ихъ требуетъ и значительныхъ, и существенныхъ дополненій.

Извѣстно, что къ Иліадѣ Гнѣдичъ питалъ любовь еще въ университетѣ. Сынъ небогатыхъ полтавскихъ помѣщиковъ, рано лишившійся родителей, онъ тѣмъ не менѣе получилъ по своему времени достаточное образованіе. Онъ родился 2-го февраля 1784 года и первоначальное образованіе получилъ въ Полтав-

---

1) Новѣйшимъ и самымъ полнымъ является критико-біографическій очеркъ Н. Минскаго (Н. М. Виленкина) при первомъ томѣ втораго изданія «Собранія сочиненій Н. И. Гнѣдича», въ шести томахъ, М. О. Вольфъ. Спб. 1903.

2) «Матеріалы для полнаго изданія сочиненій Н. И. Гнѣдича», М. Лонгинова въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г., 845—850 стр. Н. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, по неизданнымъ источникамъ, сообщилъ П. Тихановъ. Изданіе Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, Спб., 1884.

ской семинаріи, но здѣсь оставался недолго и перешелъ въ Харьковскій коллегіумъ. Здѣсь Гнѣдичъ пробылъ около семи лѣтъ и въ 1800 году перешелъ въ Московскій университетъ. Въ 1803 году онъ пріѣхалъ уже въ Петербургъ и опредѣлился на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Въ Петербургѣ, среди иногда очень тяжелой матеріальной обстановки, развернулась литературная дѣятельность Гнѣдича, привлекшая къ нему вниманіе вліятельныхъ лицъ и снискавшая къ нему покровительство и уваженіе А. Н. Оленина. Благодаря Оленину, онъ въ 1811 году былъ избранъ въ члены Россійской Академіи и назначенъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки, гдѣ и снискалъ себѣ дружбу И. А. Крылова.

Посвятивъ всѣ свои способности литературѣ, Гнѣдичъ тѣмъ не менѣе не примкнулъ ни къ Вольному Обществу, ни къ Бесѣдѣ любителей русскаго слова. Въ этомъ несомнѣнно сказалась необыкновенная осмотрительность Гнѣдича въ житейскихъ отношеніяхъ, къ которой онъ пришелъ горькимъ опытомъ жизни. Въ ранней молодости онъ увлекался всѣмъ и всякому незначительному случаю придавалъ какую то важность. Въ Суворовѣ онъ видѣлъ идеалъ героя и вѣрилъ, что самъ «рожденъ для подъятія оружія». Въ то время и литературные труды его отличались стремленіемъ уклониться не только отъ господствующаго псевдоклассическаго направленія, но и отъ сентиментализма. Скоро однако эти пылкія увлеченія миновали, и въ Петербургѣ онъ сталъ поклонникомъ туманной чувствительности Оссіана и переводчикомъ Дюсисовыхъ передѣлокъ Шекспира [1]). Отъ прежнихъ увлеченій осталась только выспренность въ литературной рѣчи и декламаціи, до которой Гнѣдичъ былъ большой охотникъ. Житейская школа и обстоятельства, среди которыхъ онъ росъ, имѣли огромное вліяніе на выработку его характера и личныхъ привязанностей. Сынъ небогатаго малороссійскаго помѣщика, Гнѣдичъ выросъ въ бѣдности и привыкъ твердо переносить ее,

1) Сочиненія К. Н. Батюшкова, томъ I, Спб., 1887, 45 и сл. стр.

любилъ замыкаться въ себя, съ наслажденіемъ предавался труду, былъ въ немъ упоренъ и вообще отличался стойкостью въ характерѣ, убѣжденіяхъ и привязанностяхъ. Жизненный опытъ рано наложилъ не него свою тяжелую руку. При всемъ томъ Гнѣдичъ сохранилъ въ себѣ привязанность къ изяществу и умѣлъ во всемъ найти прекрасное. По свидѣтельству Батюшкова, «у Гнѣдича есть прекрасное и самое рѣдкое качество: онъ съ ребяческимъ простодушіемъ любитъ искать красоты въ томъ, что̀ читаетъ; это самый лучшій способъ съ пользой читать, обогащать себя, наслаждаться. Онъ мало читаетъ, но хорошо». Другой современникъ и пріятель Гнѣдича, С. П. Жихаревъ, рисуетъ его человѣкомъ «очень добрымъ, миролюбивымъ и умнымъ». По словамъ Жихарева [1]), Гнѣдичъ «замѣчателенъ былъ неутомимымъ своимъ прилежаніемъ и терпѣніемъ, любовью къ древнимъ языкамъ и страстью къ нѣкоторымъ трагедіямъ Шекспира и Шиллера . . . Гнѣдичъ, который увлекался всѣмъ, что̀ выходило изъ обыкновеннаго порядка вещей, прочиталъ три раза Телемахиду отъ доски до доски, и даже находилъ въ ней безподобные стихи, предпринялъ было сочиненіе какой то драмы въ 15 дѣйствіяхъ, но не успѣлъ по случаю отъѣзда своего въ Петербургъ». О первомъ своемъ знакомствѣ съ Гнѣдичемъ у Хвостова 10-го марта 1807 года Жихаревъ говоритъ: Гнѣдичъ, «кажется, человѣкъ очень добрый, но ужъ вовсе невзраченъ собою: кривъ и такъ изуродованъ оспою, что грустно смотрѣть... Гнѣдичъ читалъ свой переводъ седьмой пѣсни «Иліады». . . Слушатели были въ восхищеніи. Гнѣдичъ читаетъ хорошо и внятно, только чуть ли не слишкомъ театрально и громогласно; на такое чтеніе у меня не достало бы груди». Въ другой разъ Жихаревъ, навѣстивъ Гнѣдича, прослушалъ его декламацію сочиненій Шекспира и, повидимому, не былъ въ такомъ же восхищеніи. «Выхвативъ изъ шкапа Шекспировы сочиненія во французскомъ прозаическомъ переводѣ, — разсказываетъ Жи-

1) Записки Степана Петровича Жихарева, изданіе «Русскаго Архива», М., 1890, стр. 158, 336, 350, 352 и др.

харевъ, — онъ началъ декламировать сцену Гамлета съ привидѣніемъ, представляя попеременно то одного, то другого, съ такими странными тѣлодвиженіями и такимъ дикимъ напряженіемъ голоса, что ласкавшаяся ко мнѣ собака его, Мальвина, бросилась подъ диванъ и начала прежалобно выть. Гнѣдичъ хорошо разумѣетъ французскій языкъ, но говоритъ на немъ изъ рукъ вонъ плохо и въ чтеніи коверкаетъ его безъ милосердія: такого уморительнаго произношенія никогда не случалось мнѣ слышать. Кажется, сцена появленія привидѣнія — одна изъ фаворитныхъ сценъ Гнѣдича... По всему замѣтно, что переводчикъ «Иліады» изучаетъ и Шекспира: онъ говоритъ о немъ дѣльно и убѣдительно, и, не смотря на свои странности, внушаетъ довѣріе къ своимъ сужденіямъ». Но, надо думать, что это впечатлѣніе было исключительнымъ. Вообще же Гнѣдичъ своею декламаціей «Иліады» оставлялъ совсѣмъ другое впечатлѣніе. «Вчера, разсказываетъ Жихаревъ, слушали мы 18-ю пѣснь «Иліады», которую Гнѣдичъ читалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и напряженіемъ голоса. Я, право, боюсь за него: еще нѣсколько такихъ вечеровъ, и онъ того и гляди начитаетъ себѣ чахотку. Въ переводѣ его есть прекрасные стихи... Вообще Гнѣдичъ владѣетъ языкомъ отлично, и хотя въ стихахъ его есть нѣкоторая напыщенность, но за то они гладки, удареніи въ нихъ вѣрны, выраженія точны, риѳмы созвучны, словомъ, переводъ хоть куда». Любопытно отмѣтить отношеніе Гнѣдича къ переводамъ сочиненій Шекспира. Однажды Жихаревъ засталъ Гнѣдича за переводомъ «Леара». «Мнѣ показалось очень страннымъ, говоритъ онъ, что, будучи такимъ поклонникомъ Шекспира, онъ вздумалъ поправлять его; у него «Леаръ» не только не Шекспировъ, но даже и не Дюсисовъ: всѣ патетическія сцены сумасшествія Леара выкидываются; а, кажется, на нихъ основанъ весь интересъ пьесы. Роль, назначаемая Яковлеву, ничтожна. Замѣтно, что заботы Гнѣдича объ одной только роли Корделіи для Семеновой. Онъ началъ также переводить «Танкреда», но не хочетъ продолжать его, покамѣстъ не спуститъ

съ рукъ «Леара»». Возвращаясь къ общей характеристикѣ Гнѣдича, Жихаревъ говоритъ: «Гнѣдича въ университетѣ прозвали ходульникомъ, l'homme aux échasses, потому что онъ всегда говорилъ свысока и всякому незначительному обстоятельству придавалъ какую то особенную важность. Я думаю, что въ этомъ отношеніи онъ мало перемѣнился, но со всѣмъ тѣмъ нельзя не признать его человѣкомъ умнымъ, и что̀ еще лучше, добрымъ и благонамѣреннымъ: à tout prendre, c'est une bonne connaissance à cultiver. Съ нимъ не скучно, и если онъ любитъ проповѣдывать самъ, то слушаетъ охотно и другихъ съ живымъ, неподдѣльнымъ участіемъ, и возражаетъ безъ обиды чужому самолюбію. Я замѣтилъ, что у него есть страстишка говорить афоризмами, какъ почти у всѣхъ грекофиловъ, и другая — прихвастнуть своими bonnes fortunes».

Очень рано у Гнѣдича обнаружилось пристрастіе къ драматическимъ произведеніямъ. Онъ любилъ читать ихъ вслухъ и, повидимому, не только самъ цѣнилъ свои декламаціонныя дарованія. Впослѣдствіи онъ руководилъ даже извѣстной актрисой Семеновой при разучиваніи ею своихъ ролей. Эта любовь къ драматическимъ произведеніямъ была господствующею страстью и услаждала его въ теченіе всей жизни. Первыми опытами Гнѣдича въ прозѣ и стихахъ были переводы нѣкоторыхъ трагедій. Еще въ молодые годы Гнѣдичъ предъявлялъ къ драмамъ требованіе отвѣчать современности и быть отраженіемъ быта и нравовъ[1]). Къ сожалѣнію, въ печати до сихъ поръ не было извѣстно ни одного опыта его собственнаго драматическаго творчества, ни одной оригинальной піесы, самостоятельно задуманной и написанной Гнѣдичемъ. Печатаемая ниже безъ названія комедія Гнѣдича, сохранившаяся среди бумагъ А. Н. Оленина, пополняетъ этотъ пробѣлъ въ библіографіи литературныхъ трудовъ Гнѣдича. Повидимому, это единственный образецъ его драматическаго творчества, сохранившійся до нашего времени. Тѣмъ

1) Жихаревъ, Записки, 384 стр.

болѣе драгоцѣнна эта комедія еще и потому, что сюжетъ ея взятъ изъ современной Гнѣдичу жизни, и она такимъ образомъ является до извѣстной степени комедіей нравовъ.

Сюжетъ для комедіи Гнѣдича дала среда современныхъ ему поэтовъ. За таковыхъ сходили иногда совершенно бездарные, невѣжественные и пьяные чиновники, занимавшіеся на досугѣ риѳмоплетствомъ, да и то при помощи письмовниковъ, а иногда и просто торговавшіе чужими стихами среди такихъ же литературныхъ невѣждъ, какъ и они сами. Дѣйствіе комедіи развертывается около одного случая въ жизни такого «риѳмача», котораго Гнѣдичъ удачно назвалъ «Стихоплеткинымъ». Богатый провинціальный откупщикъ заказываетъ ему стихи на именины своей супруги. Стихоплеткинъ беретъ заказъ, обязавшись еще ранѣе двумя задатками отъ купца за стихи къ свадьбѣ и отъ другого такого же какъ онъ самъ поэта Хлыстова, или графа Свистова, какъ назвалъ Оленинъ то же самое лицо. Разумѣется, ни одинъ изъ трехъ заказовъ не поспѣваетъ въ срокъ, тѣмъ болѣе что откупщикъ прислалъ слишкомъ рано двѣ бутылки вина. Въ концѣ концовъ, Стихоплеткинъ сбываетъ откупщику какіе то не конченные стихи, повидимому, изъ старыхъ, предназначавшихся племянницѣ. Около этого незамысловатаго сюжета нарисована довольно яркая картина убожества домашней жизни и обстановки мелкаго канцелярскаго чиновника, прослывшаго среди купцовъ и прикащиковъ на Щукиномъ дворѣ за стихотворца. Бѣдность, граничащая съ нищетой, невѣжество и пьянство, — вотъ отличительныя черты Стихоплеткина, возмнившаго о себѣ слишкомъ много, какъ о поэтѣ дѣйствительномъ, прославившемъ свое имя и достойно снискавшемъ себѣ извѣстность. Это самомнѣніе Стихоплеткина весьма забавно и очень внушительно для откупщика Дубинина. Среда, гдѣ онъ живетъ, даже его домашніе, повидимому, всѣ даже ниже его во всѣхъ отношеніяхъ, особенно по грубости, необразованности и невоспитанности во взаимныхъ отношеніяхъ и обращеніяхъ другъ съ другомъ. Довольно ярко очерчены на этомъ фонѣ нищеты и невѣжества

откупщикъ и его двѣ дочери, получившія образованіе, которое одной изъ нихъ лишь прибавило романтизма и наивности. Общую картину некультурности дополняетъ и довольно рельефно очерченная фигура откупщика Дубинина.

Картиной этихъ отрицательныхъ сторонъ жизни мелкаго чиновника, придумавшаго для пополненія своего скуднаго заработка оригинальный кустарный промыселъ и спеціализовавшагося на стихоплетствѣ, и исчерпываются положительныя качества драматическаго творчества Гнѣдича. Но и съ этой стороны его комедія не чужда искусственности и шаржа. И въ этомъ отношеніи она еще очень далека отъ того, чтобы ее можно было признать бытовой комедіей. Узко задуманная, она не широко и исполнена. Мелкіе интересы приниженныхъ людей не поставлены въ ней въ перспективу общественной жизни или хотя бы жизни одного опредѣленнаго круга или класса современниковъ, не разработаны въ широкую картину быта одного изъ классовъ столичнаго населенія, не продуманы художественнымъ сознаніемъ и не возведены въ типичное явленіе современности. Впрочемъ, случайность сюжета должна была исключить возможность такого обобщенія.

Въ литературномъ отношеніи комедія не лишена нѣкоторыхъ достоинствъ, какъ и языкъ ея. Она не растянута, въ ней есть движеніе, написана она хорошимъ языкомъ. Однако искусственность ея окончанія ничѣмъ не искупается и отодвигаетъ комедію далеко назадъ отъ новой эпохи въ драматическомъ творчествѣ, которая почувствовалась въ нѣкоторой долѣ реализма ея содержанія, въ обработанности ея литературной формы и языка.

Впрочемъ, Гнѣдичъ не назначалъ своей комедіи для театра и широкой публики. Происхожденіе и задача комедіи весьма скромны: она назначалась для развлеченія ограниченнаго круга друзей Гнѣдича на домашнемъ спектаклѣ у Олениныхъ, въ подгородной ихъ дачѣ Пріютинѣ, въ день именинъ супруги А. Н. Оленина, Елизаветы Марковны, 5-го сентября 1815 года. На рукописномъ экземплярѣ комедіи, сохранившемся въ архивѣ

А. Н. Оленина, собственною рукою Оленина записаны подробности происхожденія и первой постановки комедіи. Олениңъ записалъ имя автора: «Н. И. Гнѣдичъ», а изъ записи его: «Комедія сочиненная и игранная въ Пріютикѣ 5-го сентября 1815 года», можно вывести то заключеніе, что Гнѣдичъ написалъ ее не только по заказу и къ опредѣленному случаю, но и въ очень короткій срокъ, быть можетъ, въ тѣ два-три дня, которые Гнѣдичъ могъ провести въ Пріютинѣ безъ ущерба для своихъ служебныхъ обязанностей въ Императорской Публичной Библіотекѣ, тѣмъ болѣе, что и сослуживецъ его по Библіотекѣ, И. А. Крыловъ, въ эти дни тоже былъ въ Пріютинѣ. Списокъ дѣйствующихъ лицъ записанъ А. Н. Олениным въ слѣдующемъ составѣ:

«Дѣйствующія лица:

«Стихоплет — самъ авторъ.
«Дубининъ — И. А. Крыловъ.
«Аглая — Ел. П. Полторацкая.
«Клеопарта — А. Ф. Фурманъ.
«Жена Стихопл. — Мар. Ф. Коханѣева.
«Служанка ся — Роз. Ф. Ребе.
«Лакей Дубинина и «Графъ Свистовъ } — А. А. Олениңъ.
«Дочери Стихопл.: — В. А. Оленина.
«А. А. Оленина».

Въ этомъ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ, записанномъ собственноручно А. Н. Олениным, обращаетъ вниманіе разница въ именованіи одного дѣйствующаго лица: въ комедіи Гнѣдича вездѣ участвуетъ «Хлыстовъ», а въ записи Оленина это дѣйствующее лицо названо «графомъ Свистовымъ». Впрочемъ, эта разница не вноситъ существенной перемѣны ни въ построеніе, ни въ характеръ комедіи, и нисколько не мѣшаетъ воображенію догадаться, кого именно изъ живыхъ поэтовъ Гнѣдичъ имѣлъ въ виду изобразить подъ именемъ Хлыстова или графа Свистова.

Изъ другихъ уцѣлѣвшихъ и печатаемыхъ ниже памятниковъ литературнаго творчества Н. И. Гнѣдича обращаетъ вниманіе его «Письмо о поѣздкѣ въ Гатчино 1815 года». Въ письмѣ этомъ больше изъявленія чувствъ, чѣмъ изложенія фактовъ, тѣмъ не менѣе оно касается весьма примѣчательной области въ исторіи нашего просвѣщенія и литературы въ началѣ XIX вѣка и потому заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться подольше и войти во всѣ подробности разсказаннаго въ немъ случая.

Гнѣдичъ въ «Письмѣ» упоминаетъ о поѣздкѣ въ Павловскъ и нѣсколько подробнѣе разсказываетъ о поѣздкѣ въ Гатчино. Обѣ эти поѣздки, очевидно, имѣютъ непосредственное отношеніе къ литературнымъ вечерамъ, которые Императрица Марія Ѳеодоровна, вдова Императора Павла Петровича, устраивала у себя въ мѣстахъ своей резиденціи. Къ сожалѣнію, фактъ этотъ, извѣстный въ исторіи литературы, еще не привлекъ къ себѣ должнаго вниманія историковъ и біографовъ. Любовь Императрицы къ изящной литературѣ, любезное вниманіе ея къ русскимъ писателямъ, приглашеніе ихъ на литературные вечера въ Павловскъ и Гатчино и участіе ея въ этихъ вечерахъ, гдѣ она, очевидно, была центромъ, около котораго собиралось все самое замѣчательное въ нашей изящной словесности, — еще недостаточно освѣщены въ нашей исторіи литературы и, очевидно, въ свое время составятъ одну изъ замѣчательныхъ главъ біографіи приснопамятной покровительницы русскаго просвѣщенія Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Императрица Марія Ѳеодоровна, побуждаемая любовью къ наукамъ и искусствамъ и желаніемъ насадить дѣйствительную культуру въ своемъ новомъ отечествѣ и въ своей семьѣ насадить и укрѣпить духъ уваженія къ творчеству и талантамъ, сгруппировала вокругъ себя избранное общество ученыхъ и поэтовъ. Въ Павловскѣ и Гатчинѣ, а можетъ быть и въ Петербургѣ, на ея литературныя собранія съѣзжались Уваровъ, Оленинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій—Мелецкій, Гнѣдичъ, Тургеневъ, Жуковскій... Особенно Павловскъ былъ средото-

чіемъ нашихъ лучшихъ писателей. Кромѣ лицъ, только что поименованныхъ, нерѣдко въ Павловскъ были приглашаемы Клингеръ, Шторхъ, Вилламовъ, Аделунгъ[1]). Здѣсь, въ Павловскѣ, былъ Розовый павиліонъ, въ которомъ Императрица устраивала свои литературные вечера и принимала своихъ литературныхъ гостей[2]). Вечера эти посвящались чтенію литературныхъ произведеній и литературнымъ бесѣдамъ о поэзіи и изящномъ и о писателяхъ. Государыня особенно участливо относилась къ талантливымъ представителямъ науки и искусства, изыскивала всѣ способы оказать имъ свое высокое и милостивое покровительство и принимала *всѣ мѣры*, чтобы поставить въ такія условія, которыя помогли бы имъ развить свои дарованія и безъ нужды и помѣхи обнаружить ихъ во всей ширинѣ и силѣ. Въ этомъ же направленіи она старалась воспитать и своихъ Августѣйшихъ дѣтей, приглашая ихъ на литературные вечера и привлекая ихъ вниманіе къ представителямъ русской науки и русской поэзіи. Изъ біографій Карамзина и Жуковскаго особенно ярко вырисовываются эти стороны просвѣщеннаго вниманія къ нашей литературѣ со стороны Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ 1813 году Императрица Марія Ѳеодоровна черезъ И. И. Дмитріева предложила Карамзину поселиться въ Павловскѣ и въ Петербургѣ, подъ ея покровительствомъ, и беззаботно отдаться излюбленному занятію русской исторіей. 15-го августа этого года Государыня между прочимъ писала Карамзину: «Я всегда желала и теперь искренно радуюсь надеждѣ лично съ вами познакомиться, и я подтверждаю симъ данное вамъ увѣреніе, что, на все время пребыванія моего въ Павловскѣ, комнаты здѣсь въ замкѣ Бипсѣ для пріема вашего готовы, и, состоя въ вашемъ распоряженіи, ожидаютъ только пріѣзда своего знаменитаго жильца». Карамзинъ не торопился воспользоваться гостепріимствомъ Госуда-

1) Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. К. К. Зейдлица, Спб., 1883, 90 стр. В. А. Жуковскій и его произведенія. Сочиненіе П. Загарина. М. 1883, 171 стр.

2) Н. М. Карамзинъ. М. Погодина. Часть II. М. 1866, 120 стр.

рыни, и она не ослабѣвала въ своемъ вниманіи къ исторіографу, высказывая ему свою оцѣнку его дарованія. 10-го апрѣля 1814 года она писала Карамзину: «Съ особливымъ, въ разныхъ отношеніяхъ, удовольствіемъ читала я письмо ваше отъ 30-го марта. Сколь пріятно мнѣ выраженіе усердныхъ вашихъ чувствованій, и подтверждаемая надежда видѣть васъ у меня въ Павловскѣ, столько же обрадовалась я намѣренію вашему заняться исторіей нынѣшняго достопамятнаго времени и важнѣйшихъ происшествій, въ глазахъ нашихъ совершившихся и совершающихся. Я не только сужденіе ваше о семъ предметѣ нахожу весьма справедливымъ, но и предпріятіе такое достойнымъ вашихъ дарованій, и весьма любопытствую видѣть исполненіе онаго, къ чему, кажется, и назначенный вами срокъ уже приближается, послѣ славнѣйшаго въ лѣтописяхъ событія, которымъ, по полученнымъ здѣсь достовѣрнымъ извѣстіямъ, Всевышній увѣнчалъ подвиги Императора, любезнѣйшаго моего сына, съ побѣдоносными войсками нашими, 19-го марта въ Парижѣ, посреди радостныхъ восклицаній избавленнаго имъ народа: съ чѣмъ васъ симъ усерднѣйше поздравляю. Между тѣмъ я наслаждаюсь ожиданіемъ слышать чтеніе части нашей исторіи, вами уже обработанной, о которой данное мнѣ любезнѣйшею дочерью моею, великою княгинею Екатериною Павловною, понятіе сильно возбудило мое любопытство и нетерпѣливость съ нею познакомиться, равно какъ и съ сочинителемъ, котораго прошу я быть увѣрену, что онъ принятъ будетъ съ чувствительнымъ удовольствіемъ, и что я всякой случай почитаю пріятнѣйшимъ, когда могу изъявить ему истинное уваженіе и доброжелательство, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною»...

Императрица Марія Ѳеодоровна, слушая на вечерахъ произведенія Карамзина, сама готова была руководить писателемъ въ его дальнѣйшихъ работахъ, особенно въ работахъ по современной исторіи. 4-го августа 1814 года она писала ему: «Я имѣла удовольствіе получить оба письма ваши, и приложенное при первомъ изъ нихъ стихотвореніе, вдохновенное достопамятнѣйшимъ

и славнѣйшимъ для Россіи и ея монарха происшествіемъ, составило пріятнѣйшее чтеніе одного вечерняго собранія, въ моемъ розовомъ павиліонѣ, здѣсь въ Павловскѣ, который бы вѣрно вамъ понравился, и я немедленно послала одинъ экземпляръ Императору, любезнѣйшему моему сыну. Что касается до исторіи нашего безпримѣрнаго въ бытописаніяхъ времени, то я нахожу сужденіе ваше о родѣ писанія такого весьма справедливымъ, особливо же одобряю въ полной мѣрѣ благородное чувство, побуждающее писать для потомства, а не для однихъ книжныхъ лавокъ. Таковая цѣль соотвѣтствуетъ какъ предмету, вами себѣ предположенному, такъ и дарованіямъ сочинителя, имѣющаго уже неоспоримое право на вниманіе и уваженіе потомства. Въ пособіяхъ къ совершенію сего труда вы безъ сомнѣнія недостаточествовать не будете, и если я возмогу доставленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и подробностей къ тому содѣйствовать, я поставлю то въ особенное себѣ удовольствіе. Мы дошли уже почти до конца прекраснаго лѣта, и кажется, что не остается мнѣ уже надежды въ теченіи онаго слышать отъ васъ самихъ чтеніе отрывковъ отечественной исторіи, вами написанной, и лично изъявить вамъ истинное мое уваженіе»...

Черезъ три недѣли послѣ этого письма императрица снова писала Карамзину: «Я всѣ ваши письма читаю съ великимъ удовольствіемъ, но, я чаю, вы не обидитесь, если скажу вамъ, что послѣднее отъ 16-го сего мѣсяца мнѣ пріятнѣе прежнихъ, потому что не только оживило опять надежду, которая уже начинала исчезать, надежду лично съ вами познакомиться, но и подало мнѣ совершенное удостовѣреніе о ея исполненіи, показывая намѣреніе ваше переселиться въ Санктепетербургъ ради предмета, васъ занимающаго. Поздравляя нашъ Петербургъ съ симъ пріобрѣтеніемъ, я душевно утѣшаюсь мыслію о пріятномъ препровожденіи времени, котораго теперь навѣрное ожидать могу для наступающей зимы. Для знакомства вашего съ розовымъ павиліономъ время на сей разъ конечно пройдетъ; но въ

замѣнъ я надѣюсь, что будущимъ лѣтомъ вы тѣмъ болѣе пользоваться будете, и я смѣю предполагать, что не только павиліонъ, а и вообще Павловскъ вамъ понравится. Я по крайней мѣрѣ усердно того желаю, и не хвастаю безкорыстіемъ сего желанія; а признаюсь чистосердечно, желаю для того, чтобы вамъ и отлучаться оттуда не хотѣлось. Я весьма любопытствую слышать пашу отечественную исторію изъ устъ самого сочинителя, но не одобряю намѣренія вашего заключить вашъ трудъ исторіею Іоанна Васильевича Грознаго, послѣ котораго останется еще столько предметовъ, достойныхъ вашего пера. Я вамъ напередъ сказываю, что по пріѣздѣ сюда, и по окончаніи исторіи нынѣшняго времени, въ которой вамъ не только никакъ мѣшать не хочу, но паче содѣйствовать готова, я непремѣнно просить буду васъ приняться за продолженіе прежняго труда, и опый довершить. Кому окончить начатое вами? Но я столько надѣюсь на приверженность вашу ко мнѣ, что не полагаю нужды въ большомъ усиліи васъ къ тому склонить, а увѣрена, что вы меня охотно послушаетесь»...

21-го сентября 1815 года Императрица снова писала Карамзину: «Еще прошло лѣто, и все еще розовый павильонъ извѣстенъ вамъ только по имени, и все еще письменно только съ вами бесѣдую. Хотя и примѣчаютъ обыкновенно, что чѣмъ долѣе ожидаешь какого добра, тѣмъ оно менѣе при достиженіи его; но повѣрьте, что отлагательство умножаетъ одно только мое нетерпѣніе, а не можетъ увеличить ни любопытства моего слышать чтеніе вашей исторіи, ни удовольствія, котораго я отъ онаго ожидаю, и съ которымъ васъ самихъ пріиму. Я весьма радуюсь успѣшному ходу вашихъ трудовъ... Пріѣзжайте къ намъ поскорѣе, а между тѣмъ побѣждайте почаще вашу скромность, пишите не опасаясь наводить скуку, которой, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не находилъ въ вашихъ сочиненіяхъ и бесѣдахъ: изъ чего, кажется, основательно заключить можно, что она чуждается вашего присутствія»...

Всѣ эти письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Н. М.

Карамзину[1]) съ очевидностью свидѣтельствуютъ о большихъ симпатіяхъ ея какъ къ произведеніямъ русской изящной словесности, такъ и къ ихъ авторамъ. Государыня обладала широкими познаніями въ исторіи и литературѣ и тонкимъ чувствомъ прекраснаго, которыя давали ей прочное основаніе для сужденій о цѣнности твореній современныхъ писателей и подсказывали ей вѣрныя указанія для руководства ими и для использованія ихъ дарованій въ полной мѣрѣ къ чести и славѣ и ихъ литературнаго имени, и создаваемой ими русской литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государыня старалась привлечь къ себѣ лучшихъ представителей литературы, принимала мѣры къ тому, чтобы своевременно и полно познакомиться и съ ними и съ ихъ трудами, и для этого устраивала у себя, особенно въ Розовомъ павиліонѣ въ Павловскѣ, вечера для чтенія новыхъ произведеній и для личнаго знакомства съ учеными и писателями. По именамъ лицъ, имѣвшихъ счастіе получать приглашеніе въ Розовый павиліонъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, можно полагать, что приглашавшіеся принадлежали къ молодой литературной семьѣ, къ даровитымъ и образованнымъ представителямъ русской науки и русской литературы. Кромѣ любезнаго вниманія и покровительства, для нихъ Императрица Марія готова была предоставить всѣ средства и удобства для полнаго и беззаботнаго служенія наукѣ и литературѣ.

Заслуживаютъ особаго вниманія литературные вечера Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Подробности этихъ вечеровъ, съ точнымъ указаніемъ всего, что и какъ тамъ дѣлалось, и съ перечисленіемъ всѣхъ присутствовавшихъ на этихъ вечерахъ, приведены въ перепискѣ В. А. Жуковскаго. Жуковскій отослалъ А. И. Тургеневу большое свое посланіе къ Императору Александру Павловичу, написанное имъ вскорѣ послѣ взятія Парижа. Посланіе это должно было быть прочитаннымъ на вечерѣ у

1) Николай Михайловичъ Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. Матеріалы для біографіи, съ примѣчаніями и объясненіями М. Погодина. Часть II. М, 1866, 112—130 стр.

Императрицы Маріи Ѳеодоровны, — и вотъ какъ Тургеневъ, въ письмѣ отъ 1-го января 1815 года [1]), описываетъ этотъ вечеръ и это чтеніе. Послѣ привѣтствія, онъ пишетъ: «Я долженъ описать тебѣ подробно чтеніе твоего посланія, которое происходило въ комнатахъ ея величества, въ присутствіи ея, великихъ князей (Николая и Михаила Павловичей), великой княжны Анны Павловны, графини Ливенъ, Нелидовой, Нелединскаго-Мелецкаго, Виламова и Уварова. Я писалъ уже тебѣ, что государынѣ угодно было назначить мнѣ пріѣхать въ 7 часовъ вечера 30-го декабря. Въ самый часъ явился я къ Уварову, и немедленно ввели насъ въ кабинетъ ея, гдѣ уже дожидался Нелединскій. Черезъ пять минутъ вошла и государыня съ тѣми особами, которыхъ я наименовалъ выше. Первая рѣчь со мною о тебѣ, о твоихъ талантахъ, о твоей жизни, о твоихъ намѣреніяхъ и объ упорствѣ твоемъ, съ которымъ ты противишься приглашеніямъ ея величества пріѣхать въ С.-П-бургъ. Я обнадежилъ государыню, что ты непремѣнно будешь зимою, хотя проѣздомъ. Она нѣсколько разъ подтверждала мнѣ желаніе ея тебя видѣть, и поручила написать къ тебѣ объ этомъ. Началось чтеніе: приготовленный совѣтами моихъ пріятелей, я читалъ внятно и съ тѣмъ чувствомъ, которое внушили мнѣ и высокость предмета, и пламенный геній твой, и моя не менѣе пламенная дружба къ тебѣ. Я забылъ сказать, что передъ чтеніемъ представилъ я ея величеству прекрасно переписанный и переплетенный экземпляръ стиховъ твоихъ; она, полюбовавшись талантомъ моего калиграфа, приказала мнѣ читать по моей другой рукописи, а сама слѣдовала глазами и съ восхищеніемъ безпрестанно останавливалась на тѣхъ стихахъ, которые невольно поражаютъ. Великая княжна и князья перерывали чтеніе восклицаніями: прекрасно! превосходно! c'est sublime! Въ продолженіи чтенія великіе князья изъявили желаніе, чтобы эти стихи переведены были, если можно, на нѣмецкій и англійскій языки... Въ концѣ піэсы не разъ наверты-

1) «Русскій Архивъ», 1864 года, 448 стр. и слѣд.

вались слезы, и государыня и я принуждены были останавливаться. Она обращалась къ великой княжнѣ и встрѣчала взоры ея, такъ же исполненные любви къ предмету твоего пѣснопѣнія и удивленія къ твоему таланту... Чтеніе кончилось. Восхищеніе и похвала продолжались. Государыня начала снова у меня о тебѣ разспрашивать и требовала отъ Уварова и меня, чтобы мы сказали ей, что̀ можно для тебя сдѣлать. Я было забылъ сказать тебѣ, что я прочелъ ей и твое посвященіе, которое ее тронуло... Она просила меня прислать ей другую копію, которую отошлетъ государю. Тебѣ будетъ сама писать. Приказала поскорѣе приступить къ изданію самому великолѣпному и возложила это на Уварова и меня. Желаетъ, чтобы прославившійся въ Парижѣ граверъ Уткинъ сдѣлалъ виньетъ, о которомъ вчера уже говорила Оленину; велѣла напечатать поболѣе экземпляровъ на веленевой бумагѣ, обѣщала взять только по одному экземпляру для себя и для фамиліи, да для Уварова и меня, а остальное отъ 1200 всѣ въ твою пользу. Она хочетъ, чтобъ изданіе было достойно и предмета и высокости твоего генія... Пиши ко мнѣ, и присылай все свое новое непремѣнно, и поскорѣе, всякой разъ будетъ читано государынѣ».

Въ письмѣ самого Жуковскаго отъ 16-го сентября 1815 г.[1]) изложены подробности представленія Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и чтенія его произведеній. Жуковскаго представилъ Государынѣ Нелединскій, котораго онъ называлъ «Парнаса капитаномъ» въ извѣстномъ стихотвореніи, посвященномъ ему, Ю. А. Нелединскому-Мелецкому. Когда въ началѣ сентября 1805 года Жуковскій пріѣхалъ въ Петербургъ, Нелединскій увѣдомилъ его, что они должны вмѣстѣ ѣхать въ Павловскъ для новаго представленія Жуковскаго Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

«Я отправился туда одинъ, 4-го числа поутру, — пишетъ Жуковскій, — и пробылъ тамъ три дня, обѣдалъ и ужиналъ у царицы, и возвратился съ сердечною къ ней привязанностію, съ

1) Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. 1793—1852. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица. Спб., 1883, 87 стр. и слѣд.

самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ ласки необыкновенной. Въ эти три дня не было ни одной минуты для меня неловкой. Простота ея въ обхожденіи такъ велика, что я никогда не думалъ, гдѣ я, и съ кѣмъ я. Однимъ словомъ, было весело, потому что сердце было довольно. Въ первый день было чтеніе моихъ балладъ въ ея кабинетѣ въ приватномъ обществѣ, составленномъ изъ великихъ княгинь, двухъ или трехъ дамъ, Нелединскаго, Вилламова и меня. Читалъ Нелединскій сперва *Эолову арфу*, потомъ *Людмилу*, потомъ опять *Эолову арфу*, которая особенно понравилась; потомъ *Варвика*, потомъ *Ивика*. На слѣдующемъ чтеніи, которое происходило уже въ большомъ кругу, читалъ я самъ *Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ*; потомъ Нелединскій — *Старушку* и *Свѣтлану*, и наконецъ *Посланіе къ царю*. Эти минуты были для меня пріятны, но не самыя пріятныя: здѣсь вмѣшивалось безпокойное самолюбіе автора. Но то, что было для меня *особенно пріятно*, есть чувство благодарности за самое трогательное вниманіе, за добродушную ласку, которая нѣкоторымъ образомъ уничтожила разстояніе между мною и Государыней. Эта благодарность навсегда останется въ душѣ моей».

Потомъ, послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны, эти чувства Жуковскій выразилъ въ извѣстномъ стихотвореніи «У гроба Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ ночи наканунѣ ея погребенія», 12-го ноября 1828 года. Въ стихотвореніи этомъ есть, между прочимъ, слѣдующія строки:

«Благодаримъ, благодаримъ
«Тебя за жизнь твою межъ нами!
«За тронъ твой, царскими дѣлами
«И сердцемъ благостнымъ твоимъ
«Украшенный, превознесенный;
«За образецъ, тобой явленный,
«Божественныя чистоты;
«*За прелесть кроткой простоты*
«Среди блистанья царской славы...»

Въ другомъ, болѣе раннемъ, стихотвореніи, которое называется «Первый отчетъ о лунѣ», не Розовый ли павиліонъ описанъ Жуковскимъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Меня еще картина ждетъ:
«Сей павильонъ уединенный,
«Мечтѣ безмольной посвященный,
«Столь милый именемъ своимъ...» [1]).

Всѣ эти подробности милостиваго вниманія Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ нашимъ писателямъ находятъ себѣ подтвержденіе въ печатаемомъ ниже «Письмѣ» Н. И. Гнѣдича. Особенно поразила Гнѣдича ласковость и простота Государыни. Въ ожиданіи выхода Императрицы къ обѣденному столу Гнѣдичъ чувствовалъ себя весьма «стѣсненнымъ» и «смущеннымъ». Но, разсказываетъ онъ, «вышла Императрица, и я ничего этого не чувствовалъ; и за столомъ, когда она обратила нѣкоторые вопросы къ г. Крылову, мнѣ уже казалось, что я скорѣе былъ бы готовъ на отвѣтъ, нежели нашъ Лафонтенъ, котораго первый вопросъ Государыни нашелъ погруженнымъ въ безмолвныя занятія священной трапезы». Общее впечатлѣніе Гнѣдича совершенно совпадаетъ съ впечатлѣніемъ Жуковскаго. «Ласковость и веселость Императрицы, — говоритъ Гнѣдичъ, — непритворная свобода и небольшой на этотъ разъ кругъ общества давали ему видъ какой-то благородной семейственности», но тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ Гнѣдичъ, — «взглянувъ на высокую угостительницу, я узнавалъ царицу: неизмѣнныя черты величія, напечатлѣнныя въ образѣ ея, во взорахъ, въ самой улыбкѣ».

Въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера, у Государыни было литературное чтеніе, въ подробностяхъ описанное Гнѣдичемъ. Описаніе это дополняетъ свѣдѣнія о литературныхъ вечерахъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны какъ разъ въ тѣхъ моментахъ,

1) Н. И. Гнѣдичъ посвятилъ Розовому павиліону свое стихотвореніе «Для Розоваго павильона въ Павловскѣ», написанное въ 1814 году. «Собраніе сочиненій Н. И. Гнѣдича, въ шести томахъ», 1903, томъ первый, 27 стр.

которые не были подробно освѣщены въ извѣстныхъ уже источникахъ.

«Въ 8 часовъ, — разсказываетъ Гнѣдичъ, — мы вошли въ залу вечерняго собранія, и Государыня по выходѣ своемъ, опять обратясь привѣтственно къ каждому изъ насъ порознь, изъявила желаніе, чтобы начали чтеніе. Г. Крыловъ началъ его чтеніемъ своихъ басенъ. Многія изъ нихъ были новыя, а многія по волѣ и назначенію Государыни читаны старыя, или въ другой разъ повторяемы новыя. Не нужно вамъ описывать несомнительнаго ихъ дѣйствія, но не можно было не удивляться той вѣрности вкуса, съ какимъ Государыня замѣчала красоты въ читанныхъ басняхъ, и тому вниманію, какое она преклоняла къ прекраснымъ стихотвореніямъ г. Жуковскаго, которыя читалъ Ю. А. Нелединскій; а я имѣлъ счастіе читать начало изъ 1-й пѣсни Иліады. Но всего, я думаю, лестнѣе было слышать нашему баснописцу, какъ великая княжна (Анна Павловна) вспоминала наизусть нѣкоторые стихи изъ басенъ его. Ея высочество удостоила также лестными замѣчаніями нѣкоторые стихи въ читанномъ переводѣ Омера. Такимъ образомъ чтеніе, прерываемое сужденіями, продолжалось почти до 11 часовъ. Во время ужина сужденія сдѣлались болѣе общими. Императрица говорила вообще о русской словесности, о превосходствѣ языка нашего предъ многими европейскими, о поэмахъ Омера, о пріятности русскаго экзаметра и между прочимъ вспоминала нѣкоторыхъ нашихъ литераторовъ и художниковъ, дарованіями отличныхъ и привлекшихъ вниманіе ея величества».

О степени непринужденности за ужиномъ можно судить по поведенію И. А. Крылова, сидѣвшаго въ сосѣдствѣ съ Гнѣдичемъ. Государыня много разъ пыталась показать вниманіе и любезность къ нему, но не находила повода и возможности. Замѣтившій это Нелединскій сказалъ Гнѣдичу:

— Скажите вашему сосѣду, чтобы онъ пропустилъ хоть одно блюдо, что Государыня желаетъ его поподчивать и не находитъ времени.

Весьма любопытны и другія наблюденія Гнѣдича, характеризующія дворъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и подтверждающія чрезвычайно симпатичныя отношенія Государыни къ представителямъ русской литературы.

Изъ вновь найденныхъ и печатаемыхъ ниже стихотвореній Н. И. Гнѣдича заслуживаетъ вниманія то стихотвореніе, которое начинается:

«Что еслибъ вы, безсмертны тѣни».

Оно не имѣетъ заглавія, но содержаніе его съ очевидностью свидѣтельствуетъ, что заглавіемъ его должно было быть: «*На открытіе Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ*».

Въ предпослѣднемъ стихѣ:

«Украсилъ, всѣмъ отверзъ и самъ почтилъ сей кровъ»,

Гнѣдичъ въ одинъ поэтическій моментъ соединилъ два событія, бывшія не одновременно. Извѣстно, что посѣщеніе Императорской Публичной Библіотеки Императоромъ Александромъ I предшествовало ея открытію на много мѣсяцевъ[1]). Всѣ работы предварительныя по устройству этого книгохранилища были окончены къ 1812 году, и 2-го января 1812 года Императоръ Александръ удостоилъ вновь созданную Библіотеку своимъ посѣщеніемъ и подробнымъ осмотромъ всѣхъ ея достопримѣчательностей. Затѣмъ, 23-го февраля, высочайше утверждены были «Начертанія подробныхъ правилъ для управленія Императорскою Публичною Библіотекою». Событія 1812 года — самый разгаръ военныхъ приготовленій и небывалыхъ доселѣ тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ — отсрочили однако открытіе Библіотеки: вскорѣ пришлось думать о спасеніи ея драго-

1) Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Томъ третій. Спб., 1897, 72 стр.

цѣнностей. Поэтому торжество открытія состоялось только двумя годами позже, въ 1814 году. Для этой цѣли былъ избранъ день, служившій воспоминаніемъ всемилостивѣйшаго посѣщенія Библіотеки Императоромъ Александромъ, а именно незабвенный для этого учрежденія день 2-го января.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Гнѣдичъ воспѣлъ первое событіе, относящееся къ 1812 году, когда именно и состоялось «шествіе» царя и когда онъ посѣтилъ «священный домъ».

Стихотвореніе «Новости», конечно, направлено своими стрѣлами противъ литературнаго кружка славянофиловъ или шишковистовъ, устроившихъ бесѣды «Любителей русскаго слова» у Державина въ 1811 году.

Стихотвореніе «Молитва дѣтей» уже извѣстно по изданіямъ сочиненій Гнѣдича, и мы печатаемъ его вновь только вслѣдствіе варіанта въ послѣднемъ стихѣ, нашедшагося въ экземплярѣ архива Оленина.

Стихотвореніе «Въ сей день, о день питомцу музъ изящный», посвященное дню рожденія Е. М. Олениной, имѣетъ съ боку въ оригиналѣ слѣдующую приписку, сдѣланную рукою А. Н. Оленина: «Хоръ пѣтый въ Пріютинѣ 5-го числа сентября 1819 года солистами: С. И. Муравьевымъ-Апостоломъ и кн. Пет. А. Голицынымъ; хористами: кн. И. Щербатовымъ, В. Аткинсономъ, Н. И. Батюшковымъ, А. П. Полторацкой, А. А. Полторацкой, П. А. Олениной. Дирижировалъ Ив. А. Крыловъ».

Подъ первымъ стихотвореніемъ, посвященнымъ памяти Николая Алексѣевича Оленина, сына Алексѣя Николаевича, убитаго въ Бородинскомъ сраженіи, рукою А. Н. Оленина подписано: «Сія надпись была сочинена покойнымъ другомъ покойнаго моего сына Николая, убіеннаго за вѣру, царя и отечество на полѣ Бородинскомъ! — Сія надпись помѣщена была на камнѣ, поставленномъ въ саду Пріютинской мызы на томъ мѣстѣ, на которомъ сынъ мой Николай посадилъ, засохшее по смерти его, дубовое деревцо».

Письма, печатаемыя ниже, написаны Н. И. Гнѣдичемъ къ Оленину, А. Н. Олениным къ Гнѣдичу и А. Н. Олениным къ князю А. Н. Голицыну и Н. И. Гречу; одинъ отвѣтъ написанъ княземъ Голицынымъ на письмо Оленина. Кромѣ того, здѣсь же печатается и отчетъ по постановкѣ памятника на могилѣ Гнѣдича, сооруженнаго на пожертвованія его литературныхъ друзей и почитателей. Заслуживаетъ вниманія письмо А. Н. Оленина къ Гнѣдичу отъ 29-го іюля 1827 года. Если просьба Оленина была исполнена Гнѣдичемъ, то въ списокъ литературныхъ трудовъ Гнѣдича должна быть вписана еще одна піеса для любительскаго спектакля, къ сожалѣнію, не сохранившаяся въ архивѣ Олепина.

Всѣ письма представляютъ собою богатый матеріалъ какъ для біографій Гнѣдича и Оленина, такъ и вообще для исторіи литературы начала XIX вѣка. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія и тотъ списокъ жертвователей и размѣры ихъ жертвъ на памятникъ Гнѣдичу, который печатается въ самомъ концѣ настоящихъ матеріаловъ.

Въ заключеніе приходится высказать сожалѣніе, что въ той части Оленинскаго Архива, которая дала обильный матеріалъ для исторіи Оленинскаго кружка писателей и которая хранится теперь въ Румянцовскомъ Музеѣ, не сохранилось ни одной строки Ив. А. Крылова, который былъ такъ же, какъ Гнѣдичъ, близокъ къ А. Н. Оленину.

Григорій Георгіевскій.

Май 1912 года.
Румянцовскій Музей.

I. Стихотворенія Н. И. Гнѣдича.

1.

НОВОСТИ.

Что новаго у насъ? — Открыта тьма чудесъ:
Близъ Колы былъ Сатурнъ, за Колой Геркулесъ,
Гора Атласъ въ Сибирѣ!
Чему-жъ смѣешься ты?.. И Музы, и Парнасъ, —
Все было въ древности на полюсѣ у насъ.
Гиперборейцы мы, — насъ кто умнѣе въ мірѣ!..
Пиндаръ учился пѣть у русскихъ ямщиковъ!..
Гомеръ дикарь, и грубъ размѣръ его стиховъ...
И намъ ли подражать ихъ лирамъ, пѣть ихъ складомъ?..
У Русскихъ балалайка есть!..
И Русскіе должны, ихъ рода помня честь,
Подъ балалайки пѣть Гиперборейскимъ ладомъ!
Вотъ наши новости...
Ты, другъ мой, дурно спалъ
И въявѣ говоришь, что говорилъ ты въ бредѣ.
Божуся, авторъ самъ намъ это все читалъ!
Гдѣ, въ желтомъ домѣ? — Нѣтъ въ пріятельской бесѣдѣ.

2.

Что еслибъ вы, безсмертны тѣни,
Піиты, Риторы и Мудрецы вѣковъ,
Въ сей день возстали отъ гробовъ
И всѣ стеклись подъ сводъ сей велелѣпной сѣни!
Гдѣ быть, что зрѣть бы вы мечтали,

Когда-бъ очамъ предстали
Письменъ и хартій сихъ несчетные ряды?
Священной мудрости безсмертные труды,
Тысячелѣтьями вѣковъ произведенны,
Въ одинъ чертогъ соединенны? —
Сіи сокровища, огромность сихъ палатъ
И зодчества краса, въ созданіи ихъ зрима,
Вселили-бъ Мудрымъ мысль, что очи диво зрятъ:
Музъ храмъ въ воскреснувшихъ стѣнахъ Аѳинъ иль Рима!
Но что-бъ ихъ сонмъ возмнилъ, въ храмъ шествіе узря
Страны полночныя Великаго Царя,
Который отложа великолѣпье трона,
Подобно брату музъ и богу Еликона,
Любовью къ мудрости влекомъ,
Нисходитъ посѣтить ея священный домъ?
Какъ радостно-бъ Тебя, о гость имъ вожделѣнный,
Встрѣчалъ безсмертныхъ ликъ мужей
Въ сей сѣни, Росской имъ Аѳиной соруженной,
Для нихъ украшенной щедротою Твоей!
Встрѣчалъ! И многіе-бъ, ихъ вспомня край родимый,
Какъ завистью иной, невѣжествомъ гонимый,
Жизнь безъ пристанища въ отечествѣ влачилъ,
И, просвѣтя его, казнь горьку въ немъ вкусилъ.
«О боги! — многіе бъ въ весельи душъ воззвали:
«Въ вѣкъ Александровъ намъ по что вы жить не дали!
«Когда Владыка сей для нашихъ лишь трудовъ»,
Въ восторгѣ-бъ возгласилъ Гомеръ, питомецъ Феба:
«Украсилъ, всѣмъ отверзъ и Самъ почтилъ сей кровъ;
«Я не былъ бы при Немъ лишенъ насущна хлѣба».

3.

Радость дѣтей, любовь!
Васъ къ выраженью словъ
Мы не найдемъ.

Мы ихъ движенія
Въ день восхищенія
Съ гласомъ моленія
Къ Богу прольемъ:
Боже, услышь дѣтей!
Знаешь — о чемъ душей
Молятъ они:
Всѣми почтенную,
Намъ драгоцѣнную,
Мать несравненную
Долго храни!

4.

Въ сей день — о день питомцу музъ изящный! —
Въ сей день родилась та,
Безъ коей-бы сіи пустынныя мѣста
Не обратился въ Эдемъ прекрасный.
Здѣсь безъ нея сей не стоялъ бы домъ,
И не цвѣли-бъ цвѣты его кругомъ,
И воды-бъ не журчали,
И злаки-бъ не блистали!
И ты, безмолвная луна —
[Однакожъ ночь темна,
И на небѣ ея не видно!
Фуй, — какъ не стыдно, —
И звѣзды, и луну поэтъ увидитъ днемъ!]
И ты, луна, въ теченіи своемъ
Не озаряла-бъ здѣсь жилищъ людей счастливыхъ,
Не забрели-бъ сюда Хвостова два плѣшивыхъ!
Здѣсь не былъ-бы теперь вулкановъ грозный домъ,
Страшащій окомъ тамъ — у моста — надъ прудомъ:
Подпертый черными скалами
Стоитъ, нахмурясь, онъ бровями.

Я въ немъ, повѣрьте мнѣ, теперь-же слышу звукъ,
Шумъ мѣха, трескъ огня, кующихъ млатовъ стукъ,
И вижу изъ пещей летящій дымъ и пламень.
Такъ здѣсь, сударыня, и камень
Безъ васъ не двинулся-бъ ко зданью сихъ твердынь,
Подъ коими мы веселимся нынь.
Не сталъ-бы онъ въ сей циркъ величественной риги,
Гдѣ гордыхъ слышенъ стукъ цѣповъ
И поражаемыхъ стенаніе сноповъ,
Изъ коей кушаемъ мы хлѣбныя ковриги.
Здѣсь не было-бъ сего хранилища весны,
Гдѣ розы, огурцы, жасмины, кавуны,
Тюльпаны, абрикосы,
Не зря на лютые морозы,
И зрѣютъ, и растутъ искусной теплотою;
Хоть прошлою весною
Помонинъ — ученикъ не далъ намъ отъ плодовъ
Отвѣдать одного; .... но былъ онъ изъ жидовъ!..
Здѣсь не было-бъ.... но можно-ли помыслить,
Чтобы перомъ изчислить,
Чего бы не было въ семъ захолустьѣ свѣта,
Когда-бъ не родилась на свѣтъ Елисавета!?..
Въ сей день родилась та, безъ коей тутъ
Ни птицамъ, ни людямъ здѣсь не былъ-бы пріютъ!
Взыграйте-жъ днесь, Пріютинскіе долы!
Издайте радости глаголы!
И воды, и поля, и рощи, и холмы
Взыграйте, какъ и мы!
Взыграйте, скажите,
Вы, воды, плещите!
Вы, птички, свищите!
Вы, рощи, шумите!
Цвѣточки, ухайте!
Зефиры, порхайте!

И всѣ поздравляйте,
И всѣ восклицайте!.....

(А что восклицать, предоставляется благоразумному читателю).

5.

ПОСЛАНІЕ

Гр. Д. И. Х. въ Пріютино.

О обитатели Пріютинска раздола!
Отъ Кубры до Пактола
Нѣтъ счастливѣе васъ!
Вамъ каждый часъ
Даютъ пиръ изъ цвѣтовъ и изъ грибовъ долины.
И тутъ
У васъ друзьямъ пріютъ,
А музамъ Геликонъ, Аѳины!
Туда къ вамъ злоба не зайдетъ,
И гордость, дуя губы,
И зависть, скаля зубы; —
Открытость, дружество и миръ у васъ живетъ.
Вы часто, Фебовыхъ сыновъ созвавши сходку
И съ грацьями сидя,
Глядите, какъ мои плѣшивыхъ два, бредя,
Находятъ на пути находку,
Ненужну нуждамъ ихъ.
Иль потѣшаетесь, какъ въ притчахъ я моихъ
То черепахою ношусь небесъ въ твердынѣ,
То со осломъ рѣзвлюся на рябинѣ,
И съ нимъ на макушку какъ прячусь отъ дождя!
И вы, при притчѣ сей другъ на друга глядя,
Дрожите за меня, чтобъ я съ нимъ не свалился!
Но зря, какъ хитро я съ ослицей вспять спустился,
Подъемлете всѣ громкій смѣхъ,

Кой есть лавровый мнѣ вѣнецъ за мой успѣхъ!!!!!
Ту мудрость тайну, что мои два Алкивіада
Скрываютъ во себѣ Крылова для досады,
Незримую безъ мудрости очокъ, —
Всѣ Нимфы топчущи Пріютинскій лужокъ
Узрѣли, какъ свѣтъ дня! Всѣхъ болѣ-жъ та Дріада,
Чтобъ вещи коей зрѣть очокъ для глазъ не надо.
Веселонравная, привѣтна и умна,
Исчерпавъ притчи всѣ отъ берега до дна
И со подругами во память ихъ вливая,
Твердитъ, холмамъ мое тамъ имя предавая!
Прямой талантъ всегда цѣнителей найдетъ!
Я въ пятьдесятъ ужъ лѣтъ
Врагами, завистью, неблагодарнымъ свѣтомъ
Не признаваемый поэтомъ, —
(Пусть днесь враги мои отъ зависти ревутъ!) —
Въ Пріютинѣ себѣ нашелъ достойный судъ!
Цвѣти-жъ, о домъ гостепріимный,
Будь въ вѣки счастливъ, мирный!
И если ты плѣненъ игривостью стиховъ,
Что пишетъ средь досугъ сенаторъ, графъ Хвостовъ,
То нельзя, чтобъ тебѣ черты его смиренны
Россійскимъ Рубенсомъ, Кипренскимъ израженны,
Пріятны не были! И такъ
Пріими его ты зракъ!

6.

Здѣсь нѣкогда нашъ сынъ дубъ юный возращалъ.
Онъ жилъ — и дерево взрастало.
Въ поляхъ Бородина онъ за отчизну палъ,
И дерево увяло!...
Но не увянетъ здѣсь дней нашихъ до конца
Кустъ повилики сей на камнѣ насажденный!...

И съ каждою весной взойдетъ онъ, орошенный
Слезами матери и грустнаго отца.

Н. Гнѣдичъ.

11 Іюля 1813.

7.

Любовью пламенной отечество любя,
Все въ жертву онъ принесъ Россійскому народу:
Богатство, счастье, мать, жену, дѣтей, свободу
И самого себя!....

Гнѣдичъ.

II. Комедія,

сочиненная и игранная въ Пріютинѣ 5-го Сентября 1815-го года.

Соч. **Н. И. Гнѣдичъ.**

Дѣйствующія лица:

Стихоплетъ — самъ авторъ.
Дубининъ — И. А. Крыловъ.
Аглая — Ел. П. Полторацкая.
Клеопатра — А. Ф. Фурманъ.
Жена Стихопл. — Мар. Ф. Коханѣева.
Служанка ея — Роз. Ф. Ребе.
Лакей Дубинина и граф. Свистовъ } А. А. Оленинъ.
Дочери Стихопл.: — В. А. Оленина.
А. А. Оленина.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ бѣдную комнату съ однимъ стуломъ у письменнаго столика и другимъ у стѣны; на столѣ видна одна книжка и статуя съ отбитою головою, а подлѣ стола на полу нѣсколько кипъ бумагъ и огромная книга.

ЯВЛЕНІЕ I.

Матрёна Савична *(выходя и садясь за работу).*

Ну, виновата! — чуть было не забыла, что у меня мужъ есть. Господи, прости меня грѣшную! Хотѣла было одна обѣ-

дать. Этакая память: все на свѣтѣ забуду! Да куда это запропастился мой Иванъ Сидоровичъ! Вѣдь два часа; ужь, вѣрно, не въ палатѣ сидитъ. Самъ сказалъ, что-де буду домой рано. Ну, да что долго думать—поймалъ какого-нибудь простака да и горланитъ ему стихи свои. Господи, прости меня грѣшную. Либо пишетъ кому-нибудь въ Гостинномъ дворѣ салютаціи, либо въ конфектной лавкѣ билетцы. Охъ, ужь мнѣ эти проклятые стихи! Наказаніе Божіе человѣку, если у кого страсть къ этимъ виршамъ такъ одолѣетъ, какъ моего мужа она одолѣла, погибельная! Не доспитъ, не доѣстъ, несетъ ложку въ ротъ да и остановитъ; сидитъ, разиня ротъ и выпуча глаза, — словно лунатикъ. Господи, прости его грѣшнаго! А ночью-то, мой батюшка, иногда закричитъ, какъ навожденный: *нашелъ, нашелъ!* Думаешь, что нашелъ блошку, анъ рифму; думаешь, что онъ говоритъ во снѣ, а онъ на яву бредитъ. Ну, да все бы это еще ничего; какой человѣкъ не безъ порока; но проклятые стихи только мучатъ сердечнаго, а проку-то нѣтъ какъ нѣтъ! 40 лѣтъ онъ ихъ пачкаетъ, а въ палатѣ-то, сказываютъ подъячіе, только-что бьетъ по столу пальцами, все рифмуя стихи.... Вонъ *(указывая на огромную книгу)* сколько ихъ навараксалъ; только и говоритъ: *это мое богатство, это мое сокровище!..* А въ домѣ какъ пусто!.. Такъ пусто!... Двое только дѣтей, да худая слава! Ужь за что я, маіорская дочь, полюбила этого прокаженнаго?! Соблазнилъ демонъ любовными цидульками; вѣдь какъ расписывалъ меня, какъ была я въ дѣвкахъ: и ясное-то солнце мое, и звѣзда моя свѣтлая, и моя пастушка, и моя царица!.. Прельстилась, окаянная, его проклятыми стихами. — Ну, да ужь суженаго и конемъ не объѣдешь!....

ЯВЛЕНІЕ II.

Та-же и Аннушка.

Аннушка.

Что это нейдетъ папенька? Мнѣ, страхъ, ѣсть хочется!

Матрена Савична.

И въ правду, вѣдь скоро три часа; уморитъ злодѣй съ голоду! Вѣрно онъ зашелъ къ Хлыстову; а уже этотъ скоро не выпуститъ: это сатана изъ стихоплетцевъ, зачитываетъ людей до полу-смерти.

Аннушка.

Ахъ, маменька! — ну, какъ онъ и папеньку до полу-смерти зачитаетъ?...

Матрена Савична.

Чего добраго!

Аннушка *(въ страхѣ)*.

Боже мой!... Кто-же это такой Хлыстовъ? Чудо-юдо, или змѣй Горыничъ?...

Матрена Савична.

Хуже, Господи прости меня грѣшную! Тѣ людей только ѣли, а не мучили.

Аннушка.

Ахъ, маменька! — ну, какъ онъ замучитъ и папеньку?...

Матрена Савична.

Нѣтъ, родная, Богъ его помилуетъ; онъ скоро будетъ — я пошутила. *(Кличетъ)*. Василиса!... Вотъ я велю давать обѣдать.

Аннушка.

Маменька, Василиса говоритъ, что у насъ сегодня только щи да каша.

Матрена Савична.

Да, по милости твоего папеньки! Что и выторгуемъ стишёнками, то пропьемъ, либо бумаги накупимъ!... *(Кличетъ)*. Василиса!...

Аннушка.

Маменька, вѣдь папенька нашъ стихотворецъ

Матрена Савична.

Охъ — да, родная! Согрѣшилъ онъ знать предъ Богомъ.

Аннушка.

Развѣ, маменька, кто согрѣшитъ, тотъ и стихотворецъ?

Матрена Савична.

Знать, умница, что такъ!

Аннушка *(печально)*.

Такъ папенька нашъ грѣшенъ!... Я буду за него Богу молиться, маменька! Отъ этого, знать, папенька нашъ такъ и бѣденъ? Неужели всѣ стихотворцы бѣдны?

Матрена Савична.

Да, коли все это племя также бестолково, то и подѣломъ ему.

Аннушка.

Ужь право, какъ чуденъ нашъ папенька! Сегодня всё утро, приставя палецъ ко лбу, ходилъ по комнатѣ и твердилъ: *Елисавета, Елисавета!* — и страхъ какъ сердился! — Маменька, будемъ обѣдать....

Матрена Савична.

Ахъ, виновата,—все забываюсь. *(Громко)*. Василиса! Оглохла, что-ли ты?...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Василиса.

Василиса.

Я, сударыня, бѣгала за хлѣбомъ; въ лавочкѣ больше въ долгъ не даютъ. Утромъ я сказывала объ этомъ Ивану Сидоровичу; онъ далъ мнѣ исписанный листъ бумаги и приказалъ понесть подъ закладъ лавочнику. Лавочникъ хохочетъ и говоритъ, что онъ подъ закладъ стиховъ ничего не даётъ. Я его просила взять во что-нибудь; — онъ отпустилъ только на грошъ квасу, а хлѣба у насъ нѣтъ.

Матрена Савична *(смѣясь)*.

И смѣхъ и горе! Эка проказникъ, Господи, прости меня грѣшную! — На вотъ деньги *(даетъ изъ кармана)* — да скорѣе. *(Василиса уходитъ)*. Кабы не мои руки, да не добрые люди, пришлось-бы мнѣ, маіорской дочери, или служить въ людяхъ, или умирать съ голоду изъ за стиховъ Ивана Сидоровича. — Пойдемъ, Аннушка, обѣдать, зови Варю.

Аннушка.

Вѣдь она у Добриной, маменька; за нею присылали. Тамъ она будетъ обѣдать и учиться съ ея дочерьми. Какъ Варя славно выучилась плясать у нихъ по-русски! И я, маменька, немножко переняла.

Матрена Савична.

Ахъ, ты моя умница! Обѣихъ васъ наградилъ Богъ разумомъ; — учитесь, золотыя, все перенимайте у дѣтей Добриной, дай Богъ ей здоровья! — Но во вѣки вѣковъ ни у кого не перенимайте писать стихи.

Василиса *(входя)*.

Принесла хлѣбъ; извольте идти кушать.

Матрена Савична *(уходя)*.

Василиса, напомни, чтобы я не забыла оставить Ивану Сидоровичу *(взявъ за руку Аннушку уходитъ)*.

Василиса.

Слушаю.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Василиса одна.

А то за худою памятью всё, что на столѣ, изволитъ скушать. Ну, ужь въ домѣ я служу! Какъ-бы госпожа Добрина къ жалованью, какое я получаю здѣсь, не прибавляла мнѣ тихонько отъ себя и какъ бы я менѣе любила дѣтей Стихоплётkина, право, ни съ чего-бы не осталась. Мужъ, какъ домовой, съ утра до ночи возится съ своими виршами. Въ домѣ ѣсть нечего, а назовётъ и купцовъ, и подъячихъ; пьетъ съ ними пуншъ и горланитъ имъ стихи, что у всѣхъ домашнихъ голова отъ его крику завертится. Жена еще-бы и туда и сюда, но ворклива и до того забывчива, что часто, сдѣлавши салатъ для всѣхъ, начнетъ пробовать, хорошо-ли, да весь и скушаетъ.... Что это за крикъ на улицѣ!... *(Глядя въ окно)*. Ахъ, да это Иванъ Сидоровичъ!— остановилъ кого-то и читаетъ стихи. — Ла, ла, ла! Ну, ужь страсть! Это, видно, какъ пьянство или бѣсовское навожденіе! Вѣдь вѣрно не обѣдалъ, голоденъ, — а стихи читаетъ. *(Опять подходитъ къ окну)*. Ахъ, Боже мой, да это умора; онъ ужь человѣка за воротъ держитъ и читаетъ! Ха, ха, ха!... Ахъ, несчастный, кто это ему попался! Ха, ха, ха!... *(Глядитъ въ окно)*. Ну, — вырвался страдалецъ и убѣжалъ. Охъ!... бока болятъ отъ смѣху! Однако-жъ я здѣсь зазѣвалась, а Матрена Савична вѣрно забылась да все скушала. *(Уходитъ, смѣясь)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Стихоплеткинъ и Матрена (немного погодя).

Стихоплеткинъ.

Фу, пропасть! — Ну, ужъ день сегодняшній! — буду я тебя помнить. Попался я было къ звѣрю! Пропало всё утро! — Вышелъ, чтобы поздравить одну почтенную имянинницу съ днемъ ангела, а попалъ въ лапы къ чорту! 40 лѣтъ обращаюсь я съ народомъ парнасскимъ, а отъ роду не видывалъ этого урода!

Матрена Савична *(вышедши и вслушиваясь въ послѣднія слова).*

Не видывалъ этакого урода? Да посмотри, мой батюшка, на себя въ зеркало; ужь другаго не найдешь, Господи, прости меня грѣшную! Къ чему это ты такъ разрядился? Гдѣ ты это всё утро прошатался? Вѣрно былъ на Парнассѣ, что отъ тебя винцомъ пахнетъ? Обѣдалъ-ли ты?

Стихоплеткинъ.

Я былъ у стихотворца, а ты спрашиваешь, обѣдалъ-ли я?

Матрена Савична.

Да развѣ они не ѣдятъ?

Стихоплеткинъ.

Этотъ, у котораго я былъ, не затѣмъ заманиваетъ къ себѣ людей, чтобы кормить, а чтобы душить ихъ, — это сущій тигръ парнасскій!

Матрена Савична.

Что я вижу! Ты былъ у Хлыстова?! По-дѣломъ! Не я-ли тебѣ сказывала, чтобы ты не связывался съ этимъ человѣкомъ; вѣдь не даромъ-же говорятъ люди. . . .

Стихоплеткинъ.

Это совершенный вепрь Геликонскій. . . .

Матрена Савична.

Да зачѣмъ тебя нелегкая понесла къ нему?

Стихоплеткинъ.

Не къ нему я шелъ, Матрена Савична; — я вышелъ рано поздравить одну именинницу, а злой духъ навелъ меня къ нему на встрѣчу. Онъ, видно, ни свѣтъ, ни заря, какъ волкъ рыщетъ, чтобы ловить людей по улицамъ. Схвативъ меня, взялъ въ карету, привезъ домой, посадилъ на стулъ и съ 10-ти часовъ утра читалъ до сихъ поръ.

Матрена Савична.

А чтобы ему на томъ свѣтѣ черти такъ-же читали твои стихи! Господи, прости меня грѣшную!

Стихоплеткинъ.

Это настоящій тотъ Гораціевъ стихотворецъ, отъ котораго въ одномъ бѣгствѣ надобно искать спасенія, который, какъ пьявица, до тѣхъ поръ не отстанетъ отъ тѣла, пока вся не наполнится кровью.

Матрена Савична *(смѣясь)*.

Да зачѣмъ-же ты не ушёлъ отъ него?

Стихоплеткинъ.

Попробовала-бы ты уйти сквозь замкнутую дверь!. . .

Матрена Савична *(смѣясь)*.

Такъ онъ тебя замкнулъ?. . .

Стихоплеткинъ.

Да, людоѣдъ проклятый! Это Виргиліевъ Какусъ-разбойникъ! Примѣтя, что въ бѣснованіи чтенія глаза у него заливаются кровью, что онъ ничего не видитъ и не слышитъ, я отъ него на цыпочкахъ, — анъ дверь замкнута. Видя бѣду неминучую, я притворился, что мнѣ есть надобность идти достать взаймы денегъ. Хлыстовъ сунулъ мнѣ въ руку двадцать пять рублей, посадилъ на стулъ и опять пустился читать. Свѣтъ Божій началъ темнѣть въ моихъ глазахъ. Видя, что злодѣй можетъ-быть изъ зависти умыслилъ зачитать меня до смерти, я рѣшился сказать, что мнѣ нельзя сидѣть больше, что меня зоветъ крайняя нужда. Варваръ вынулъ изъ кармана ключъ и выпустилъ меня на свѣтъ Божій. — Ну, Матрена Савична, ты часто гнѣваешься, что я кому-нибудь для совѣта читаю стихи свои. Хотѣлъ-бы, чтобы ты хоть на день сдѣлалась женою этого прокаженнаго Гораціева стихотворца.

Матрена Савична.

Ахъ, ты мой Иванъ Сидоровичъ, Иванъ Сидоровичъ! Зачѣмъ ты мнѣ говоришь объ людяхъ, которые мнѣ незнакомы? Вѣдь Грація этого я не знаю, а знаю тебя, моего друга; — примѣчаешь ты въ чужомъ глазѣ щепки, а въ своемъ бревна не видишь. Богъ тебя знать навелъ на этого Хлыстова, чтобы ты въ немъ самого-то себя увидѣлъ. . . .

Стихоплеткинъ.

Да развѣ я запираю людей на замокъ, чтобы душить ихъ моими стихами?

Матрена Савична.

А встрѣчнаго и поперечнаго развѣ ты не душишь?! Развѣ на улицахъ ты не ловишь людей, чтобы имъ горланить стихи твои. . . .

Стихоплеткинъ.

Ну, ну, перестань-же, Матрена Савична! — Ты знаешь, что я не люблю твоихъ проповѣдей; — вмѣсто ихъ дай мнѣ поѣсть чего-нибудь.

Матрена Савична.

Буду тебѣ, окаянному, жужжать день и ночь въ уши. Перестань хоть на старости лѣтъ срамить сѣдую твою голову: ты сдѣлался притчею въ народѣ. Гдѣ ты нейдешь, всякъ издали пальцемъ указываетъ!...

Стихоплеткинъ.

Да чего-же я и добиваюсь, глупая! Да, конечно, указываютъ пальцами. На нынѣшнихъ щенковъ парнасскихъ, небось, не укажутъ: хоть они цѣлый день по городу расхаживай, никто на нихъ и не взглянетъ. А мнѣ, напримѣръ, выйти на гостинный дворъ или на Щукинъ рынокъ, посмотрѣла-бы ты, какъ бородачи шепчутся, кланяются и, указывая, говорятъ: «*Посмотрите, вотъ Ив. С. Г-нъ Стихоплеткинъ*». Хе, хе, хе! — а я, будто не слыша и не примѣчая, прохожу мимо ихъ, какъ гусь голландскій. Хе, хе, хе! *Я съ возвышенною всегда хожу главою!* Ну, да что тебѣ, непросвѣщенной, толковать объ умозрительныхъ достоинствахъ человѣка. Слушай, жена, въ послѣдній разъ говорю, чтобы ты не смѣла входить въ мои поэтическія занятія. Безмолвствуй и гордись, что судьба даровала тебѣ счастіе быть супругою человѣка, который облагораживаетъ твое ничтожество....

Матрена Савична.

Что? Ты меня облагораживаешь!? Да развѣ я не благородная по отцу и по матери? Развѣ я не дочь маіорская; развѣ во мнѣ не дворянская кровь? Ахъ, ты подъячій, ахъ, ты чернильное порожденіе! Да я тебѣ *(идетъ на него съ кулаками)* такъ и вцѣплюся всею пятернёю....

Стихоплеткинъ *(взявъ въ руки статую).*

Лары и Пенаты, защитите Орфея отъ иступленной Менады.

Матрена Савична *(вырвавъ у него статую).*

Я тебѣ этимъ-же мерзкимъ идоломъ размозжу голову, если ты слово еще скажешь о моемъ благородствѣ.

Стихоплеткинъ *(струся).*

Матрёна Савична! высокоблагородная Матрена Савична, — за что-жъ гнѣваться? Я вамъ говорилъ о благородствѣ піитическомъ. . . .

Матрена Савична.

Вотъ только еще заикнись. . . .

Стихоплеткинъ.

Ну, ну, ни слова, богиня моя! Пожалуйте-жъ ручку, великолѣпная владычица сердца моего! *(Цѣлуетъ руку).* Ну, посмотрите-же на меня; — вѣдь я сегодня въ томъ кафтанѣ, въ которомъ былъ, когда за тебя сватался. — Матрена Савична, вспомни это счастливое время и улыбнись-ка мнѣ!

Матрена Савична *(улыбаясь нѣжно).*

Ахъ, ты соблазнитель лукавый! . . .

Стихоплеткинъ.

То-то же! — бранишься, а вѣдь любишь меня. — Ну, миръ, Матренушка! — Дайте-же мнѣ чего-нибудь поѣсть: я какъ церберъ голоденъ.

Матрена Савична.

Вѣдь мы ужь отобѣдали, — есть-ли что, не знаю. *(Кличетъ)* Васплиса!

Стихоплеткинъ.

Я зналъ, что домой опоздаю; на перепутьи и зашелъ было къ стихотворцу Бибрусу, да на столѣ у него нашелъ одну водку, а хлѣба въ домѣ нѣтъ. Водки не выпить было совѣстно, — *(Василиса приходитъ)*, — такъ голодъ теперь еще пуще разобралъ!

Василиса *(къ Матренѣ Савичнѣ)*.

Вы звали?

Матрена Савична.

Что осталось отъ обѣда, давай скорѣе!...

Василиса.

Да ничего не осталось; я опоздала вамъ сказать, а вы, видно, забыли и всё скушали.

Стихоплеткинъ.

Эхъ, Матрена Савична, ты всё у меня забываешь!...

Василиса *(въ сторону)*.

Однако-жъ ѣсть не забываетъ.

Матрена Савична.

Кто-же виноватъ, что опоздалъ! — Кушай одинъ хлѣбъ....

Стихоплеткинъ.

Кто виноватъ? Видишь, какая бѣда случилась! — Ну, давайте хлѣба. *(Василиса уходитъ)*. Мнѣ еще пропасть дѣла. Нужно непремѣнно кончить эпиталаму для купца, безъ которой онъ и свадьбы не дѣлаетъ; а ужь я двѣ недѣли вожу его. Салютація моей почтенной племянницѣ Елисаветѣ хоть и готова, но проклятый Хлыстовъ отнести не далъ. Ввечеру пойду. Кромѣ этого Хлыстовъ далъ въ задатокъ 5 рублей, чтобы пріискать

для него сегодня 22 риѳмы, за каждую по четверти рубля. Ну, гдѣ-же хлѣбъ? Вѣдь съ голоднымъ желудкомъ ни одной не пріищешь!

Василиса *(приноситъ хлѣбъ).*

Стихоплеткинъ *(хватаетъ и ѣстъ съ жадностью).*

Василиса *(въ сторону).*

Ахъ, Господи, — стихотворцы ѣдятъ не по нашему.

Матрена Савична.

Иванъ Сидоровичъ, да вѣдь у тебя есть деньги, что получилъ за долготерпѣніе отъ Хлыстова; пошли въ лавочку взять чего-нибудь.

Стихоплеткинъ *(ѣстъ и говоритъ).*

Фить! . . .

Матрена Савична.

Гдѣ-же ты дѣвалъ ихъ?

Стихоплеткинъ *(ѣстъ).*

Сегодня на меня бѣда за бѣдою. Я былъ вѣдь и въ палатѣ; мнѣ дали переписать крѣпость на 30 рублевой бумагѣ. Я началъ: *1815 года,* а муза, всегда правящая моей рукой, и написала тотчасъ: *Ода;* оды-то однако-жъ не написалъ, а 30 рублевый листъ испортилъ! Ну, и пришлось заплатить! . . .

Матрена Савична.

Ну, Иванъ Сидоровичъ, заведетъ тебя твоя муза и въ тюрьму. Да что! — ты и углемъ на стѣнѣ будешь стихи варакать? О, охъ ты прокаженный! — Кто-то идетъ никакъ?

Стихоплеткинъ.

Ахти, бѣда! Кто бы ни пришелъ, скажите, что меня нѣтъ дома. Уединюсь на чердачекъ бесѣдовать съ музами. *(Уходитъ).*

Матрена Савична *(уходя)*.

Приказать Василисѣ, чтобъ отказывала.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Лакей Дубинина и Василиса *(которая выходитъ прежде изъ боковой двери)*.

Лакей *(входя торопливо)*.

Здѣсь-ли живетъ Иванъ Сидоровичъ Стихоплеткинъ?

Василиса.

Здѣсь, — да его нѣтъ дома.

Лакей.

Эка бѣда, — а мы его какъ долго искали!

Василиса.

Да отъ кого ты?

Лакей.

Я отъ кого? Отъ моего барина, красавица; — ну, да прощай, некогда. *(Хочетъ идти)*.

Василиса.

Кто-же баринъ твой, — какъ сказать объ немъ?

Лакей.

Кто мой баринъ? Мой баринъ — знатный баринъ. Онъ недалеко самъ здѣсь въ каретѣ дожидается. Прощай! *(Хочетъ идти)*.

Василиса.

Фу, пропасть! — да скажи, кто онъ таковъ?

Лакей.

Некогда, красная, а то бы я тебѣ разсказалъ.

Василиса.

Разсказывать тутъ нечего, а скажи просто, какъ его зовутъ и что ему надобно?

Лакей.

Что ему надобно? Вотъ ужь я на это отвѣтить не умѣю; а какъ его зовутъ разскажу: онъ, видишь-ли ты, Тамбовскій баринъ и откупщикъ, толстый, какъ бочка, богатый, какъ чёртъ; у него какія лошади! 50 стоитъ на одной конюшнѣ!...

Василиса.

Но неправда-ли, что баринъ твой долженъ быть глупъ?

Лакей.

Отчего такъ?

Василиса.

Оттого, что держитъ у себя такого глупаго лакея, который вмѣсто того, чтобъ сказать, кто его и зачѣмъ послалъ, разсказываетъ сколько у его барина стоитъ на конюшнѣ лошадей! Скажешь-ли ты, кто прислалъ тебя?!

Лакей.

А! — такъ я глупъ! Не скажу-жь тебѣ ни слова больше; ты и не будешь знать, зачѣмъ пріѣзжалъ Вавила Пантелеймовичъ Дубининъ къ твоему барину. Я и не скажу тебѣ, какіе онъ стихи хотѣлъ заказать ему для балу. Пусть я дуракъ, — я не скажу тебѣ ни слова больше! Прощай! *(идетъ и въ дверяхъ сталкивается съ Стихоплеткинымъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Стихоплеткинъ.

Стихоплеткинъ *(глядя на Василису подозрительно).*

Василиса, что это за человѣкъ?

Василиса.

Это лакей Тамбовскаго откупщика Вавилы Пантелеймовича Г-на Дубинина, который имѣетъ къ вамъ надобность.

Стихоплеткинъ.

То-то-же! — а я думалъ, что какое-нибудь тайное посѣщеніе; такое, напримѣръ, какъ Юпитеръ дѣлалъ Данаи.... *(Къ лакею)* Что надобно г. Дубинину? Если по Гражданской палатѣ, то скажи ему.... *(въ сторону)* Чортъ меня изъ чердака вынесъ; я шелъ за письмовникомъ для пріисканія риѳмъ. *(Вслухъ).* Скажи, братецъ, просто, что меня дома нѣтъ!...

Лакей.

Слушаю, я скажу: Иванъ Сидоровичъ приказали-де сказать, что его дома нѣтъ.

Стихоплеткинъ.

Экій ты, братецъ, бестолковый; — не говори, что меня видѣлъ, а только скажи, что нѣтъ дома.

Василиса.

Г. Дубининъ хочетъ заказать вамъ стихи.

Стихоплеткинъ.

Стихи!? Дома, братецъ, дома! Кланяйся барину, проси его, скажи, что дома и всеусерднѣйше ожидаю. *(Лакей уходитъ и Василиса тоже).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Стихоплеткинъ *одинъ.*

Exegi monumentum aere perennius! До степей Тамбовскихъ прошелъ слухъ обо мнѣ! Пускай-же собаки лаютъ, что Стихоплеткинъ не имѣетъ генія. Однакожъ, чтобы Дубининъ не подумалъ, что я какой-нибудь цеховой стихомаратель, надобно цѣну запросить побольше. Да вотъ онъ, кажется, самъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Дубининъ и Стихоплеткинъ.

Дубининъ.

Вы, батюшка, Иванъ Сидоровичъ Стихоплеткинъ?

Стихоплеткинъ *(иногда сухо, иногда важно).*

Вашъ покорнѣйшій слуга; — что вамъ угодно?

Дубининъ.

Позвольте прежде перевести духъ; лѣстницы у васъ въ Петербургѣ такія высокія.

Стихоплеткинъ.

А вы человѣкъ грузноватый. *(Подавая стулъ)* Покорно прошу, Вавила Пантелеймоновичъ, — такъ, кажется. . . .

Дубининъ.

Такъ, батюшка! — покорно благодарю. Я. . . . *(садится; стулъ ломается, онъ падаетъ).*

Стихоплеткинъ.

Паденіе, паденіе!. . .эй, кто тамъ! *(Василиса прибѣгаетъ и подымаетъ вмѣстѣ съ Стихоплеткинымъ).* Вотъ, что значитъ человѣкъ отягченный земною бренностью! Я и съ Парнаса не падаю.

Дубининъ.

Ну, да видишь, Иванъ Сидоровичъ, батюшка, какіе у тебя стихотворные стулья.

Василиса.

Не ушиблись-ли вы?

Дубининъ.

Нѣтъ, голубушка!

Василиса *(въ сторону).*

Ушибется-ли этакая пирина! *(Уходитъ).*

Стихоплеткинъ *(давая ему свой стулъ).*

Извольте, — вотъ это подебелѣе.

Дубининъ *(оглядываясь).*

Да.... на чемъ-же сядете вы?...

Стихоплеткинъ.

Я?... *(оглядываясь).* Да хоть на этомъ самомъ стулѣ. — *(Переворачивая вверхъ ногами).* Поэты должны быть изобрѣтательные. *(Садится на немъ).*

Дубининъ.

Ну, вотъ, чего-жъ лучше? Умный человѣкъ всё употребитъ въ пользу.

Стихоплеткинъ.

Видна́ птица по полёту!...

Дубининъ.

Ну, Иванъ Сидоровичъ, я человѣкъ не церемоніальный, буду говорить просто.

Стихоплеткинъ.

Со мною безъ чиновъ.

Дубининъ.

Вотъ изволишь видѣть, какую я имѣю до тебя покорнѣйшую просьбу. — Сегодня жена моя именинница; я даю ей праздникъ, а дочери-проказницы затѣяли еще супризы. Тамъ, знаешь, будутъ цыгане, китайскія тѣни, будутъ и ломаться и мало-ли, что будетъ. Дочери у меня въ Москвѣ у француженки воспитаны— затѣйницы! Меньшая еще за недѣлю ко мнѣ приступила, чтобы нанять кого-нибудь написать, знаешь, поздравительные стихи. Мнѣ и рекомендовали въ Тальянской слободкѣ какого-то мастера. Ну да, знаешь, пьянюшка. Пріѣзжаю къ нему сегодня поутру, а онъ въ такомъ стихотворческомъ восторгѣ, что и языка во рту не поворотитъ. Посадилъ меня, какъ рака, на мели. Меня еще возили къ двумъ: къ поповскому сыну у Самсонія и къ какому-то ріомачу подъ Невской. Первый дорожится, а послѣдній что-то при мнѣ и навараксалъ, да все, знаешь, какъ-то не по вкусу дочерямъ.

Стихоплеткинъ.

Знаю этихъ чердачныхъ свистуновъ, которые пѣтуховъ дразнятъ. Хорошихъ вамъ рекомендовали. . . .

Дубининъ.

Я бы ужь хоть и супризъ кинуть: бока заболѣли, ѣздивши изъ края въ край Петербурга, — такъ дочь, Аглая, приступаетъ: гдѣ хочешь, а найди стихотворца! Я и самъ подумалъ, какъ въ Питерѣ не найти ихъ! . . .

Стихоплеткинъ.

Палкой кинь, такъ попадешь въ ріемача.

Дубининъ.

Хотѣлъ ужь было ѣхать къ Хлыстову. *(Стихоплеткинъ смѣясь).* Что ты смѣешься? У него, говорятъ, есть стихи на всякіе случаи; — да пріятель меня настращалъ, говоритъ, что злодѣй.

Стихоплеткинъ *(очень смѣясь).*

Такъ видно пріятель вашъ попадался къ нему въ лапы? — а? — Благодарите Бога.... помнили бы вы день 5-го Сентября, какъ и я *(смѣясь)!* А-ахъ, въ бокъ колетъ.

Дубининъ.

Да что-жъ тутъ смѣшнаго?

Стихоплеткинъ *(смѣясь).*

Ничего... ничего — ужь онъ бы васъ утѣшилъ!... А-ахъ-ой!

Дубининъ.

Да говорятъ, что онъ и пишетъ не мудро.

Стихоплеткинъ *(хохочетъ).*

Клевета! — Пожалуйста, хоть завтра съѣздите къ Хлыстову.

Дубининъ.

Да тебя, батюшка, по сосѣдству рекомендовали. Чего-жъ лучше? я думалъ. И близко.... я самъ живу на бугоркахъ. Да не въ томъ дѣло! Объ тебѣ, Иванъ Сидоровичъ, прослышалъ я чудеса; ты, сказываютъ, лихой мастеръ: только возьмешь перо-де въ руки, такъ изъ тебя такъ и хлынетъ.

Стихоплеткинъ.

А кто вамъ обо мнѣ сказывалъ?

Дубининъ.

На Щукиномъ дворѣ почти всѣ купцы. Ну, да что до этого! Пожалуйста, Иванъ Сидоровичъ, не можешь-ли смастерить, знаешь, хоть чего-нибудь?

Стихоплеткинъ.

Нѣтъ.

Дубининъ.

Эка причина! Да почему-жъ?

Стихоплеткинъ.

Я чего-нибудь не пишу.

Дубининъ.

Ну, да хоть оду, или что самъ знаешь; а ужь я бы тебѣ, знаешь, какъ былъ благодаренъ! . . . Только-бы черезъ два часа поспѣли! . . .

Стихоплеткинъ.

Сколько съ васъ запрашивалъ поповскій сынъ?

Дубининъ.

Дорого; 75.

Стихоплеткинъ.

Такъ вы думаете, что я возьму дешевле?

Дубининъ.

Анъ, неужто сто?

Стихоплеткинъ.

Прощайте, — ищите другаго; другой возьметъ подешевле: здѣсь довольно пачкуновъ! — Мнѣ нѣтъ времени. . . .

Дубининъ.

Да искать-то некогда, батюшка! Вѣдь часа черезъ три — балъ....

Стихоплеткинъ.

Поѣзжайте къ Хлыстову; у него есть готовые, — онъ раздаетъ даромъ; а мнѣ некогда! *(Въ сторону).* Вотъ я тебя провинціала!

Дубининъ.

Ну, прощай, Иванъ Сидоровичъ, коли такой несговорчивый. *(Хочетъ идти).*

Стихоплеткинъ *(въ сторону).*

Онъ, видно, меня не знаетъ. *(Вслухъ).* Вавила Пантелеймоновичъ, пожалуйте! *(Дубининъ ворочается).* Да знаете-ли вы коротко человѣка, съ которымъ говорите?

Дубининъ.

Не гнѣвайся, батюшка, только и слышалъ объ тебѣ, что на Щукиномъ дворѣ.

Стихоплеткинъ.

Прошу-же присѣсть. *(Дубининъ садится). (Онъ поднимаетъ съ полу огромную книгу).*

Дубининъ *(увидя).*

Ахъ, батюшка, не надорвись! *(Въ сторону).* Неужели онъ это читать станетъ!...

Стихоплеткинъ.

Не бойтесь, это не ваши тяжелые металлическіе счеты, — это духъ тончайшій эфира, это поэзія! *(Садится на стулъ, который лежитъ вверхъ ногами).* Читали-ли вы, напримѣръ, мои оды?

Дубининъ.

Гдѣ намъ степнымъ жителямъ читать ихъ? Къ намъ вѣдь рѣдко что доходитъ.

Стихоплеткинъ.

Ну, да не дошла ли, напримѣръ, къ вамъ ода моя, написанная лѣтъ за 25 назадъ? Гдѣ, бишъ, она! *(Ищетъ).*

Дубининъ *(въ сторону).*

Ахти бѣда, — опъ видно сродни Хлыстову!...

Стихоплеткинъ.

Вотъ! *(Читаетъ). «Ода по случаю разбитія чалмоносныхъ, богопротивныхъ Магометанъ-Турокъ, въ которой между прочимъ описывается, какъ генералъ Вахтинъ раненъ пулею въ ротъ, такъ что удержалъ ее зубами и дивнымъ промысломъ Божескимъ остался невредимъ».*

Дубининъ.

Это подлинно чудесно!

Стихоплеткинъ.

Мнѣ разсказывалъ очевидецъ; и я такъ это изобразилъ живо, а особенно какъ генералъ держитъ пулю въ зубахъ, что блаженной памяти государыня Екатерина Великая, которая удостоила низвесть взоры на мою оду, изволила, читая ее, всемилостивѣйше помирать со смѣху.

Дубининъ *(воздыхая).*

О! она была премилосердая государыня!

Стихоплеткинъ.

То-то-же! Слушайте-жъ, я вамъ прочту эту оду.

Дубининъ.

Да, Иванъ Сидоровичъ, время-то коротко.

Стихоплеткинъ.

Ну, такъ я вамъ и читать ее не стану. Однако-жъ, чтобы вы имѣли хоть малѣйшее понятіе объ родѣ моего таланта, надобно прочитать вамъ что-нибудь. — Фу, пропасть, не нахожу одной небольшой одки, писанной нѣкоторому знаменитому меценату, который по смерти г-па Петрова хотѣлъ меня помѣстить на ваканцію придворнаго стихотворца.

Дубининъ *(встаетъ со стула)*.

Придворнаго стихотворца? . . .

Стихоплеткинъ.

Завистники подпустили каверзы и интриги, а мѣсто при дворѣ между тѣмъ упразднено.

Дубининъ.

И славу Богу. Вѣдь это, чаю, претяжелое мѣсто? Шутка-ли!— вдругъ стиховъ потребуютъ ко двору; а риѳма, говорятъ, преупрямая бѣсовка. Въ иной часъ, хоть тресни, нейдетъ на умъ!

Стихоплеткинъ.

Риѳма! — она упряма не для меня. Я надъ ней не задумываюсь! Сама подъ перо ложится. Ты, напримѣръ, Вавила Пантелеймоновичъ, прибралъ-ли бы риѳму, напримѣръ, на *молніи?*

Дубининъ.

Почему-жъ? Ну, — голеньи. . . .

Стихоплеткинъ.

Ахъ, ты, проклятый, да это бесподобно! Я воспользуюсь

этой риѳмой: она мнѣ въ умъ никогда не приходила; — я воспользуюсь ею!

Дубининъ.

Чѣмъ чёртъ не шутитъ! Однако-жъ, Иванъ Сидоровичъ, поговоримъ-ка.

Стихоплеткинъ.

Сейчасъ, — только оду прочту, за которую мои меценатъ помѣстилъ меня въ гражданскую палату канцеляристомъ.

Дубининъ.

Такъ ты это, думая попасть въ придворные стихотворцы, попалъ въ канцеляристы?

Стихоплеткинъ.

Э! видалъ-ли ты, Вавила Пантелеймоновичъ, старинную картину на Щукиномъ дворѣ, изображающую эмблему фортуны, подъ которой обыкновенно подписывается: *«такъ на свѣтѣ все превратно»*.

Дубининъ.

Какъ не видать: она есть и на почтовомъ дворѣ у насъ въ Тамбовѣ.

Стихоплеткинъ.

То-то же! — зри и разумѣй! — Да гдѣ-же это ода моя? . . . Не жена-ли моя выдрала на папильотки! — А эти проказы она часто со мною дѣлаетъ *(ищетъ)*.

Дубининъ *(въ сторону)*.

Эка несносный! — Я, какъ видно, домой ни съ чѣмъ пріѣду.

Стихоплеткинъ.

Вотъ она, слава Богу! Однако-жъ ничего не пишу и не читаю иначе, какъ на пифическомъ треножникѣ; я на немъ

возсяду. Теперь вообразите себѣ стукъ, трескъ, громъ — и слушайте:

Ода.

Катитъ янтарь чупятымъ глазомъ,
Какъ дятелъ зеленъ зеновитъ —
А тамъ вдали.....

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же и Матрена Савична *(вбѣгаетъ и, зажавъ ему ротъ, вырываетъ книгу изъ рукъ).*

Перестань горланить, окаянный! Господинъ пріѣхалъ къ тебѣ за дѣломъ, а ты его держишь. Батюшка, Вавила Пантелеймоновичъ, не погнѣвайтесь; онъ радъ васъ до ночи душить своими одами.

Стихоплеткинъ.

Послушай, жена! — да не я ли тебѣ сказывалъ, чтобы ты не мѣшалась въ мои дѣла. Подай сюда книгу, или я тебѣ.... *(Хочетъ взять статую).*

Матрена Савична.

Вотъ только смѣй! — Сію-же минуту книгу твою въ печь брошу.

Стихоплеткинъ.

Въ печь!... *(Упавъ на колѣни).* Матрена Савична!... *(Ползётъ къ ней на колѣняхъ).*

Матрена Савична *(идя).*

Сейчасъ сожгу ее!

Стихоплеткинъ *(вставъ).*

Жена, не приводи меня въ отчаяніе! — Я вслѣдъ за нею самъ кинусь въ печь и сожгу себя.

Дубининъ *(становясь между ними)*.

Эхъ, полно вамъ, любезные; вѣдь я не затѣмъ пріѣхалъ, чтобы видѣть жаренаго Ивана Сидоровича. *(Въ сторону)*. Слава Богу, что она меня избавила! *(Вслухъ)*. Кончимъ-ка объ дѣлѣ!

Матрена Савична *(уходя и унося книгу)*.

Ступай, кончи скорѣе и отпусти господина; а книгу я спрячу въ дѣтской!

Стихоплеткинъ.

Смотри, Матрена Савична, не шути моей жизнью. *(Матрена Савична уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Дубининъ и Стихоплеткинъ.

Дубининъ.

Ну, возьмись, Иванъ Сидоровичъ, написать; а напишешь знатно, — я это вижу теперь.

Стихоплеткинъ.

Извольте, но ничего менѣе 75.

Дубининъ.

Ну 50.

Стихоплеткинъ.

Ни копѣйки! . . .

Дубининъ.

Дороговато, Иванъ Сидоровичъ!

Стихоплеткинъ.

Да что-же! — Я развѣ прикащикъ вашъ или цѣловальникъ, что вы торгуетесь со мною? . . . Коли хотите, ни полушки менѣе 50 рублей, — да. . . . задатку 25.

Дубининъ.

Ну, такъ и быть; по рукамъ! Черезъ два часа готова? *(Вынимаетъ деньги).*

Стихоплеткинъ.

И спрашивать нечего *(беретъ задатокъ).* Ну, теперь мнѣ позвольте узнать супругу вашу: какова она статьями, нравомъ, обычаемъ?

Дубининъ.

На что-же это?

Стихоплеткинъ.

А какже мнѣ сдѣлать ея изображеніе и воспѣть хвалы ея достоинствамъ? Вѣдь я ее не имѣю чести знать.... Извольте мнѣ говорить по порядку, кратко и ясно, а я буду записывать. *(Ищетъ бумагу).* Фу, пропасть! — въ домѣ ни лоскутка бумаги. — Ну, покамѣстъ на столѣ запишу. Сказывайте!...

Дубининъ *(въ сторону).*

Вотъ-те разъ; какъ мнѣ объ ней говорить? Вѣдь она у меня ни тѣломъ, ни душою.... *(Вслухъ).* Да нельзя-ли безъ этого?

Стихоплеткинъ *(садясь за столъ).*

Безъ этого писать не могу. Извольте отвѣчать. Сколько ей отъ роду лѣтъ?

Дубининъ *(въ сторону).*

Ну, нечего дѣлать. *(Вслухъ).* 60 лѣтъ; — я, видишь-ли, Иванъ Сидоровичъ, женился на вдовѣ.

Стихоплеткинъ.

Она приближается къ почтеннымъ лѣтамъ Бавкиды! — Высока-ли она?

Дубининъ.

Безъ малаго — два аршина.

Стихоплеткинъ.

Кто-жъ былъ въ древности изъ знаменитыхъ женъ карлица? . . . А, да, — арабская царица Пантуфлія!

Дубининъ.

Да моя жена не изъ арабокъ, Иванъ Сидоровичъ!

Стихоплеткинъ.

Нужды нѣтъ. Толста-ли она или тонка?

Дубининъ.

Развѣ немного — плотнѣе меня.

Стихоплеткинъ.

Юнона, величественная Юнона! Какіе волосы?

Дубининъ.

Рыжеватые.

Стихоплеткинъ.

Златовласая Афродита! . . . Глаза?

Дубининъ.

Да у нея, Иванъ Сидоровичъ, видишь-ли одинъ только глазъ.

Стихоплеткинъ.

Эка бѣда! . . . Какъ-же бы намъ этотъ маленькій недостатокъ обратить въ эстетическую красоту? Развѣ, не прикажете-ли, сравнить ее съ циклопшею?

Дубининъ.

Нельзя-ли въ этомъ случаѣ ни съ кѣмъ ее не сравнивать, чтобы не напоминать ей непріятнаго приключенія: она, видишь, дравшись съ первымъ мужемъ, вышибла себѣ глазъ.

Стихоплеткинъ.

А! — такъ она, стало быть, горячаго, пылкаго нрава?

Дубининъ.

Есть тотъ грѣхъ.

Стихоплеткинъ.

Какое счастливое лицо для лирической поэзіи! Хотя грунтъ его приличенъ болѣе трагической штукѣ! . . . Пріятны-ли у нея улыбки?

Дубининъ.

Ну, не такъ, знаешь; ротъ у нее на бокъ тянетъ.

Стихоплеткинъ.

Какъ-же это?

Дубининъ.

Да вотъ такъ, видишь! *(показываетъ примѣромъ).*

Стихоплеткинъ.

Прекрасно. Наименуемъ её царицею Эвменидъ? Умна-ли?

Дубининъ.

Хитрая баба!

Стихоплеткинъ.

Мы ее уподобимъ Минервѣ! — Довольно; — теперь, кажется, всё. *(Пробѣгая написанное).* А! — забылъ важнѣйшее обстоятельство, котораго никакъ не должно упускать изъ виду внимательному поэту. Есть-ли у вашей супруги какія либо родимыя пятнышки, которыя обыкновенно амуръ напечатлѣваетъ при рожденіи красавицъ?

Дубининъ.

Кромѣ трехъ бородавочекъ на носу, другихъ я не примѣтилъ.

Стихоплеткинъ *(встаетъ со стула)*.

Мило! — Гдѣ, въ которомъ мѣстѣ носа?

Дубининъ *(указывая)*.

Вотъ этакъ — на самомъ кончикѣ.

Стихоплеткинъ *(осматриваясь)*.

И велики?

Дубининъ.

Изрядныя.

Стихоплеткинъ.

Бесподобно!... Три бородавочки!... Итакъ мы можемъ въ заключеніе вашу великолѣпную супругу уподобить трехолмной Идѣ, матери звѣрей!

Дубининъ.

Ну, Иванъ Сидоровичъ, да ты, какъ живописецъ. *(Въ сторону)*. Однако-жъ, чтобъ мнѣ съ его живописью въ бѣду не попасть. Ну, какъ онъ это все напишетъ?

Стихоплеткинъ *(смѣясь)*.

Эхе, хе, хе! А въ какомъ родѣ прикажете писать салютацію? Оду-ли, мадригалъ, элегію, эпистолу, сонетъ, стансы, или акростихъ?

Дубининъ.

Ужь это ты самъ лучше меня разумѣешь! *(Въ сторону)*. Право, я боюсь его сравненій.... *(Вслухъ)*. Послушай-ка, Иванъ Сидоровичъ, чтобы не терять времени, ты между тѣмъ пиши, а я съѣзжу и привезу къ тебѣ дочерей моихъ. Они, знаешь, затѣяли, такъ имъ и угодить надобно; а дѣло это онѣ лучше меня разумѣютъ. Такія начитанныя умницы, что тебѣ самому будетъ любо потолковать съ ними. Такъ-ли? Я поѣду за ними?

Стихоплеткинъ.

Самъ Фебъ внушилъ вамъ мысль сію!... Скорѣе, скорѣе привозите — восхищеніе меня объемлетъ! Но «для куражу» нельзя-ли привести винца бутылочку? Разопьемъ вмѣстѣ!

Дубининъ.

Хоть двѣ, — а послѣ ко мнѣ: на пиръ да на ужинъ. А ужь уха, кулебяка!... и въ стихахъ не написать! Прощай, постарайся-же! *(Уходитъ).*

Стихоплеткинъ *(вслѣдъ ему).*

Мигомъ! Ну, муза — кормилица моя, помоги голубушка! — Василиса! Василиса! — гдѣ ты!... *(Уходитъ).*

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стихоплеткинъ и Василиса.

Василиса *(принесши нѣсколько дестей чистой бумаги, кладетъ на столъ).*

За хлѣбъ въ лавочку стихи подъ закладъ посылаетъ, а только заведутся деньги, и накупитъ бумаги. Здѣсь-ли то его книга письмовникъ, изъ которой онъ выбираетъ риѳмы, а иногда и стихи! Ему сегодня, кажется, большая въ ней будетъ нужда.

Стихоплеткинъ *(выходя изъ боковой двери).*

Да куда-жъ ушла Матрена Савична?

Василиса.

Къ Добриной, за Варею.

Стихоплеткинъ.

А ключи отъ шкапчика унесла съ собою?

Василиса.

Какъ-же.

Стихоплеткинъ.

О Медуза!—на это у нея такъ и память есть. Жаль, чтобъ рюмки водки мужъ не выпилъ! Зачѣмъ-же ты здѣсь положила бумагу? Отнеси туда наверхъ.

Василиса.

Чердакъ, сударь, занятъ, бѣльё развѣшали.

Стихоплеткинъ.

Ну вотъ, нашли время! Вѣдь здѣсь мнѣ покою не дадутъ;—пошла! *(Василиса уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Стихоплеткинъ *(одинъ).*

Сегодня мнѣ въ самомъ дѣлѣ скопилось что-то много хлопотъ. Черезъ полтора часа надо кончить оду; и эпиталаму бы надо: вѣдь сумасшедшій купецъ и свадьбы безъ нея не дѣлаетъ; — рюмы также пріискать Хлыстову.... Ну, да тому и отказать можно! Меня упрекали, зачѣмъ я не издаю журнала—даромъ-де деньги. Гмъ! — да мнѣ и безъ того работы довольно! Однако-жъ приняться! *(Подходитъ къ столу).* Здѣсь-ли-то письмовникъ?—Начало, кажется, счастливо я сдѣлалъ: «О—ты!...» Чу, вѣдь дверь не заперта; и никакъ идетъ кто-то; не Матрёна-ли Савична? *(Выглядываетъ въ двери).* Ай! сынъ Хлыстова.... Ключа нѣтъ.... Этотъ наглецъ не даетъ мнѣ покоя! Василиса!

ЯВЛЕНІЕ III.

Стихоплеткинъ, Хлыстовъ и Василиса.

Стихоплеткинъ.

Ну, демонъ его принесъ!... *(Вдругъ садится на стилъ и притворяется занятымъ).*

Хлыстовъ *(тихо входя въ шляпѣ съ хлыстомъ въ рукахъ, свиститъ; за нимъ немного погодя приходитъ Василиса).*

Bon jour, Стихоплеткинъ!

Стихоплеткинъ *(въ сторону).*

Эка неучъ! — имени будто у меня нѣтъ. *(Вслухъ).* Здравствуйте.

Хлыстовъ.

Піита! приступить позволено-ль къ вамъ смѣло?
Я зрю, что углубленъ умъ въ тайно ваше дѣло; —
Но, что вы на меня ни взводите очей,
Ни хощете при томъ сподобить и рѣчей?!
Васъ мысль къ себѣ одной весьма, знать, пригвоздила....
Я счастливъ-бы, когда-бъ я вещь ей былъ и сила!...

Стихоплеткинъ.

Это вѣрно новое твореніе вашего батюшки?

Хлыстовъ.

Но отвѣчайте-жъ мнѣ стихами, г. Стихоплеткинъ. Вы такой мастеръ.

Стихоплеткинъ.

Вѣдь вы видите, что я занятъ.

Хлыстовъ *(подходя къ нему и трепля его по плечу).*

Что, вѣрно плетешь стишонки?

Стихоплеткинъ.

Только погуще, нежели вашъ батюшка.... Но что вамъ угодно? Риѳмъ, заказанныхъ имъ, я еще не пріискалъ: мнѣ теперь времени нѣтъ. Василиса, что ты не заперла дверей, вѣдь ты видѣла, что я занятъ!

Василиса.

Да запереть нечѣмъ: ключь вѣдь давно затерянъ.

Стихоплеткинъ.

Веревкой завяжи. *(Къ Хлыстову).* Риѳмы я принесу завтра.

Хлыстовъ.

А сегодня я хочу насладиться хоть нѣсколько минутъ бесѣдою съ поэтомъ. *(Въ сторону).* Постой, по городу ты смѣешься надъ моимъ папенькой, — такъ я тебѣ заплачу.

Стихоплеткинъ *(пишучи).*

Бесѣда моя съ вами будетъ безмолвна. *(Въ сторону).* Слова не добьешься!

Василиса *(вынувъ изъ кармана веревочку).*

Прикажете завязать дверь?

Стихоплеткинъ *(къ Хлыстову).*

Вы меня не оставите?

Хлыстовъ.

Я сейчасъ изъ манежа. Позвольте мнѣ, хоть изъ учтивости, отдохнуть у васъ. — И въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Сидоровичъ, я

всегда захожу къ вамъ изъ одного почтенія: вѣдь я помню, что вы были первый мой учитель, первый развиватель дѣтскихъ моихъ способностей. И теперь я

«Здѣсь предъ васъ предсталъ для должнаго поклона,
«Не знавъ, что будетъ вамъ чрезъ мой приходъ препона!»

Стихоплеткинъ.

Да, если отъ всѣхъ мнѣ этакихъ учениковъ принимать поклоны, такъ я въ день стиха написать не успѣю.

Хлыстовъ.

Пишите, я вамъ не мѣшаю.... *(Садится посрединѣ комнаты и начинаетъ тихонько свистать).*

Стихоплеткинъ.

Василиса, завяжи дверь. *(Она, завязавъ, уходитъ). (Въ сторону).* Насидишься ты у меня.... Свищи! — и батюшка твой лучше-бъ сдѣлалъ, какъ-бы не пѣлъ, а свисталъ.

Хлыстовъ *(свищетъ, потомъ говоритъ).*

Папенька мнѣ никогда не позволяетъ входить въ свое святилище музъ, когда онъ бесѣдуетъ съ ними. Но въ первый разъ въ жизни я присутствую при семъ мистическомъ дѣйствіи и вижу, однако-жъ, что стихотворцы обманываютъ людей, увѣряя будто муза къ нимъ сходитъ съ Олимпа.

Стихоплеткинъ.

Не твоимъ глазамъ ее видѣть!

Хлыстовъ *(вставъ со стула).*

А вы ее видите? — Позвольте профану прикоснуться хоть къ полѣ ея ризы! *(Заглядывая въ бумагу).* Что вы пишите?

Стихоплеткинъ *(съ сердцемъ)*.

То, чего вамъ знать не надобно.

Хлыстовъ.

Ну, ну, ну — извольте; я вамъ не мѣшаю.... *(Молчаніе)*. Читалъ-ли вамъ папенька одну новенькую свою притчу «Гераклиды»?

Стихоплеткинъ.

Въ ней нѣтъ смысла.

Хлыстовъ.

Ну, — вѣдь это говоритъ зависть. Я вамъ уже и прежде сказывалъ, что смыслъ въ притчахъ папеньки часто открывается слѣдующею притчею. О! это нѣчто новое!... это не всѣмъ удается!... *(Молчаніе)*. Г. Стихоплеткинъ, г. Стихоплеткинъ!

Стихоплеткинъ.

Что тебѣ надобно, демонское навожденіе?

Хлыстовъ.

Ахъ, Боже мой, зачѣмъ-же сердиться! Я только хотѣлъ сказать вамъ нѣкоторыя новости по литературѣ, которыя вѣрно и вамъ будутъ не непріятны.

Стихоплеткинъ.

Ну — что такое?

Хлыстовъ.

Знаете-ли вы, что папенька нанялъ перевесть одну свою оду на англійскій языкъ и съ однимъ отъѣзжающимъ портнымъ послалъ ее въ Лондонъ? *(Молчаніе)*. Слышали вы, что къ портрету папеньки сдѣлана прекраснѣйшая надпись? — Въ самомъ дѣлѣ она прекрасна. *(Читаетъ)*.

Се росска Флакка зракъ! Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Выспрь быстро, какъ царь птицъ, несъ звукъ на Геликонъ!
Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ чтителя Хлыстова,
Кой поле упестрилъ Россійска красна слова!

Стихоплеткинъ *(вслушиваясь)*.

А — кто это написалъ?

Хлыстовъ.

Анонимъ.

Стихоплеткинъ.

Ужь не самъ-ли онъ это себя восхваляетъ? Вѣдь твой папенька мастеръ на эти дѣла! Недавно въ газетахъ напечаталъ себѣ панегирикъ.

Хлыстовъ *(въ сторону)*.

Добро, вотъ я тебѣ посмѣюсь!... *(Вслухъ)*. Любезный Иванъ Сидоровичъ, зная вашъ умъ и вкусъ, я хочу спросить у васъ совѣта. Эзопъ писалъ басни прозою — не правда-ли?... *(Молчаніе)*. Да, конечно, прозою; — папенька мой въ одномъ только не похожъ на Эзопа: — въ томъ, что пишетъ басни стихами. Въ изобрѣтеніи-жъ папенька, конечно, превзошелъ Эзопа: въ этомъ увѣренъ и я, и вы, и самъ папенька. Папенька создалъ новый міръ, папенька населилъ его новыми тварями, у папеньки горлицы съ зубами, собаки съ рогами, животныя, если нужно, измѣняютъ свой образъ; напримѣръ, помните-ли, Иванъ Сидоровичъ, притчу «*Корова* и *Липка*», — когда корова лѣзетъ на макушку липки, чтобы спрятаться отъ дождя, и вдругъ слѣзаетъ назадъ быкомъ! Помните-ли? Чтобы сдѣлать папеньку совершенно Россійскимъ Эзопомъ, я хочу его притчи переложить въ прозу. Вы молчите? — Молчаніе есть знакъ согласія. *(Въ сторону)*. Нѣтъ, въ притчахъ онъ не завидуетъ папенькѣ.... *(Вслухъ)*. Мнѣ также хочется, чтобы въ одахъ его объяснить нѣкоторыя смѣлости и новыя счастливыя выраженія, издать ихъ съ комен-

таріями; а чтобъ открыть въ нихъ яснѣе красоты, я хочу сдѣлать сравненіе съ вашими одами.

Стихоплеткинъ.

Съ моими?

Хлыстовъ.

Да, угодно-ли вамъ это?

Стихоплеткинъ *(разсердясь)*.

Мнѣ угодно, чтобы ты замолчалъ, мальчишка! Развѣ ты забылъ, молокососъ, кто я? Развѣ забылъ, что еще недавно я ставливалъ тебя на колѣни? Не дожилъ еще ты до этого, чтобъ судить объ моихъ одахъ! Я и батюшки твоего оды поправляю....

Хлыстовъ *(вставая со стула)*.

О!—если вы начинаете сердиться, такъ я и самъ сердиться умѣю.... Я хотѣлъ было уважить ваше занятіе и не требовать отъ васъ риѳмъ, за которыми прислалъ меня къ вамъ папенька; а теперь не выйду отсюда, пока не получу ихъ.... Пожалуйте мнѣ риѳмы.

Стихоплеткинъ.

Да развѣ нѣтъ въ васъ стыда?

Хлыстовъ.

Стыда я не знаю.

Стихоплеткинъ.

А страха Божія!

Хлыстовъ.

Меня не пріучилъ къ нимъ гувернёръ мой.

Стихоплеткинъ.

Вспомни, — я былъ твой учитель!

Хлыстовъ.

Пожалуйте мнѣ для папеньки риѳмы.

Стихоплеткинъ.

Нѣтъ ихъ.

Хлыстовъ.

А я нейду безъ нихъ.

Стихоплеткинъ.

Такъ я-жъ провожу тебя отсюда добрымъ манеромъ!... Эй, Василиса!

Хлыстовъ.

Ты меня проводишь?... Да какъ ты это смѣлъ сказать!... Ахъ ты чернильное созданіе!...

Стихоплеткинъ.

Какъ, молокососъ!

Хлыстовъ.

Что риѳмоткачъ! — что пачкунъ! что рыночный стихотворецъ!—я тебѣ всѣ уши отхлещу, если ты только вздумаешь!... Сажусь и нейду, пока не отдашь риѳмъ, за которыя ты получилъ деньги въ задатокъ. Пиши ихъ сію минуту.

Стихоплеткинъ.

Это сатана послалъ мнѣ этого смутителя! Ну, ужь семья Хлыстова!... Отецъ поутру чуть не зачиталъ меня до полусмерти, а сынъ его доканать меня хочетъ! Отецъ знать выродилъ тебя для того, чтобъ ты дразнилъ людей, какъ онъ дразнитъ музъ.

Хлыстовъ.

Ну, поговори еще больше!—я тебя начну дразнить вотъ этимъ хлыстомъ.... Ищи риѳмъ!... *(Стучатъ въ двери. Стихоплеткинъ молчитъ; Хлыстовъ свищетъ. Стучатся).*

Стихоплеткинъ.

Кто тамъ, — что кому надобно?

Голосъ сквозь двери.

Иванъ Сидоровичъ, Бибрусъ прислалъ спросить у васъ, какъ должно писать: Брутъ или Брутусъ?

Стихоплеткинъ.

Скажи Бибрусу, чёртъ чтобъ его дурака взялъ съ его Брутомъ! — Кажется, всѣ демоны сегодня на меня вооружились! Но кто кого переможетъ?... *(Опять стучатся въ дверь).*

Стихоплеткинъ.

Василиса! *(Она приходитъ изъ боковой двери).* Не Матрена-ли Савична стучится?

Василиса.

Нѣтъ, сударь; я видѣла въ окно, шелъ какой-то человѣкъ сюда.

Хлыстовъ *(въ сторону).*

Дождусь здѣсь и посмотрю; — ужь вѣрно или съ стихами, или за стихами.

Стихоплеткинъ *(къ Василисѣ).*

Не отпирай никому, пошла прочь. *(Стучатся. Василиса уходитъ).* Хоть лобъ себѣ расшиби!... *(Стучатся).*

Хлыстовъ.

Что, готовы-ли риѳмы?

Стихоплеткинъ *(иронически).*

Завтра.

Хлыстовъ *(идетъ тихонько и отпираетъ дверь).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и прикащикъ отъ купца.

Прикащикъ.

Фу, Господи! — я ужь думалъ, что здѣсь души живой нѣтъ. Батюшка, Иванъ Сидоровичъ, отъ хозяина записочка. *(Подаетъ).*

Стихоплеткинъ *(въ сторону).*

Добро ты, молокососъ, Хлыстёнокъ!... Ну, такъ это за эпиталамою. *(Вслухъ).* Кланяйся и скажи, что я самъ принесу.

Прикащикъ.

Гаврила Антиповичъ приказалъ сказать, что сегодня непремѣнно назначена свадьба.

Стихоплеткинъ.

Скажи-же ты Гаврилѣ Антиповичу, чтобъ онъ дѣлалъ ее безъ эпиталамы. Ея нѣтъ!

Хлыстовъ *(въ сторону).*

Я отгадалъ — за стихами! Я-же тебѣ дамъ знать.... *(Подущаетъ прикащика докучать).* Г-нъ Стихоплеткинъ, пожалуйте риѳмы.

Прикащикъ.

Иванъ Сидоровичъ, пожалуйте стихи, вѣдь вы задатокъ взяли.

Стихоплеткинъ.

Пошелъ вонъ,—я тебѣ говорю, что стиховъ нѣтъ! *(Садится; они окружаютъ стулъ).*

Хлыстовъ.

Вамъ папенька далъ задатокъ, — подавайте риѳмы.

Стихоплеткинъ.

Риѳмъ нѣтъ.

Хлыстовъ *(все подущая купца)*.

Безъ риѳмъ мнѣ не велѣно идти отъ васъ.

Прикащикъ.

Безъ стиховъ мнѣ не приказано идти отъ васъ.

Стихоплеткинъ *(вставъ, къ прикащику)*.

А я тебѣ приказываю — пошелъ вонъ!

Прикащикъ *(окружа его съ Хлыстовымъ и ворочая другъ къ другу)*.

Пожалуйте стихи.

Хлыстовъ.

Пожалуйте риѳмы.

Прикащикъ.

Стихи.

Хлыстовъ.

Риѳмы.

Прикащикъ.

Стихи — стихи!

Хлыстовъ.

Риѳмы — риѳмы.

Стихоплеткинъ *(становясь на колѣни)*.

Господи! чѣмъ я согрѣшилъ предъ Тобою сегодня!...

Хлыстовъ.

Не даешь?... Я здѣсь сяду и буду сидѣть до ночи.

Прикащикъ.

А я вотъ здѣсь лягу и буду лежать хоть до завтра.

Стихоплеткинъ *(встаетъ)*.

Дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ подъ строжайшею клятвою воспрещу въ моей духовной вступить въ званіе стихотворца. *(Бѣжитъ вонъ. Хлыстовъ за нимъ уходитъ и хохочетъ)*.

Прикащикъ.

Ну ужь комедь!—Надѣлали мы хлопотъ Ивану Сидоровичу. Да и хозяину не безъ хлопотъ:—знать не бывать сегодня свадьбѣ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Стихоплеткинъ и Василиса.

Василиса *(вина бутылку ставитъ на столъ)*.

Что это за кутерьму они подняли. Въ домѣ этомъ, какъ въ аду: ни на минуту нѣтъ покоя. Да гдѣ это онъ самъ дѣвался? *(Увидя входящаго Стихоплеткина)*. Ахъ, вотъ онъ! Что вы, сударь, такъ встревожены?

Стихоплеткинъ.

Чего, Василисочка! Злые люди со свѣту хотѣли было сжить меня. Пристали къ горлу, какъ съ ножемъ; и на дворѣ наглый Хлыстёнокъ насилу отвязался: ужь я караулъ закричалъ. Этакой нахальникъ,—батюшкино дитятко!... Да ужь не подупценъ-ли онъ дрожайшимъ папенькой?... Этотъ вѣдь звѣрь всѣхъ стихотворцевъ радъ сжить со свѣту, чтобы ему одному горланить. *(Отираетъ потъ)*.

Василиса.

Да, сударь, у васъ много завистниковъ. — Человѣкъ Дубининыхъ принесъ вамъ двѣ бутылки.вотъ этого вина. *(Подаетъ бутылку)*. Ихъ карета сюда подъѣзжала. Онъ сказывалъ, что барышни только поѣдутъ въ одинъ магазинъ и тотчасъ къ вамъ будутъ.

Стихоплеткинъ.

Ну, не видать мнѣ 50 рублей, какъ ушей своихъ. Когда я теперь кончу оду? Откупорь, Василиса *(Василиса откупориваетъ вино)*. — Ужь денёкъ мнѣ выдался!... Вотъ завидуютъ славѣ стихотворцевъ, а не знаютъ, чего она стоитъ намъ. Не будь я, напримѣръ, стихотворцемъ, лежалъ-бы теперь да глядѣлъ, какъ мухи летаютъ.

Василиса *(откупоря)*.

Не прикажете-ли подать рюмку?

Стихоплеткинъ.

И, Василиса! — вѣдь ты знаешь, что я рюмками не пью, — подай стаканъ, да тотъ античекій. *(Василиса уходитъ)*. Фу, проклятые, измучили совсѣмъ. *(Отираетъ потъ)*. Не напрасно сказано въ Дендамін Василія Кирилловича Третьяковскаго:

Вещь дивна въ свѣтѣ семъ: бѣда бѣду родитъ!
Большая иногда намъ малую пную,
Отъ меньшей-же вотъ зришь и бо́льшую другую;
И такъ что завсегда бѣда бѣду плодитъ.

То и со мною сегодня сбылось; — а чѣмъ еще кончится Богъ знаетъ! *(Василиса приноситъ металлическій стаканъ)*. Ну, возлей-же! — будь моею Гебою. *(Василиса наливаетъ, онъ выпиваетъ)*. Какое это вино?

Василиса.

Почемъ-же мнѣ знать — вѣдь вы кушаете!

Стихоплеткинъ.

Я и не разсмаковалъ; — налей-ка еще. *(Василиса наливаетъ. Онъ выпивши)*. Ахъ! оживаю.... *(Василиса хочетъ идти съ бутылкою)*. Куда-же ты съ бутылкою?

Василиса.

Прикажете спрятать?

Стихоплеткинъ.

Нѣтъ, — другую-то спрячь, а эту оставь мнѣ: можетъ быть пить захочется.

Василиса.

И то правда; вѣдь вы воды не употребляете.

Стихоплеткинъ.

Анъ лжешь, дурочка: я пью воды Пермесскія! — Но послушай, я пойду на чердакъ; нѣтъ нужды, что тамъ бѣлье. Видишь, здѣсь не даютъ мнѣ дѣло дѣлать. А ты прими Дубининыхъ и займи ихъ, умница, подолѣе, чтобъ я успѣлъ кончить. Разумѣешь-ли?!...

Василиса.

Слушаю-съ.

Стихоплеткинъ *(про себя)*.

Если-жъ, отъ чего Боже избави, и не кончу, то подсуну имъ салютацію, которую я выписалъ изъ одной книги для моей именинницы. Хоть она къ женѣ Дубинина, какъ сѣдло къ коровѣ, — ну, да нечего будетъ дѣлать. *(Вслухъ)*. Постарайся-же, Василиса, пока я кончу.... *(Взявъ десть бумаги, письмовникъ и бутылку съ виномъ, уходитъ)*.

Василиса.

Онъ прежде кончитъ бутылку, чѣмъ стихи. Хороши они будутъ! Карета подъѣхала, — это Дубинины.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Клеопатра въ перьяхъ, Аглая въ цвѣтахъ и Василиса.

Клеопатра.

Батюшка насъ прислалъ къ г. Стихоплеткину и самъ вслѣдъ за нами будетъ. Дома-ли онъ и кончилъ-ли стихи для поздравленія матушки?

Василиса *(въ смущеніи).*

Иванъ Сидоровичъ приказалъ просить обождать его нѣсколько минутъ.... Онъ ушелъ.... рука у него не хороша, такъ онъ ушелъ, чтобы отдать переписать стихи.... Не угодно-ли сѣсть вамъ? *(Подаетъ два стула, третій, изломанный, остается у стѣны).*

Клеопатра *(осматривая комнату, про себя).*

Фи, какая гадость!—къ кому это насъ прислалъ батюшка!... Что это за домъ, что за мебель!...

Аглая *(тоже осматривая комнату).*

Привѣтствую тебя, смиренная обитель небесныхъ вдохновеній! Какой вкусъ, какая простота!... Клеопатра, не правда-ли, что эта комнатка совершенное жилище чувствительнаго поэта?

Клеопатра *(сидя).*

Вѣдь ты знаешь, Аглая, что мы никогда не согласимся съ тобою въ мнѣніяхъ, зачѣмъ же ты меня спрашиваешь?

Аглая.

Неужли ты не находишь, что здѣсь все дышетъ простотою, всегдашнею печатью прекраснаго вкуса? Этотъ, напримѣръ, стулъ.... *(Трогаетъ стулъ рукою).*

Василиса.

Не извольте, сударыня, его трогать: онъ изломанъ.

Аглая *(смотритъ на Василису)*.

Какое простосердечіе въ этой дѣвушкѣ! Все, что окружаетъ поэта, дышетъ невинностью!... *(Смотря на статую)*. Вотъ домашній пенатъ его....

Клеопатра *(поглядя)*.

Бѣдный, съ отбитою головою!

Аглая.

Подъ его-то счастливымъ вліяніемъ изливаются на этомъ столикѣ бесчисленные оттѣнки чувствъ поэтическихъ. Такъ, — въ воображеніи моемъ я никогда себѣ иначе не представляла обители поэта, какъ въ этакомъ видѣ.

Клеопатра.

Не завидны-же ихъ обители!

Василиса *(въ сторону)*.

Что это за сестрицы! — ну, мнѣ ихъ занимать нечего.

Клеопатра *(къ Василисѣ)*.

Г. Стихоплеткинъ служитъ гдѣ нибудь, или нѣтъ?

Василиса.

Въ гражданской палатѣ.

Клеопатра.

Чѣмъ?

Василиса.

Не умѣю вамъ сказать, а только знаю, что канцеляристомъ.

Клеопатра.

Фи, какая подлость! Душа моя предчувствовала, что я не хотѣла сюда ѣхать. Ну можно-ли посылать насъ къ этакимъ людямъ!...

Аглая.

Знаешь-ли, сестрица, что мнѣ не нравится на этомъ столикѣ? — Я бы хотѣла видѣть разбросанныя велленевыя бумаги, бронзовый шандалъ, нѣсколько карандашей, нѣсколько красивыхъ чернильницъ; — однимъ словомъ, болѣе роскоши!... Я бы хотѣла видѣть вокругъ этого столика маленькіе шкапчики съ маленькими книжками, въ сафьянъ переплетенными!... *(Къ Василисѣ).* А гдѣ Ивана Сидоровича библіотека?

Василиса.

Что такое?... Аптека?...

Аглая.

Гдѣ его книги?

Василиса.

Книги? — Книги у него тамъ — наверху; тамъ есть еще комната.

Аглая.

Такъ вотъ, Клеопатра, гдѣ его кабинетъ. Ужь это, вѣрно, храмъ вкуса!... Пойдемъ, сестрица, взглянуть.

Клеопатра.

Оставь меня въ покоѣ....

Аглая.

Пожалуйста.... *(Къ Василисѣ)* Милая дѣвушка....

Василиса.

Ахъ, сударыня, лѣстница такая крутая — страхъ какъ высоко.

Клеопатра.

Это, вѣрно, чердакъ.

Аглая.

Такъ, — поэты всегда любятъ жить на возвышеніи; тамъ его кабинетъ, тамъ онъ мечтаетъ о друзьяхъ, объ милыхъ его сердцу, о природѣ!...

Клеопатра.

Писарь гражданской палаты мечтаетъ о природѣ!... Нѣтъ, сегодня, Аглая, твоя фантазія слишкомъ разыгралась.

Аглая.

Ахъ, сестрица, развѣ писарь не можетъ быть человѣкомъ съ чувствительнымъ сердцемъ? Но что ты, Клеопатра, сегодня такъ сердита? Неужели ты не выспалась?...

Клеопатра.

Куда, какъ ты забавна! Разбудили меня ни свѣтъ ни заря, дали мнѣ спать не болѣе 12-ти часовъ, и еще мнѣ-бы не сердиться!... Еще батюшка завезъ-бы насъ въ харчевню!...

Аглая.

Помилуй!...

Клеопатра.

Къ кому насъ это привезли и зачѣмъ? Когда мы воротимся домой?... Когда мы одѣнемся?... Вѣдь у насъ балъ, званы люди, будутъ гвардейскіе офицеры; а мы такими чучелами

явимся, что-ли?... У меня бальное платье еще не примѣряно, діадема еще у мастера, страусовыя перья не вымыты, башмаковъ еще нѣтъ, перчатокъ нѣтъ, помады нѣтъ, — мое сердце разрывается! А всё ты виновата, а все для стиховъ, тобою затѣянныхъ, батюшка цѣлое утро занималъ карету; и вотъ послѣдніе часы, — а мы ихъ должны употребить на то, чтобъ дожидаться стиховъ, безъ которыхъ балъ могъ-бы обойтись совершенно!

Аглая.

Безъ сюрпризовъ и стиховъ! Помилуй, сестрица, въ Петербургѣ назовутъ насъ провинціалками.

Клеопатра.

Гораздо лучше, нежели назовутъ насъ нищими, когда мы выйдемъ въ левантиновыхъ платьяхъ. Если ты хочешь блистать на балѣ одними романическими фразами, можешь явиться хоть флорою; — тебѣ-же это очень пристало. А я, ты знаешь, до романовъ и фразъ небольшая охотница; — да и мущины, я думаю, также: для нихъ, я думаю, гораздо краснорѣчивѣе говорятъ брилліанты, нежели фразы, для нихъ тысяча душъ приданаго гораздо любезнѣе, нежели чувствительное сердце.

Аглая.

Ну ужь, Клеопатра, ты вѣчно занята своимъ богатствомъ и нарядами.

Клеопатра.

А ты, Аглая, вѣчно бредишь романами, какъ безумная.

Аглая.

Хороша и ты съ твоимъ павлинымъ тщеславіемъ!... Въ тебѣ нѣтъ ни чувствъ, ни сердца; — только и помышленія, что спѣсь да чванство; только и занятій, что страусовыя перья да

бриллiанты. Для тебя тотъ и не человѣкъ, кто не въ орденахъ, не въ золотѣ.

Клеопатра.

Это правда: для меня эти изломанные стулья, этотъ засаленный столъ, эта подлая избенка никогда не покажутся храмомъ вкуса, и я никогда не воображу. . . .

Аглая.

Я ничего не воображаю; но гораздо лучше блистать умомъ и чувствами, нежели пустою наружностью.

Клеопатра.

Гораздо лучше,—но всего лучше замолчать! . . . Я выхожу изъ терпѣнія. Куда дѣвался батюшка? *(Къ Василисѣ).* Что-жъ, голубушка, долго-ли ждать намъ? . . .

Василиса.

Я сама не знаю! Позвольте я схожу, пошлю къ вамъ хоть жену его, — она не далека.

Аглая.

Такъ онъ женатъ?

Василиса.

Какъ-же, сударыня.

Аглая.

И вѣрно жену свою любитъ пламенно! — и вѣрно они живутъ, какъ два голубя:

«И радость, и печаль —
«Все дѣлютъ пополамъ!»

Василиса.

Всего бываетъ; *(въ сторону)* что это за сумбурщица?

Аглая.

Есть-ли у нихъ залогъ любви супружеской, милые дѣточки?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Варя.

Варя *(вбѣгая).*

Василиса, — гдѣ папень . . . . . ахъ! *(присѣдаетъ).*

Василиса.

Вотъ, сударыня, старшая дочь Ивана Сидоровича.

Клеопатра.

Здравствуйте, сударыня. *(Цѣлуетъ ее, она присѣдаетъ).* Вы съ папенькой?

Варя.

Нѣтъ, я къ папенькѣ.

Василиса.

Его нѣтъ; *(мигаетъ Варѣ)* безъ васъ онъ ушелъ.

Аглая *(разсматривая Варю).*

Милое твореніе!—позволь мнѣ поцѣловать тебя. *(Цѣлуетъ).* О, какъ пріятны эти потупленные взоры, эта стыдливость граціи! . . . Клеопатра, не правда-ли?! . .

Клеопатра.

Въ самомъ дѣлѣ — милая дѣвочка.

Аглая.

Дитя Аполлона и одной изъ грацій!

Василиса *(про себя)*.

Матрены Савичны.

Аглая.

Какъ васъ зовутъ?

Варя.

Меня зовутъ Варварой.

Аглая *(закрывая уши)*.

Ахъ, зачѣмъ васъ не назвали Ефросиньей?

Варя.

Затѣмъ, что это было-бы смѣшно.

Клеопатра.

Что, сестра, она, кажется, умнѣе тебя!

Аглая.

Учитесь-ли вы поэзіи?

Варя.

Я учу теперь священную и русскую исторію.

Клеопатра.

И въ этомъ случаѣ она умнѣе тебя.

Аглая.

Знаете-ли вы, по крайней мѣрѣ, наизусть стихи папеньки? Прочтите что-нибудь. . . .

Варя.

Папенькиныхъ я не знаю, а помню другіе.

Клеопатра.

Прочтите намъ, умница.

Варя.

Извольте:

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной — случай берегутъ. . .
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и трудѣ.

Клеопатра.

Браво! — вотъ это пріятнѣе и полезнѣе твоей романической поэзіи.

Аглая *(бросаясь ее обнимать).*

Милое дитя, узнаю въ тебѣ совершенное произведеніе поэта — человѣка чувствительнаго, нѣжнаго!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и Стихоплеткинъ (полупьяный).

Варя *(увидя его).*

Ахъ, срамъ, папенька никакъ пьянъ! *(Старается уйти тихонько; Василиса за нею).*

Стихоплеткинъ *(съ листомъ бумаги).*

Ну, никакъ не могу — кончить. . . . ба-ба-ба! — что я вижу, что зрятъ мои пзумленныя очи! . . .

Клеопатра *(къ Аглаѣ).*

Вотъ тебѣ и человѣкъ чувствительный! . . . Ахъ, Боже мой, онъ никакъ пьянъ! — я уѣду отсюда. Что за рожа! . . .

Стихоплеткинъ.

Граціи или музы — кто вы?!

Аглая.

Не суди, милая, по наружности. Геніи часто скрываются подъ натурою Эзопическою.

Стихоплеткинъ *(подходя въ изумленіи)*.

Отвѣтствуйте, богоподобныя!

Клеопатра.

Этотъ геній точно пьянъ!

Аглая.

И безсмертный Ломоносовъ подкрѣплялъ воображеніе сокомъ винограда.

Стихоплеткинъ.

Съ Олимпа-ли вы низошли, дѣвы Парнасскія!... *(Аглая присѣдаетъ)* Богини Пермесскія!... *(Аглая присѣдаетъ)* Дочери фантазіи!... *(Аглая присѣдаетъ)*.

Клеопатра.

Извините, сударь, — мы дочери г. Дубинина и пріѣхали къ вамъ за стихами, которые написать вы дали слово батюшкѣ. Готовы-ли они?

Стихоплеткинъ.

Стихи готовы, — вотъ они. *(Показываетъ листъ бумаги)*.

Аглая *(съ восхищеніемъ)*.

Стихи есть, сестрица!... Пожалуйте ихъ, любезный поэтъ.

Стихоплеткинъ.

Стихи есть, не беспокойтесь. *(Прячетъ ихъ въ карманъ).*

Клеопатра.

Пожалуйте-же ихъ; — мы ждали съ полчаса.

Стихоплеткинъ.

Ждали! — а я сейчасъ съ моего съ Парнасса. Да гдѣ-же Василиса? Экая глупая дѣвчонка, и не даетъ знать, что меня посѣтили музы!

Аглая.

Сестрица, какъ у него играетъ воображеніе!

Клеопатра.

Я лучше-бы хотѣла сквозь землю провалиться!... Пожалуйте стихи, г. Стихоплеткинъ.

Стихоплеткинъ *(предлагая Аглаѣ стулъ).*

Стихи готовы, хлопотать не о чемъ. Не угодно-ли возсѣсть вамъ на этомъ тронѣ вдохновенія! Ахъ, да, онъ изломанъ! Ну, хоть на чемъ-нибудь не угодно-ли сѣсть вамъ, высокопочтенныя дамы, которыхъ имени хотя не имѣю чести знать....

Аглая.

Меня зовутъ Аглая, а сестру Клеопатра.

Стихоплеткинъ.

Какія поэтическія имена!

Аглая.

Видишь, сестрица, всѣ смѣются надъ нашими именами; а вотъ что говоритъ человѣкъ со вкусомъ.

Клеопатра.

Г-нъ Стихоплеткинъ, пожалуйте стихи; мы и батюшки дожидаться не станемъ: намъ ѣхать пора.

Стихоплеткинъ.

Объ стихахъ не беспокойтесь; — прежде мнѣ должно получить деньги.

Клеопатра *(съ сердцемъ вынувъ деньги)*.

Вотъ вамъ деньги, — отпускайте насъ.

Стихоплеткинъ.

Суровая Мельпомена! — ты гнѣваешься, но краса твоя тѣмъ великолѣпнѣе!

Аглая.

Нѣтъ, Иванъ Сидоровичъ, мы не сердимся, а просимъ только отдать стихи: намъ безъ шутокъ пора ѣхать.

Стихоплеткинъ.

Веселонравная Талія, — ты улыбаешься.... Но вы обѣ такъ прекрасны!... *(Къ Клеопатрѣ)*. Это быкоокая Юнона въ маленькомъ видѣ! *(Къ Аглаѣ)*. Это олицетворенная, нѣжная идиллія!...

Аглая.

Сестрица, ты Юнона, а я Идиллія! — будемъ мы всегда такъ называть другъ другъ.

Стихоплеткинъ.

Вы обѣ такъ прелестны, что, еслибъ я былъ Парисомъ, я не отдалъ вамъ яблока ни одной, а предъ обѣими вами упалъ-бы на колѣни *(становится на колѣни)* и въ восторгѣ чувствъ моихъ....

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же и Дубининъ *(полупьяный)*.

Ба, Иванъ Сидоровичъ, что это?!...

Стихоплеткинъ *(стоя на колѣняхъ)*.

Не мѣшайте, не мѣшайте восторгу поэта; — онъ повергъ меня предъ красотою дочерей вашихъ.

Дубининъ.

Ну, это ничего, ничего!

Стихоплеткинъ.

Я....я....но кто чувствуетъ сильно, тотъ не можетъ ничего выразить. *(Встаетъ)*.

Аглая.

Ахъ, папенька, какъ онъ милъ и забавенъ!

Клеопатра *(иронически)*.

Покорно благодаримъ, батюшка, что вы дочерямъ своимъ доставили такое личное знакомство; только позвольте намъ отсюда ѣхать.

Дубининъ.

Ну, я вамъ говорилъ, что Иванъ Сидоровичъ человѣкъ прелестный. Что-жъ стихи, Иванъ Сидоровичъ?... Намахалъ, чаю, знатные!

Клеопатра.

Онъ ихъ и не кажетъ намъ.

Стихоплеткинъ.

Не беспокойтесь — они готовы. *(Ищетъ)*.

Клеопатра.

Да намъ ѣхать пора. *(Въ сторону).* Ахъ, Боже мой!

Дубининъ.

Не беспокойтесь — тотчасъ уѣдемъ.

Стихоплеткинъ.

Тотчасъ, сударыня, тотчасъ! — Стихи вотъ. . . . *(Ищетъ и шатается).*

Дубининъ.

Э, братъ, Иванъ Сидоровичъ, да и ты также, какъ я, прежде пиру на похмѣлье. Я заѣхалъ къ пріятелю откупщику, — ну, никакъ не отпустилъ безъ четырехъ шпунту.

Стихоплеткинъ.

И меня, по милости вашей, бутылка съ цымлянскимъ никакъ отъ себя не отпустила, пока не кончилъ; а другую оставилъ для компаніи съ вами.

Дубининъ.

Ну, давай-же стихи; отпустимъ дѣтей. *(Отведя въ сторону Стихоплеткина).* Вѣдь не хорошо, какъ насъ пьяныхъ увидятъ; — отпустимъ ихъ, Богъ съ ними!

Стихоплеткинъ.

Извольте, — деньги я получилъ вотъ отъ нея.

Дубининъ.

Ну, ладно.

Стихоплеткинъ.

Я написалъ вамъ двое стиховъ: одни нѣжные, скромные, а другіе громкіе, высокоторжественные. . . .

Аглая.

Пожалуйте мнѣ прочесть нѣжные.

Стихоплеткинъ.

Извольте, — воспойте, нѣжная идиллія!

Аглая *(читаетъ)*.

(Конча). Прелестно, божественно!... Признайся, Клеопатра, что ты обманулась въ Иванѣ Сидоровичѣ!

Клеопатра.

Въ этихъ стихахъ нѣтъ никакого примѣненія къ нашей матушкѣ. Да они мнѣ что-то и знакомы.... *(Въ сторону)*. Я бьюсь объ закладъ, что они выкрадены.... *(Къ сестрѣ)*. Поѣдемъ-же, — пора!

Дубининъ.

Ну, каково вамъ кажется?

Аглая.

Прелестны, папенька.

Стихоплеткинъ *(въ сторону)*.

Да у нея губа не дура!... *(Вслухъ)*. Теперь позвольте мнѣ возгласить другіе, — звучные, торжественные:

Ода.

«О ты».... вѣдь оды всегда такъ начинаются!...
«О ты, которая красою
«Всѣхъ превосходишь въ свѣтѣ женъ!
«Пантуфлія ты высотою,
«А мудростью Анаксименъ!
«Хоть ты жена откупщикова,

«Дубинина супруга ты,
«Но слава ужь давно готова
«Сплетать тебѣ вѣнцы;
«И блескъ Елисаветы взора,
«Какъ дятелъ зеленъ зеновитъ»... Я всегда пользуюсь этимъ счастливымъ стихомъ....
«Прокатится, пройдетъ, промчится, прозвучитъ
«Съ холма на холмъ, изъ дебри въ дебрь, съ горы Гомора»....

Дубининъ *(внѣ себя)*.

Постой, постой, братъ! — дай перевести духъ!... Чудесно, чудесно! *(Въ радости)*. Эти, эти стихи давай намъ, Иванъ Сидоровичъ! — ай, да Стихоплеткинъ, ай, да стихотворецъ! — я отъ роду ничего подобнаго не слыхивалъ. Да какъ это тебя чортъ угораздилъ?!

Стихоплеткинъ.

То-то-же!... Эхе, хе, хе, хе!...

Аглая.

Папенька, тѣ лучше — чувствительнѣе.

Дубининъ.

Эхъ, Аглая, ты, видно, ничего не смыслишь. Оглохла что-ли ты? Развѣ не слышишь, какъ эти громки, что даже въ ушахъ звенитъ. Тебѣ-бы все воздыхательное. Нѣтъ, *(беретъ стихи у Стихоплеткина)* эти, эти для супризу. На, вези скорѣе. Ступайте.

Стихоплеткинъ.

Только вѣдь эти, коли правду сказать, безъ конца: я не успѣлъ....

Дубининъ.

Нужды нѣтъ — эти! — Слышь, Аглая, — этими поздравить

мать! — Ну, ужь праздникъ у меня будетъ. — Да-ка, Аглая, еще прочитать! *(Взявъ бумагу, читаетъ про себя и восхищается).*

Стихоплеткинъ *(въ сторону).*

Слава Богу, напалъ на дурака: — стихи моей имянинницѣ у меня. Да они бы уроду, женѣ его, и не пристали; а моей имянинницѣ какъ рамка къ картинѣ. А отнесу ихъ вечеромъ.

Дубининъ *(конча).*

Чудесно! — эти, непремѣнно эти! На, Аглаюшка, вези! . . .

Аглая *(взявъ).*

Что, сестра! — таки на моемъ: балъ съ сюрпризами и со стихами.

Клеопатра.

Да пора ѣхать, — поѣдемъ.

Аглая.

Ѣдемъ! Прощайте, любезнѣйшій Иванъ Сидоровичъ; — *(присѣдая)* будьте увѣрены, что во мнѣ вы всегда увидите истинную почитательницу талантовъ поэтическихъ. Жаль, что вы незнакомы съ поэзіею романтическою; но, несмотря на слабости смертнаго, то, что вы носите въ себѣ безсмертнаго. . . .

Клеопатра *(прерывая ее и передразнивая).*

И несмотря на то, что намъ пора ѣхать, сестра моя будетъ говорить романическія фразы, — пока я ее не уведу. *(Уводитъ Аглаю).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Дубининъ и Стихоплеткинъ.

Дубининъ.

Нѣтъ, каковы-же у меня дочки! — ась! . . .

Стихоплеткинъ.

Великолѣпныя, Вавила Пантелеймовичъ! Аглая истинная поэтка. Я даромъ воспою ее — обезсмерчу!...

Дубининъ.

Ой-ли!... ай да Иванъ Сидоровичъ! Выпьемъ-же, а на вечеръ ко мнѣ....

Стихоплеткинъ.

Къ тебѣ, благодѣтель. Василиса, вина! цымлянскаго!

Василиса *(откликается въ другой комнатѣ).*

Сейчасъ!

Стихоплеткинъ.

Ну, думалъ-ли я, Вавила Пантелеймовичъ.... *(Василиса приноситъ въ двухъ стаканахъ вина; они берутъ, она уходитъ)* чокнимся.... что, бишь, я говорилъ.... да, — думалъ-ли я, Вавила Пантелеймовичъ, что сегодняшній день, такъ мрачно и хлопотно для меня начавшійся, такъ превосхитительно кончится. *(Пьетъ и говоритъ)*:

«О боги щедрые, — благославляю васъ!...
«На землю временно вы посылая насъ,
«На жизненномъ пути разставили стаканы,
«Чтобъ въ скорбяхъ поскорѣй мы напивались пьяны,
«И чтобы грустію томимый человѣкъ
«Съ стакана одного забылъ страданій вѣкъ!»...

Дубининъ.

Ну, то-то-же, Иванъ Сидоровичъ, ты человѣкъ умный, а не знаешь, что *вечеръ утра мудренѣе.*

Стихоплеткинъ.

Послушай-ка, Вавила Пантелеймовичъ, — да кто-же больше всѣхъ виною нашей веселости? Отгадай-ка!...

Дубининъ.

Вино!

Стихоплеткинъ.

Анъ нѣтъ! — имянинница Елисавета. *(Въ сторону).* Да не твоя, а моя.

Дубининъ.

И то правда; — выпьемъ-же за ея здоровье! . . . *(Пьетъ).* Виватъ Елисавета!

Стихоплеткинъ *(выпивъ, поетъ).*

«Ви-ва-ватъ, виватъ, виватъ, Елисавета,
«Ты веселишь насъ собой!
«Виватъ, виватъ, виватъ, многія лѣта,
«Мы тебя любимъ душой»! . . .

Дубининъ.

Еще! — *(Начинаютъ вмѣстѣ съ Стихоплеткинымъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI И ПОСЛѢДНЕЕ.

Матрена Савична *(входя съ дѣтьми).*

Ахъ, Боже мой, — что это въ моемъ домѣ! . . .

Стихоплеткинъ.

Не говори ни слова прозою съ нами. . . . стихами.

Матрёна.

Да образумься.

Стихоплеткинъ.

Пой-же, коли говорятъ тебѣ! Дѣти, разомъ за мною, — какъ музы за Аполлономъ! — *Всѣ поютъ.*

Виватъ, виватъ, Елисавета! — и проч.

Дубининъ.

Браво, ура, — ха, ха, ха, — да съ тобою, Иванъ Сидоровичъ, запоешь хоть сквозь слёзы. Ну, — ко мнѣ съ женою и съ дѣтьми. Да такъ для супризу при входѣ и грянемъ!

Стихоплеткинъ.

Задеремъ! — Ба! — да дѣти ужь нарядились плясать къ моей имянинницѣ.... Постой-же братъ, Вавила Пантелеймовичъ, — хочешь-ли, я тебѣ покажу, какъ на небѣ передъ Юпитеромъ пляшутъ граціи?!...

Дубининъ.

А развѣ ты и на это гораздъ? Ну-ка, братъ, пропляши!...

Стихоплеткинъ.

Не я, Вавила Пантелеймовичъ, а дѣти. — Дѣти, плясать!... *(Дѣти пляшутъ).*

III. Письмо о поѣздкѣ въ Гатчино 1815 года.

Молчать-ли мнѣ передъ вами о томъ, о чёмъ говорить хотѣлъ-бы я каждому!... Говорить не для того, чтобы ласкать свое самолюбіе, но чтобы каждаго одушевить тѣми чувствами, которыя наполняютъ мое сердце, чтобы порадовать литератора и художника и воспламенить надеждами, которыя видѣли они въ мечтаніяхъ и которыя Матерь Александра дѣлаетъ для нихъ существенными. Но кого болѣе могу я этимъ порадовать, какъ не васъ, дружески расположеннаго ко мнѣ и веселящагося всѣмъ, въ чемъ есть добро и польза!...

Вы-же меня и такъ упрекали, слыша только отъ другихъ о поѣздкѣ нашей прошлаго года въ Павловскъ. Чтобы хоть нѣсколько загладить вину, я вамъ хочу говорить о поѣздкѣ нашей въ Гатчино къ Ея Императорскому Величеству Маріи Ѳеодоровнѣ со всегдашнимъ предъ лицемъ Ея Величества усерднымъ нашимъ предстателемъ — съ почтеннѣйшимъ А. Н. Олениным. «Стихами, стихами!» — скажете вы мнѣ: «Эти случаи достойны поэзіи». Знаю, но, чтобы описанія мои были больше вѣроятны, чтобы они въ самомъ дѣлѣ не показались вамъ поэзіей, я хочу говорить въ прозѣ.

Но съ чего начать мнѣ? Мое воображеніе занято однимъ, сердце мое наполнено однимъ, ни о чемъ больше не осталось въ немъ воспоминаній, какъ о томъ навсегда незабвенномъ пріемѣ, какого великая владѣтельница сихъ мѣстъ насъ удостоила. Страшусь я, М. Г., чтобы восторгъ души моей не показался вамъ восторгомъ моего самолюбія; но надобно имѣть безчувственное и сухое сердце, чтобы въ этомъ случаѣ имѣть свое только личное самолюбіе. Нѣтъ, я могъ радоваться и за

другихъ! Съ г. Крыловымъ и г. Жуковскимъ былъ я тамъ; я могъ повѣрять чувства мои на ихъ ощущеніяхъ и, дѣлаясь, такъ сказать, постороннимъ свидѣтелемъ тѣхъ ласкъ, той благосклонности, того снисхожденія и отличія, какое Государыня воздавала талантамъ сихъ литераторовъ, не могъ я не предаваться сладостнѣйшимъ чувствамъ. Я радовался съ ними и не за нихъ только однихъ, но за всѣхъ людей, посвящающихъ себя трудамъ словесности. Я восхищался тѣми лестными ободреніями, которыя ожидаютъ ихъ; и вотъ, думалъ я, покровительство, достойное государей и людей съ талантами.

Итакъ, М. Г., не страшась, буду я говорить о ласкахъ и благоволеніи, которыхъ удостоила насъ Императрица. Буду говорить не для того, чтобы возвышаться ими, но чтобы показать, сколько онѣ Государыню возвышаютъ, и вы увидите, какого вниманія, какого ободренія должны теперь ожидать люди, одаренные отличными способностями и болѣе меня его заслуживающіе. Я не писалъ къ вамъ о пребываніи нашемъ прошлаго лѣта въ Павловскѣ, и потому вамъ, можетъ быть, неизвѣстно одно выраженіе, достойное Матери Александра. Когда ей докладывали, что въ праздничный день, который случился въ пріѣздъ нашъ, мы по чинамъ нашимъ не можемъ быть за обѣденнымъ столомъ, что *обрядъ двора* этого не позволяетъ:

— «*Для людей съ дарованіями нѣтъ обрядовъ*», изволила отвѣчать Императрица.

Не правда-ли, что это выраженіе, повидимому, только лестное для одного самолюбія, есть, можетъ-быть, одно изъ мудрѣйшихъ изреченій государей нашего времени. Не сказала-ли этимъ Императрица (говоря, безъ сомнѣнія, вообще, а не въ отношеніи къ намъ), что если есть наружное уваженіе, чинамъ воздаваемое, то есть существенное, должное талантамъ, и что даръ поучать людей послѣ дара управлять ими есть благороднѣйшій и почтеннѣйшій удѣлъ человѣка.

Пріѣхавши въ Гатчино съ А. Н. Олениным, нашли мы тамъ и любезнаго В. А. Жуковскаго, днемъ прежде насъ пріѣ-

ѣхавшаго съ Ю. А. Нелединскимъ. Приглашенные къ обѣденному столу, въ три часа вошли мы въ залу и, какъ я ни былъ стѣсненъ въ этомъ знаменитомъ обществѣ двора, гдѣ еще болѣе, нежели въ частномъ, беспокоили меня заботы о приличіяхъ, гдѣ еще болѣе думалъ я видѣть себя смущеннымъ, но вышла Императрица, и я ничего этого не чувствовалъ. И за столомъ, когда она обратила нѣкоторые вопросы къ г. Крылову, мнѣ уже казалось, что я скорѣе былъ-бы готовъ на отвѣтъ, нежели нашъ Лафонтенъ, котораго первый вопросъ Государыни нашелъ погруженнымъ въ безмолвныя занятія священной трапезы. Ласковость и веселость Императрицы, непритворная свобода и небольшой на этотъ разъ кругъ общества давали ему видъ какой-то благородной семейственности и иногда вводили меня въ мечту, что я съ моими знакомыми гощу у какой-либо знаменитой обладательницы помѣстья; но, взглянувъ на высокую угостительницу, я узнавалъ Царицу: неизмѣнныя черты величія, напечатлѣнныя въ образѣ ея, во взорахъ, въ самой улыбкѣ, — однимъ словомъ, тутъ я увидѣлъ, какъ вѣнчанная добродѣтель можетъ благостью души своей снизойти до той степени, гдѣ исчезаютъ, такъ сказать, всѣ чувствованія неравенства человѣческаго, кромѣ того, ничѣмъ неизгладимаго въ сердцахъ нашихъ, которое Богъ къ своимъ избранникамъ поселяетъ въ человѣкѣ.

По окончаніи стола, когда все общество составило свои маленькіе круги и занялось разговорами, я чрезвычайно радовался, что видѣлъ тутъ людей, мнѣ знакомыхъ. Отъ нихъ я не отстану, — думалъ я; но ласковость особъ, тутъ находившихся, всѣхъ насъ на нѣсколько времени раздѣляла и заставляла меня забывать о моемъ кругѣ. Отдѣлясь, наконецъ, отъ нихъ и видя г. Жуковскаго, еще окруженнаго нѣкоторыми особами, — это не тотъ дворъ, — думалъ я, гдѣ «l'homme de qualité se montre et l'homme d'esprit s'eclipse». Между тѣмъ Императрица изволила заняться разговорами съ г. Крыловымъ. Я началъ думать, что мнѣ говорить, если Государыня обратитъ разговоръ ко мнѣ, и признаюсь, гораздо-бы лучше я сдѣлалъ, если-бы не думалъ объ этомъ: всѣ

мои приготовленія, какъ и всегда это случается, были не у мѣста; и могъ-ли я ожидать, чтобы Ея Величество столько была внимательна къ слабому дарованію моему и начала бы разговоръ о моихъ занятіяхъ.

Такимъ образомъ Ея Величество и Ея Высочество, Великая Княжна Анна Павловна, удостоя каждаго изъ насъ такимъ лестнымъ вниманіемъ, изволили удалиться. Смотря на великую княжну, не могъ я не вспомнить Харитъ нашего Невскаго Барда и на этотъ разъ менѣе удивлялся прекраснѣйшему его произведенію. Что удивительнаго, думалъ я, если онъ изобразилъ Харитъ: онъ ихъ видѣлъ.

И поэту, который спрашиваетъ:

«Что вы, граціи, такое:
«Красота-ли, или младость?...

можно отвѣчать: взгляни на младшую внуку Екатерины, и ты это постигнешь.

Въ 8 часовъ мы вошли въ залу вечерняго собранія, и Государыня по выходѣ своемъ, опять обратясь привѣтственно къ каждому изъ насъ порознь, изъявила желаніе, чтобы начали чтеніе. Г. Крыловъ началъ его чтеніемъ своихъ басенъ. Многія изъ нихъ были новыя, а многія, по волѣ и назначенію Государыни, читаны старыя или въ другой разъ повторяемы новыя. Не нужно вамъ описывать несомнительнаго ихъ дѣйствія; но не можно было не удивляться той вѣрности вкуса, съ какимъ Государыня замѣчала красоты въ читанныхъ басняхъ, и тому вниманію, какое она преклоняла къ прекраснымъ стихотвореніямъ г. Жуковскаго, которыя читалъ Ю. А. Нелединскій; а я имѣлъ счастіе читать начало изъ 1-й пѣсни Иліады. Но всего, я думаю, лестнѣе было слышать нашему баснописцу, какъ великая княжна воспоминала наизусть нѣкоторые стихи изъ басенъ его. Ея Высочество удостоила также лестными замѣчаніями нѣкоторые стихи въ читанномъ переводѣ Омера. Такимъ образомъ чтеніе, прерываемое сужденіями, продолжалось почти до 11 часовъ.

Во время ужина сужденія сдѣлались болѣе общими. Императрица говорила вообще о русской словесности, о превосходствѣ языка нашего предъ многими Европейскими, о поэмахъ Омера, о пріятности русскаго экзаметра и между прочимъ вспоминала нѣкоторыхъ нашихъ литераторовъ и художниковъ, дарованіями отличныхъ и привлекшихъ вниманіе Ея Величества.

Во время чтенія другихъ, когда я могъ быть, такъ сказать, постороннимъ свидѣтелемъ, и во время ужина, къ которому не было у меня расположенія, питалъ я душу мою мечтами и думами. — Какъ! — спрашивалъ я самъ себя, и вокругъ осматриваясь:—неужели это дворъ?... Люди всегда искали наслажденія въ произведеніяхъ дарованій, но суетность и обряды умѣли отдѣлить ихъ отъ лица. Государи иногда и безъ любви къ словесности покровительствуютъ писателей; но это вниманіе, это живое чувство наслажденія, съ какимъ Государыня слушаетъ произведенія русскихъ писателей, не есть одна наружность: они рождены истинною любовью къ самой словесности, существеннымъ удовольствіемъ, какое Императрица находитъ въ наслажденіяхъ ума и сердца. Итакъ, Матерь Александра истинно любитъ словесность, истинно покровительствуетъ писателей и первая, разрушая суетность, отдѣляющую дарованіе отъ лица, растворяетъ для людей съ дарованіями двери своихъ чертоговъ. Вотъ чѣмъ можно возбудить любовь къ языку отечественному и общее вниманіе къ словесности, безъ котораго процвѣтать она не можетъ. Потомственный наблюдатель, разсматривая ходъ искусствъ и словесности въ нашемъ отечествѣ, безъ сомнѣнія долженъ будетъ сказать, что въ то время, когда благословенный Александръ пожиналъ лавры на поляхъ бранныхъ, мудрая Матерь его собственными руками питала сіе древо наукъ, имъ насажденное, котораго благотворныя вѣтви осѣняютъ теперь всю пространную Россію. Такъ я самъ съ собою пророчествовалъ, мечтая за ужиномъ, и едва было не пропустилъ мимо слуха рѣчей Государыни, ко мнѣ обращенныхъ, насчетъ моего нерасположенія къ ужину.

— «Скажите вашему сосѣду», говорилъ мнѣ между тѣмъ Юрій Ал. Нелединскій, не старѣющій любезностью ума: «скажите, чтобы онъ пропустилъ хоть одно блюдо, что Государыня желаетъ его поподчивать и не находитъ времени».

Поэтому вы можете судить о той непринужденной веселости, какую благосклонность и снисхожденіе Государыни поселяютъ въ ея обществѣ.

Послѣ окончанія ужина Императрица изъявила желаніе слышать еще какія либо изъ басенъ г. Крылова и приказала автору избрать изъ нихъ ту, которую самъ онъ болѣе всѣхъ любитъ. Г. Крыловъ прочелъ басню «Листы и Корни», и Государыня вскорѣ послѣ этого, изволивши разговаривать со мною о красотѣ языка русскаго, еще съ удовольствіемъ воспоминала стихъ изъ этой басни, который, по мнѣнію Ея Величества, исполненъ жизни и гармоніи:

«*Листы по дереву, шумя, залепетали*».

Потомъ, говоря о силѣ и великолѣпіи языка русскаго, удостоивала меня лестнѣйшихъ ободреній къ продолженію перевода Иліады и, признавая превосходство экзаметра для перевода Омера, Государыня весьма основательно признавала необходимость изучать съ молодыхъ лѣтъ древнихъ поэтовъ, чтобы чувствовать превосходство ихъ стихотворенія; и вслѣдствіе этого, разсуждая о нынѣшнемъ воспитаніи, изъявляла истинно справедливое сожалѣніе, что образъ его въ разсужденіи ученія такъ много удалился отъ основательнаго ученія классическаго, а въ разсужденіи нравственнаго образованія отъ простоты и благочестивой строгости. О! сказалъ я самъ себѣ, — если это чувствуютъ государи, то скоро будемъ чувствовать и мы... Но вотъ одна изъ мыслей Государыни, болѣе всѣхъ меня поразившая глубокою истиною: — что наше воспитаніе, отъ простоты удаленное, лишаетъ насъ также величайшаго наслажденія чувствовать высокія своею простотою красоты древнихъ поэтовъ.

Послѣ этого разговора Императрицы, Ея Высочество, Анна

Павловна, обратясь къ намъ съ г. Жуковскимъ, между прочимъ начала говорить о пріятности труда въ переводѣ древнихъ поэтовъ. Трудъ сей, отвѣчалъ я, тѣмъ пріятнѣе, что мы имѣемъ счастіе находить ему такихъ цѣнителей, ибо кто-же лучше можетъ судить объ немъ, какъ не Ваше Высочество, будучи такъ знакомы съ языкомъ Виргилія.

— «Какъ!» — перервала Великая Княжна съ очаровательною скромностью: — «кто-же измѣнилъ мнѣ, открывши мои слабыя упражненія?»

— «Успѣхи Вашего Высочества», отвѣчалъ я: «ибо они извѣстны».

Оставшись по волѣ Императрицы на другой день въ Гатчинѣ и имѣя счастіе по соизволенію Государыни видѣть собственные Ея Величества покои, тамъ-то мы, разсматривая между прочимъ работы Императорской фамиліи, болѣе всего изумлялись трудамъ, какими Ея Высочество, Анна Павловна, упражняетъ свои необыкновенныя способности въ живописи, тамъ-то блистательные успѣхи громко измѣняютъ ея скромности. Нѣтъ, — это не занятія скуки, не легкое произведеніе празднаго времени, — это работа художницы: картины во весь ростъ человѣческій съ невѣроятнымъ стараніемъ и искусствомъ сухими красками списанныя [1]). Нѣтъ, на такіе труды не побудитъ одна скука,—это усилія таланта необыкновеннаго. О, какими чувствами наполнялась душа Государыни, когда она говорила о упражненіяхъ августѣйшихъ дѣтей своихъ, когда воспоминала дарованія каждаго!... Казалось, что въ эту минуту всѣ чувства Государыни слились въ одно, — въ чувство матери, и какой матери! — Мнѣ кажется, что слава, которую приносятъ плоды ума и изящныя способности, будетъ всегда болѣе другихъ любима государями, чувствительными къ славѣ. Славу воинскую, успѣхи правленія они должны раздѣлить съ другими людьми, болѣе или менѣе въ правленіи участвующими; но первая, хотя не столько блиста-

1) Кромѣ другихъ, Свят. Цецилія, К. Долче, и Святая Дѣва...

тельна, однако-жъ имѣетъ то драгоцѣнное преимущество, что она не раздѣльна. Александръ, кажется, это чувствовалъ, когда писалъ къ Аристотелю, что быть славнѣе другихъ онъ больше бы хотѣлъ обширностью познаній, нежели величіемъ власти....

Послѣ обѣда мы, вновь осыпанные лестнѣйшими ласками и благоволеніемъ Императрицы, въ шесть часовъ откланялись. Тяжко мнѣ было уносить въ безмолвіи чувства, наполнявшія сердце мое; но, впрочемъ, и излить ихъ предъ виновницею оныхъ едва-ли бы нашелъ я средства. И въ самомъ дѣлѣ, что-бы могъ сказать человѣкъ, который чувствовалъ, что онъ безъ заслугъ удостоенъ такого благоволенія, что, имѣя тѣнь дарованія, онъ отличенъ такими милостями, лестнѣйшими всѣхъ награжденій?

— «Но тому и говорить не надобно», скажете вы, «кто чувствуетъ ихъ цѣну».

— Объ нихъ-то, сидя въ каретѣ, думалъ я.

— «И думать объ нихъ», перервете вы: «предоставьте намъ, а сами старайтесь только быть ихъ достойными».

— Повинуюсь вамъ и имѣю честь быть

N. N.

IV. Переписка Н. И. Гнѣдича и А. Н. Оленина.

I.

Письма Н. И. Гнѣдича къ А. Н. Оленину.

1.

Топоръ [1]) съ дырою найденъ въ домѣ Ротмистра Быковскаго, Полтавской губерніи, Хорольскаго повѣта въ мѣстечкѣ Бѣлоцерковкѣ; — безъ дыры — Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Бригадировкѣ въ домѣ губернскаго секретаря Быковскаго. Первый лѣтъ пятьдесятъ уже вышелъ изъ употребленія, а послѣдній очень рѣдко употребляется *мирошниками* или строителями мельницъ.

Что касается до моей побѣды, то я увѣренъ, что удовольствіе вашего превосходительства болѣе существенно, нежели побѣда надъ мнѣніемъ. Благосклонный отзывъ журналиста не заставитъ меня кричать «ура», ибо я, къ несчастію, испытывалъ, что значитъ бороться съ мнѣніемъ.

Между тѣмъ позвольте узнать отъ вашего превосходительства, могу ли я надѣяться получить по совѣту, безъ доклада Государю, отпускъ на 6 мѣсяцевъ, хотя бы то и съ вычетомъ жалованья?..

Вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Н. Гнѣдичъ.

---

1) *Примѣчаніе А. Н. Оленина:* Присланы изъ Малороссіи въ 1817 году.

2.

Одесса. Сентября 9 дня 1827.

Милостивый Государь,

Алексѣй Николаевичъ!

Ѣхалъ, ѣхалъ, плылъ, плылъ, — то есть по грязи, — едва не утонулъ на берегѣ; верстъ за 200 до Одессы застигла меня сырая осень и разрушила благотворное вліяніе, которое прекрасная погода отъ Кіева и тихое путешествіе по роскошной Подоліи произвели надо мною. Сентября 5-го — въ день, когда, бывало, ѣзжу я въ любезное Пріютино, — въѣхалъ я въ грязную Одессу и за 2 т. верстъ мысленно, но не съ меньшимъ усердіемъ, привѣтствовалъ почтеннѣйшую имянинницу Елисавету Марковну.

Объ Одессѣ кромѣ того, что она грязна и дурна, ничего еще сказать не могу. Вышедши изъ дормеза, сижу у моря и жду лучшей погоды для выѣздовъ, которою здѣшніе жители меня ласкаютъ. «Сижу у моря» — говорю не для пословицы. Изъ оконъ Hotêl du Clube, гдѣ я остановился, Черное море, *какъ ворона крыло, чернѣется вдали*, — море, надъ которымъ нѣкогда, можетъ быть, покоилися очи Гомера. Здѣсь на этомъ берегу — Ольвія, которой счастливые жители ничего не читали кромѣ Гомера. Тамъ, на томъ берегу, Византія, а тамъ — Campi ubi fuit Troia! Какія мѣста, почтеннѣйшій Алексѣй Николаевичъ, для поклонниковъ Гомера! Еслибъ я былъ здоровъ!... Но, увы! — кромѣ того, что страдаю по прежнему, сказать о себѣ ничего еще не могу лучшаго.

Часто думаю объ васъ и ставовлюся болѣе грустенъ: какое разстояніе между нами! Когда я васъ увижу, и увижу ли?!.. Но что будетъ, того не миновать... Да хранитъ Богъ васъ и вашихъ для насъ и для нашихъ. Цѣлую руку почтенной Елисаветы Марковны и милой Анны Алексѣевны, любезнымъ друзьямъ,

Петру и Алексѣю, кланяюсь усердно; также доброй землячкѣ, Марфѣ Ѳедоровнѣ, и Александру Ивановичу Ермолаеву.

Порадуйте меня вашими строками, я имѣю въ этомъ нужду; здѣсь я чуждъ и покамѣстъ вовсе одинокъ.

Съ душевнымъ почтеніемъ и всегдашнею преданностію имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою,
Н. Гнѣдичъ.

Адресъ ко мнѣ на первый случай: Его Превосходительству Викентію Леонтьевичу Шеміоту, на Дворянской улицѣ, въ собственномъ домѣ, въ Одессѣ. А васъ прошу доставить такому-то.

II.

Письма А. Н. Оленина къ Н. И. Гнѣдичу.

1.

Сейчасъ былъ у меня одинъ изъ приближенныхъ Н. Н. Новосильцева, которому я читалъ единоборство Аякса и Гектора. Онъ въ восхищеніи отъ меня пошелъ. — Спѣшу васъ о томъ увѣдомить съ тѣмъ, чтобъ вы мнѣ поскорѣе доставили копію со всей VII пѣсни. Да этого мало будетъ, — надобно и VIII переписать. Кстати сказать, не взяли-ли вы ее у меня?.. Я никакъ не могъ ее найти у себя.

Преданный вамъ А. Олениинъ.

8 февраля 1808.

(Надписано: Николаю Ивановичу Гнѣдичу).

2.

Нельзя постыднѣе обмануть, какъ я васъ вчера обманулъ. Но еслибъ вы знали, что я вчера чуть-чуть что съ ума не сошелъ, такъ вы бы на меня, можетъ быть, не такъ гнѣвались. Вообразите, что отъ медалей я вчера въ канцеляріи графа Та-

тищева принужденъ былъ стоять, ибо не было мѣста, гдѣ сѣсть: все это народомъ было набито, съ которымъ я возился и бранился до 4-го часа по-полудни. Извините меня, ради Бога, и зато, во-первыхъ, пожалуйте ко мнѣ кушать и принесите съ собою обѣщанный актъ Та. . . . . (sic). У меня никого не будетъ, и мы съ вами послѣ обѣда побесѣдуемъ. Пожалуйте, — не откажите и положите гнѣвъ на милость! . . .

Преданный вамъ А. Оленинъ.

14 Апрѣля 1808.

Сегодня мы ровно въ 3 часа обѣдаемъ, если еще и не попрежде.

(Надписано: Его Бл. Николаю Ивановичу Гнѣдичу).

3.

Сегодня я обѣдаю у П. А. Нилова. Нельзя-ли вамъ у него обѣдать, — и вотъ по какой причинѣ: К. М. Бороздинъ прислалъ ко мнѣ А. И. Ермолаева съ рисунками, снятыми во время ихъ путешествія, и проэктъ сочиненія, которое должно сіи рисунки сопровождать съ тѣмъ, чтобъ этотъ проэктъ былъ строго разсмотрѣнъ: во 1-хъ — дамами: А. П. Самариной, П. М. Ниловой, Е. М. Олениной, во 2-хъ — кавалерами нашей матушки: Ниловымъ, *вами,* Крыловымъ, Языковымъ и мною, многогрѣшнымъ. — Между тѣмъ по времени долженъ я, какъ можно скорѣе, А. И. Ермолаева обратно отправить; слѣдственно долженъ спѣшить слушаніемъ сего дѣла по должности моей Статсъ-Секретарской и при семъ новомъ совѣтѣ. — А потому убѣдительнѣйше васъ прошу сегодня непремѣнно пожаловать кушать къ Ниловымъ, а пріѣхать лучше часа за два до обѣда, т. е. хоть во 2-мъ въ исходѣ, чтобъ на тощій желудокъ это дѣло прослушать, а то послѣ обѣда на всякаго нападаетъ какая-то глухота и глупота, а также сонъ.

Преданный вамъ А. Олепинъ.

Вторникъ

15 Февраля 1810.

(Надписано: Его Благ. Николаю Ивановичу Гнѣдичу).

4.

Еще до васъ просьба, любезный Николай Ивановичъ, — и вотъ въ чемъ дѣло: нельзя-ли вамъ повидаться сегодня или завтра по утру съ г. Неваховичемъ и потрудить его опять спросомъ отъ меня о Еврейскомъ языкѣ. Еврейское слово אמן, выговариваемое у насъ *Аминь*, а у Латынъ Аменъ, такъ-ли выговаривается точно по Еврейски? Не правильнѣе-ли будетъ его выговаривать *Ôмень* или *Ôмнъ*, произнося 1-ую литеру весьма протяжно, и нѣтъ-ли въ сложности трехъ буквъ, сіе слово составляющихъ, какой-либо тайны? Рѣшеніе сего весьма важно для моихъ изысканій.

Преданный вамъ А. Оленинъ.

11 Октября 1812.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Гнѣдичу..

Я дома. Не побываете-ли, чтобъ прочитать прекраснѣйшую реляцію.

5.

Если любезный мой Николай Ивановичъ никуда не отозванъ, то прошу сегодня къ намъ. Сегодня ровно мѣсяцъ, какъ несчастнаго нашего сына на свѣтѣ не стало.

26 Сентября 1812.

(Надписано: Его Высокб. Николаю Ивановичу Гнѣдичу).

6

Кормили до бороды, кормите до усовъ, любезный и почтенный Николай Ивановичъ! Итакъ, съ дозволенія вашего, вотъ къ вамъ обратно посылаю литеральный вашъ переводъ XI-й пѣсни Омировой Божественной Иліады. Теперь, по обѣщанію вашему, прошу въ стихи наши мѣрные преложить слѣдующіе стихи, которые мнѣ необходимо нужно. Чтобъ васъ не обременить, такъ

какъ это будетъ токмо выписка изъ Омира, то я выкинулъ все, что мнѣ къ дѣлу не нужно, и подчеркнулъ тѣ стихи, которые мнѣ надобны, — а именно: отъ 419 до 423; отъ 426 до 430; отъ 434 до 450; отъ 459 до 470; отъ 472 до 478; отъ 482 до 487. — Всего 46 стиховъ. Далѣе, — ужь коли просить, такъ просить, — сверхъ этого слезно васъ умоляю также мнѣ преложить изъ того же творенія, изъ XVI его пѣсни, въ которой Өивъ Аполлонъ поражаетъ Патрокла, стихи, начиная отъ 786 до 808-го, — итого 22 стиха, а всего — 68 стиховъ.

О юный ты пѣвецъ, Омиромъ вдохновенный,
И многими, и мной столь истинно почтенный,
Прими ты гласъ моленья моего,
Не откажи мнѣ знакъ любленья твоего. . . .
А именно къ преданному
А. Оленину.

Каковы, сударь, стихи?! Довольно, кажется, чувствительны. Неужели они васъ не тронутъ!

7.

. . . . . γνωτὸν δέ καὶ ὃς μάλα νήπιός ἐστιν, ὡς ἤδη Τρώεσσιν ὀλέθρου πείρατ' ἐφῆπται.

. . . . . Явно же и самому Младенцу сущу, что нынѣ Троянамъ гибель конечная приближается.

Иліад. VII. 401.

Вотъ что я сего дня по утру нечаянно встрѣтилъ въ Омирѣ, просматривая Иліаду и занимаясь извѣстнымъ вамъ предметомъ.

Имя Троянъ привело мнѣ на память, что Французы родъ свой нѣкогда выводили отъ того наглаго народа, который нанесъ доблестнымъ грекамъ столь жестокія обиды и *многія, сильныя души во мракъ предслалъ Ироевъ.*

Πολλὰς δ' ἰφθίμους ψυχὰς ἀΐδι προΐαψεν Ἡρώων. За то послѣдовало паденіе Трои, а сіе паденіе живо мнѣ представило *взятіе Парижа.*

Взятіе Парижа! — какое поле для стихотворцевъ и для писателей, — сказалъ я самъ себѣ и, занявшись сею мыслію, я впалъ въ глубокое размышленіе. Но, удаляясь нечувствительно отъ вымысловъ древняго баснословія, я обратилъ вниманіе мое на чистое созерцаніе промысла Божія и чудесныхъ его судебъ. Не успѣлъ я мысли мои собрать по сему великому предмету, какъ вдругъ почувствовалъ себя будто восхищеннымъ отъ земли и невидимою силою поставленнымъ въ томъ средоточіи вселенной, гдѣ взоры мои углубляться могли въ бездну ада и возноситься до горнихъ селеній, въ коихъ слышенъ всегда гласъ поющихъ: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!* — Носимый такимъ образомъ въ безмѣрномъ пространствѣ міровъ, слухъ мой нечаянно былъ пораженъ страшнымъ громомъ и трескомъ, исходящимъ изъ самыя бездны, и вдругъ преисподняя озарилась кровавымъ пламенемъ. Вся кровь во мнѣ охладѣла, когда, взглянувъ во тьму кромѣшную, я узрѣлъ злаго духа, исходящаго съ ревомъ изъ челюсти ада!

— Кто сей? — воскликнулъ я въ изумленіи.

— «Мучитель рода человѣческаго», отвѣчалъ мнѣ неизвѣстный голосъ: — «онъ расторгъ на время (продолжалъ тотъ же голосъ) крѣпкіе заклепы, въ которыхъ самъ властитель ада по сіе время его содержалъ, страшась его дерзновенія. Наказующее, но и милующее Провидѣніе дозволитъ ему водвориться нынѣ въ Новомъ Вавилонѣ; окруженный подобными ему, онъ будетъ терзать землю и, какъ палящій вихрь, протекая пространныя области, онъ достигнетъ до обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства и тамъ во злобѣ предастъ мечу и пламени градъ подобный Іерусалиму святынею своею. Вся земля возстенаетъ подъ желѣзнымъ его игомъ; но племя, оставшееся вѣрнымъ святой вѣрѣ, Царю и Отечеству, вознесетъ моленія свои ко Всевышнему, дабы благоволилъ сокрушить силу и ярость кровожаднаго духа злобы. Всевышній услышитъ тёплое моленіе вѣрнаго народа своего. Онъ сниспошлетъ ангела-сокрушителя гордыни и безбожія. Сей духъ кроткій, твердый и благій быстро

полетитъ отъ высотъ небесныхъ, нападетъ стремительно на духа злобы, поразитъ его, поженетъ силою благословеннаго оружія своего и, заключивъ въ тѣсные предѣлы собственнаго его владѣнія, вступитъ въ краткое самое время, въ торжествѣ и славѣ, въ столицу его — въ Новый Вавилонъ!»...

Голосъ умолкъ. Между тѣмъ, какъ онъ вѣщалъ, все имъ сказанное представлялось очамъ моимъ, и, услышавъ поющихъ побѣдную пѣснь, я какъ будто отъ сна пробудился; и вдругъ повсюду раздались радостныя восклицанія: Ура! Парижъ взятъ! Да здравствуетъ сильный и твердый русскій Царь—Царь нашъ возлюбленный!...

Вотъ что мнѣ казалось, будто я видѣлъ и слышалъ. Теперь скажите мнѣ, ради Бога, любезный Николай Ивановичъ, не вы-ли мнѣ читали подобный сему *Дивирамбъ* или побѣдную пѣснь, или все это мнѣ приснилось? Если-же вамъ покажется, что я во снѣ хорошо вижу, то сдѣлайте милость — заставьте уже насъ все сіе на яву послушать. Воспламенитесь прозорливымъ духомъ, воспойте или скажите намъ просто, какимъ образомъ возлюбленный нами и многими народами Государь вступилъ во *градъ, оскверненный великимъ злодѣяніемъ, для очищенія его отъ всякія скверны.* Скажите это намъ въ будущей моей бесѣдѣ. Вамъ стоитъ нѣсколько подумать, а тамъ мысли рѣкою потекутъ, какъ волны многошумящаго моря — πολυφημοίο θαλάσσης.

Преданный вамъ А. Оленинъ.

9 Апрѣля 1814 г.

8.

Я ожидаю сегодня отъ васъ богатыхъ и великихъ милостей, но, по правдѣ сказать, не такъ отъ васъ, какъ отъ почтеннаго нашего Василія Михайловича Головнина, котораго я ожидаю сегодня къ себѣ, хлѣба-соли моей откушать съ вами и съ И. А. Крыловымъ. — Скажите, пожалуйте, Васплью Михайловичу, чтобъ онъ насъ полюбилъ, и увѣрьте его, что мы его искренно

любимъ и почитаемъ, по его сочиненію, собственно его особу, и желаемъ потому лично съ нимъ познакомиться безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсчетовъ, ибо ни я его, ни онъ моего счастія, по службѣ, не можемъ другъ другу составить, но желаемъ быть знакомыми съ достопочтеннымъ русскимъ человѣкомъ.—Затѣмъ васъ всѣхъ нетерпѣливо ожидаетъ къ обѣду не позже 3-го часа въ исходѣ

преданный А. Оленинъ.

15 Ноября 1816.

(Надписано: Его Выкбл. Николаю Ивановичу Гнѣдичу отъ Оленина).

9.

Если вы еще не уѣхали, то вотъ вамъ, любезный Николай Ивановичъ, прощальная моя грамота, которою вамъ, во-первыхъ, поручается насъ не забывать, какъ вѣрныхъ вамъ, искреннихъ пріятелей, во-вторыхъ, погулявши до сыта и провѣтрившись порядочно въ отчизнѣ вашей, которая впрочемъ (вы извините) по памяти только вамъ такова, возвращайтесь скорѣе въ пріобрѣтенную вами воспитаніемъ и долгимъ пребываніемъ отчизну, въ которой живутъ всѣ ваши добрые знакомые, искренніе пріятели и вѣрные друзья! Наконецъ, третіе, прошу съ дороги и съ мѣста пребыванія ко мнѣ писать. Скажите, въ Москвѣ что дѣлается по части нашей словесности? Что скажетъ г. Кочановскій на мой подарокъ? Предварите его о ученой моей выходкѣ.—Что дѣлаетъ И. М. Муравьева... и такъ далѣе. — Въ заключеніе-же всего, если вы не уѣхали, то, какъ вамъ неминуемо должно ѣхать мимо нашего дома, чтобъ попасть на Московскую заставу, то заѣзжайте съ Конст. Никол. позавтракать и еще проститься.

Преданный вамъ А. Оленинъ.

11 Мая 1818.

(Надписано: Его Высокоблагор. Николаю Ивановичу Гнѣдичу).

10.

Вчера я провелъ прелестнѣйшій изъ лѣтнихъ дней въ Пріютинѣ и, о горе! — принужденъ былъ вчера ночью явиться сюда на службу. — Что дѣлать! Покоряться должно судьбѣ или κακοδαιμόνη — вотъ моя участь!

Вчера я весь день съ И. А. Крыловымъ и съ Поповымъ читалъ ваши *замѣчанія на опытъ и прч.*, т. е. читалъ, разумѣется, въ третій разъ перечитывалъ, и мы общимъ совѣтомъ положили, что вы должны непремѣнно по сему предмету написать дидактическую книгу; — да, книгу довольно толстую!... Между тѣмъ смиренныя и нынѣ сиротливыя обитательницы Пріютина положили вамъ исполнить слѣдующую епитимію, а именно: въ Библіотекѣ вамъ продежурить два дни сряду, т. е. сегодня и завтра. За эти два дня И. А. Крыловъ продежуритъ два дня-же сряду въ свою очередь, а между тѣмъ посредствомъ сего оборота онъ останется теперь въ Пріютинѣ, а вы туда пожалуете съ дѣтьми въ среду. — Прошу меня увѣдомить съ нарочнымъ, согласны-ли вы на это?

Преданный А. Оленинъ.

15 Іюля 1818.

(Надписано: Его Высокбл. Николаю Ивановичу Гнѣдичу отъ Оленина).

11.

Нѣтъ, любезный Николай Ивановичъ, нѣтъ, не въ силахъ, какъ ни храбрюсь, а все уже 56 лѣтъ стукнуло. Вообразите, что я сегодня въ Академію явился съ 8-ми часовъ утра, и теперь только (7 часовъ вечера) отобѣдалъ. Обѣ государыни у меня были. Елисавета Алексѣевна провела въ Академіи болѣе двухъ часовъ: отъ часа до трехъ. А я съ 8-ми часовъ до 1-го дожидалъ, потомъ до 5-ти часовъ. Послѣ обѣда, въ которое время пожаловала государыня Марія Федоровна, — и, хотя очень спѣшила, однако-же болѣе часа пробыла, — и я, уставши

до полу-смерти, только-что сейчасъ отобѣдалъ; а потому предполагаю васъ видѣть завтра утромъ. О порядкѣ англійскихъ экспедицій не могу толку добиться, а потому лучше это оставить. — Съ Египтянами вы можете сравнивать. — Однако мы имъ теперь не уступимъ. — Vale et me ama.

(Надписано: Его Высокбл. Николаю Ивановичу Гнѣдичу).

12.

Я было хотѣлъ пріѣхать къ вамъ, но какъ вамъ должно возиться съ такою дѣвою, о которой давно уже сказано: «mais Jeanne d'Arc est un coeur de lion», то, быть такъ, возитесь съ нею до 12 и даже до 1-го часа, — а къ этому времени побывайте у меня: вы меня тѣмъ одолжите. — Пожалуйте при устроеніи славной дѣвы Орлеанской къ театральной Дирекціи, по истинной дружбѣ къ милому, почтенному другу В. А. Жуковскому. — Не забывайте, ради Бога, стараго *Адаіума:* Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeus. А 4,700 стиховъ въ трагедіи, хотя бы они были написаны самимъ Саваоѳомъ, прискучатъ. Этого, кромѣ Нѣмцевъ, никто выдержать не можетъ. — Они, мои голубчики, того не знаютъ, что: «qui veut tout prouver, ne prouve rien». Скажите В. А., что съ завтрашняго дня Шильонскій замокъ начинаетъ гравироваться.

Преданный А. Оленинъ.

Воскресенье
7 Мая 1822.

На оборотѣ: Его Высокоблагор. Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

Если дома нѣтъ, то снести тотчасъ въ Каменный театръ къ А. А. Майкову и тамъ Н. И. Гнѣдичу отдать.

13.

Москва 24 Августа 1826.

Не погнѣвайтесь, любезный и почтенный мой Николай Ивановичъ, что я молчу какъ щука. Дневная беспрестанная по улицѣ нашей стукотня: каретъ, дрожекъ, верховыхъ и пѣшихъ людей, войскъ, и проч. и проч., а также безконечный звонъ колоколовъ на колокольнѣ подлѣ самыхъ нашихъ окошекъ, суматошное наше положеніе по случаю празднествъ, долгіе наши разъѣзды по причинѣ необъятныхъ разстояній, — однимъ словомъ разныя «Miseries of human life» (пускай вамъ это переведетъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ), — все это вмѣстѣ не позволяетъ намъ ничѣмъ другимъ заниматься, какъ только разсѣянностью. Третьяго дня совершилась коронація. По мѣсту, мною занимаемому, я видѣлъ все это чиноположеніе наилучшимъ образомъ. — Явленіе самое трогательное и единственное въ лѣтописяхъ міра! Государь въ сопровожденіи старшаго брата своего, отрекшагося въ пользу его отъ престола (Цесаревичъ и Вл. Кн. Константинъ Павловичъ за недѣлю пріѣхалъ, неожиданный, на сію церемонію, полагая, что она совершится 15-го Августа, какъ онъ самъ мнѣ изволилъ сказывать) — Государь, говорю я, въ сопровожденіи Вл. Кн. Константина Павловича и Великаго Князя Михаила Павловича, жертвовавшаго, можно сказать, жизнію своею въ защиту Его Императорскаго Величества, короновался и короновалъ супругу свою въ присутствіи нѣжнѣйшей и всемилостивѣйшей (можно настоящимъ образомъ сказать) родительницы своей. — Событіе неимовѣрное и столь трогательное, что не только большая часть русскихъ людей, но иностранцы, посланники съ ихъ свитами взрыдъ почти плакали. Однимъ словомъ, я ничего не видалъ торжественнѣе, благоговѣйнѣе и трогательнѣе, какъ сію церемонію. Тѣмъ и письмо мое кончу.

Хотѣлъ вамъ много говорить о Москвѣ, о вашемъ миломъ письмѣ изъ Петербурга, но, ей, ей, нѣтъ времени, ни головы къ тому свободной.

Покажите это коротенькое писаніе Ивану Андреевичу Крылову, Степану Васильевичу Васильевскому и милой нашей Еленѣ Ефимовнѣ. Скажите имъ, что рѣшился одному писать за недосугомъ. А вы, сдѣлайте одолженіе, покивайте имъ головою за меня.

Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось поскорѣе васъ всѣхъ увидѣть въ добромъ здоровіи.

Насъ Марѳа Ѳедоровна перепугала: обморокъ такой былъ мгновенный и сильный, что она грохнулась объ полъ. Теперь у ней жаръ.

Будьте здоровы!

Преданный вамъ А. Оленинъ.

Вы изъ письма моего судить можете, въ какой я суматохѣ живу, — c'est une lettre écrite a batons rompus.

14.

Пріютино 29 Іюля 1827.

Анюта моя задумала сдѣлать *сюрпризъ* маменькѣ своей къ 5-му Сентября — день, который столь долго лѣтъ проводили мы весело въ тихомъ нашемъ пристанищѣ, *которое боги называютъ Пріютино!* (какъ бы то сказалъ Омеръ или Омиръ!..). Но непостоянство судебъ человѣческихъ разсѣяло Пріютинское общество по лицу земли: многіе лежатъ уже въ могилѣ, многіе влачатъ тягостную жизнь въ дальнихъ предѣлахъ свѣта, а многіе *ближніе* разсѣялись по разнымъ странамъ, какъ то: Петръ, Алексѣй и Варвара!.. И вы скоро насъ оставите, любезный Николай Ивановичъ!—Изъ сего слѣдуетъ, что наше теперешнее общество очень жидко стало. Но, какъ-бы то ни было, Анюта непремѣнно хочетъ сдѣлать *сюрпризъ* и проситъ меня убѣдительно, чтобъ я васъ съ моей стороны просилъ о содѣйствіи, не смотря на скорый вашъ отъѣздъ, который, кажется, и не замедлится.

Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ:

Анюта затѣяла было играть французскую или русскую піесу, но вы знаете сколько тутъ будетъ хлопотъ, особливо, когда въ *лицедѣяхъ* (какъ то сказано въ программѣ новаго Академическаго словаря) крайній настоитъ недостатокъ, ибо всего я насчитываю, считая тутъ и себя съ статистами, *9 лицедѣевъ* и *3 лицедѣйки*, а именно: А. А. Оленина, Е. Е. Васильевская, М. Ѳ. Кохановѣева, кн. Д. Волхонскій, Слѣпцовъ, Краевскій, Буйницкій, гр. Салогубъ, кн. А. Голицынъ, Н. Мертва́го, Смисонъ и я!!! — Изъ сей номенклатуры вы видите, что піесы хорошей выкроить нельзя, а потому я выдумалъ сдѣлать «une piece de circonstance». — Но тутъ нужно нѣсколько строкъ вашего пера, чтобъ дѣлу дать надлежащій ходъ. Вотъ сюжетъ піесы:

Общество, выше сего поименованное, рѣшилось дать *сюрпризъ* хозяйкѣ мызы Пріютино. Общество выбираетъ піесы, которыя ему предлагаетъ *Режиссеръ*, т. е. вашъ покорный слуга. Предлагаемыя піесы подъ разными предлогами не принимаются. Наконецъ *Режиссеръ* уговариваетъ общество вольно-практикующихъ актеровъ испытать нѣсколько явленій изъ разныхъ русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ трагедій, оперъ и водевилевъ. Общество охотно принимаетъ сіе предложеніе. Выбранныя явленія съ нѣкоторымъ къ нимъ прибавочнымъ разговоромъ для перехода отъ одного пробнаго явленія къ другому составятъ «la piece de circonstance en un acte». Послѣ сихъ пробъ общество остается недовольнымъ, и *Режиссеръ* принужденъ имъ предложить шараду, которая должна кончиться балетомъ *гротескъ*.— Вотъ сюжетъ піесы. Теперь нужно связать пробныя сцены разговоромъ. Этой-то великой и богатой милости Анюта ожидаетъ отъ васъ вмѣсто прощальнаго визита. — Я сколько ей не говорилъ, что вамъ не до того, но она слышать не хочетъ; а съ барышнею, хотя она и дочь, а всетаки сладить трудно... Пробныя явленія предположено взять изъ *Эдипа* русскаго и *Заиры* французской, изъ *Рейбертовъ* нѣмецкихъ, изъ *Ссоры двухъ сосѣдей*, изъ *Ecole des Vieillards*. изъ нѣмецкаго *Komt her*, изъ *Казака-Стихотворца*, изъ оперы *Une folie* и изъ водевиля *Les fem-*

mes romantiques. Шарада еще не придумана. Надобно, чтобъ она кончилась или была составлена изъ словъ: balet, danse и тому подобныхъ. . . .

Изъ сего вы видите, любезный Николай Ивановичъ, что театръ открывается и всѣ актеры являются въ натуральномъ ихъ видѣ и костюмѣ. По мѣрѣ представленія пробныхъ явленій, они то на сценѣ, то за сценою одѣваются. Это то время надобно занять разговоромъ между ими и веселымъ споромъ. — Все это будетъ у нихъ въ книжкахъ написано, и они могутъ каждый свою роль читать; впрочемъ и нѣкоторая суматоха, которая испортила бы дѣло въ другой піэсѣ, тутъ будетъ у мѣста. Такимъ образомъ спектакль можетъ быть забавный безъ претензіевъ, что намъ и надобно. Анюта ожидаетъ вашего отвѣта.

Преданный вамъ А. Олениинъ.

15.

31 Декабря 1827 г.

Наконецъ, я рѣшился приняться за перо въ послѣдній день года, — въ тотъ день, въ который съ давнихъ лѣтъ всѣ мои родные и близкіе къ сердцу моему собираются ко мнѣ для встрѣчи Новаго Года. Когда полночный часъ возвѣщаетъ пришествіе его, нынѣ, увы, не будетъ у насъ ни дочери моей Вариньки, ни зятя моего Григорія, ни стараго, долголѣтняго моего пріятеля Николая Ивановича Гнѣдича! Вотъ, какъ я разчувствовался, не писавши къ честному моему и любезному Николаю Ивановичу ни одной строчки съ самого того времени, какъ онъ отсюда поѣхалъ. — Нѣтъ словъ, которыя могли-бы меня извинить; но что дѣлать: «une chute catraine toujours une autre chute».

Отложивъ отвѣтъ на первое письмо, отложилъ потомъ на второе и такъ далѣе. Откладывалъ-же по причинѣ, что никогда еще въ жизни столько занятъ не былъ, какъ нынѣче. Однимъ

словомъ, скажу, что въ рукѣ правой отъ беспрестаннаго писанія такая сдѣлалась по старости лѣтъ боль и ломъ, что насилу перо держу въ рукахъ. Вотъ причина моего молчанія и повинная моя голова.

Теперь я ничего вамъ подробнаго о себѣ и ни о чемъ не буду говорить. Слава Богу, que la glace est rompue и что я принялся за перо. Съ Новымъ Годомъ, т. е. въ теченіи Генваря, вы цѣлые томы отъ меня получите; нынѣче скажу вамъ только, что о пожалованіи васъ въ слѣдующій чинъ я представилъ министру и просилъ прямо о томъ доложить Государю Императору, ибо сенатъ и комитетъ гг. министровъ навѣрно откажутъ.

Затѣмъ — до будущаго раза. Между тѣмъ будьте здоровы и пріѣзжайте къ намъ скорѣе.—Душевно преданный, хотя я какъ Нерина — qui savoit aimer, mais qui ne savoit pas ecrire.

Преданный А. Оленинъ.

16.

1 Января 1832.

Вчера, чтобъ кончить съ вами годъ, любезный и почтенный мой Николай Ивановичъ, по многолѣтнему обычаю, я заѣзжалъ къ вамъ, но вашъ Гаюкъ-Ханъ мнѣ сказалъ, что вы только-что отобѣдали и заснули. Сегодня я подъѣхалъ къ вамъ съ поздравленіемъ. Не иду къ вамъ вверхъ, потому-что усталъ уже отъ визитовъ, а посылаю вамъ душевное поздравленіе и пламенное желаніе о скорѣйшемъ вашемъ выздоровленіи къ истинному утѣшенію всѣхъ васъ искренно любящихъ и давно, — въ томъ числѣ и

Алексѣя Оленина
Стараго.

(Надписано: Его Высокбл. Николаю Ивановичу Гнѣдичу отъ Д. Т. С. Оленина).

17.

Пріѣхавъ домой, я нашелъ письмо отъ Виламова изъ Гатчины. Государыня *насъ* ожидаетъ непремѣнно завтра, съ тѣмъ, чтобъ тамъ проночевать, ибо съ воскресенія начинаютъ вступать войска.

Слѣдственно, прошу быть готовыми весьма рано завтра по утру, возьмите вашъ мундиръ съ собою, мы будемъ въ каретѣ ѣхать. Я возьму и Тимоѳея моего, а за вами пришлю рано, такъ же и за Иваномъ Андреевичемъ.

Преданный А. Оленинъ.

30 Сент.

Надписано: Его высок. Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

Нужное.

III.

Письма А. Н. Оленина къ князю А. Н. Голицыну и отвѣтъ князя А. Н. Голицына.

1.

Его Сіятельству
Князю А. Н. Голицыну
31 Октбр. 1826 г.

Милостивый Государь,

князь Александръ Николаевичъ!

По нездоровію моему сижу я третій день дома и только сейчасъ, поздно-вечеромъ, узналъ, что больной также г. Гнѣдичъ сегодня только Вашему Сіятельству представилъ и свое письмо Государю Императору, и свой переводъ Омира. Благосклонность, съ каковою вы приняли усердную просьбу г. Гнѣдича, побуждаетъ меня преклонить вниманіе Вашего Сіятельства, какъ на его трудъ, такъ и на него лично.

Г-нъ Гнѣдичъ, членъ Императорской Россійской Академіи и разныхъ литературныхъ обществъ, какъ одинъ изъ отличныхъ нашихъ писателей, обращаетъ своими произведеніями вниманіе и литераторовъ иностранныхъ, которые, въ числѣ другихъ извѣстныхъ писателей русскихъ, избираютъ его сочиненія для переводовъ. Но что болѣе составляетъ достоинство его произведеній, такъ это всегдашняя нравственная цѣль ихъ, всегдашній выборъ предметовъ полезныхъ и возвышенныхъ. Такимъ образомъ и Ваше Сіятельство были свидѣтелемъ тѣхъ сильныхъ чувствованій, какія производили въ душахъ многихъ знаменитыхъ слушателей сочиненія Г-на Гнѣдича, читанныя имъ, какъ при открытіи Императорской Публичной Библіотеки, такъ и въ другихъ послѣдовавшихъ торжественныхъ въ Библіотекѣ собраніяхъ. Сей благородный характеръ, какъ писателя, такъ и его произведеній, давно привлекъ къ нему уваженіе извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей. Сіи свойства Г-на Гнѣдича, ни въ какомъ случаѣ не измѣнявшаго своего характера, какъ испыталъ я въ теченіи 20 лѣтъ, могутъ быть достойны Высочайшаго вниманія. Изъ многихъ же его трудовъ по словесности, уже напечатанныхъ, безъ сомнѣнія, важнѣйшій есть переложеніе одного изъ классическихъ твореній Омировыхъ, надъ переводомъ котораго знаменитѣйшіе писатели Англіи, Франціи, Германіи, Италіи и другихъ государствъ Европейскихъ старались отличиться. Г-нъ Гнѣдичъ посвящалъ для сего труда многіе лучшіе годы жизни своей и довольствовался не весьма блистательными должностями въ томъ только предположеніи, чтобъ предпринятый имъ великій трудъ достойнымъ образомъ исполнить; между тѣмъ какъ совоспитанники его и товарищи далеко его опередили на поприщѣ гражданской службы, къ которой онъ не менѣе ихъ способностей имѣетъ.

О достоинствѣ его перевода общее мнѣніе всѣхъ первыхъ нашихъ писателей и мужей просвѣщенныхъ давно уже произнесено въ пользу перевода. Впрочемъ, Ваше Сіятельство и сами были свидѣтелемъ успѣха первыхъ еще опытовъ, читанныхъ

имъ въ домѣ вашемъ, въ публичныхъ собраніяхъ бесѣды и, наконецъ, въ торжественныхъ собраніяхъ Императорской Россійской Академіи.

Окончивъ переводъ писателя классическаго, г. Гнѣдичъ желаетъ представить публикѣ трудъ свой въ видѣ достойномъ. Для этого, не спѣша изданіемъ, желаетъ еще заняться усовершенствованіемъ перевода. Сверхъ того, находитъ необходимымъ присовокупить *введеніе* въ Иліаду и *примѣчанія* историческія и критическія, какъ пособія, необходимыя для чтенія съ пользою творенія столь древняго. Ваше Сіятельство безъ сомнѣнія оправдаете его намѣреніе: ибо, когда самимъ переводчикамъ не можно иначе хорошо разумѣть писателя древняго, какъ съ помощію многихъ толкователей и критиковъ, то какъ можетъ читатель безъ предуготовительныхъ пособій понимать свободно твореніе, въ которомъ нравы, обычаи и, такъ сказать, міръ, вовсе намъ незнакомый, раскрывается.

Для сихъ занятій г. Гнѣдичу нужно еще время, и тогда трудъ его, и безъ того уже отличный, явится въ видѣ достойномъ нашего времени, счастливаго царствованія Государя Императора Николая I-го. Не сомнѣваюсь, чтобъ подобный трудъ, представленный на Высочайшее вниманіе, не обратилъ на трудившагося милостивыхъ взоровъ Государя, такъ великодушно и справедливо покровительствующаго труды, на пользу и славу языка отечественнаго предпріемлемые. Не сомнѣваюсь, чтобы можно было найти у насъ теперь благосклоннѣйшаго ходатая у престола, какъ Ваше Сіятельство; а потому я вмѣнилъ себѣ въ обязанность, доведя до вашего свѣдѣнія вышеизложенныя обстоятельства, присовокупить слѣдующее:

Переводы Омира во всѣхъ государствахъ Европы составили эпохи въ исторіяхъ словесности. Вездѣ государи награждали переводчиковъ. Его Величество, нынѣшній король прусскій, («Journal des Debats». Septembre. 2 — 1824) не переводчика, а только издателя Омеровыхъ твореній, Вольфа, наградилъ съ щедротою королевскою, назначивъ ему значительное содержаніе

безъ всякой для него обязанности, кромѣ продолженія ученыхъ трудовъ его. Но, кромѣ наградъ отъ правительства, переводчики въ другихъ земляхъ Европы еще вознаграждаются многочисленностію читателей, покупкою великаго числа экземпляровъ напечатанныхъ трудовъ ихъ. У насъ, гдѣ кругъ читателей, а тѣмъ болѣе Гомера, весьма еще ограниченъ, переводчику этого ожидать невозможно.

Слѣдовательно, если-бъ г. Гнѣдичу и оказано было пособіе на изданіе перевода, оно не вознаградитъ его за трудъ, для котораго онъ жертвовалъ и лучшими годами жизни, и выгодами службы. Между тѣмъ, хотя трудъ конченъ, но нужно еще, для приготовленія онаго къ изданію, довольно спокойнаго времени, отъ угнетающихъ его нуждъ обезпеченнаго. Состояніе г. Гнѣдича Вашему Сіятельству не безъизвѣстно: онъ существуетъ однимъ жалованьемъ по службѣ, въ которой при чинѣ Колежскаго Совѣтника, будучи ковалеромъ св. Владиміра 4-й степени и 2-й Анны, онъ только получаетъ по Императорской Публичной Библіотекѣ и какъ Экспедиторъ въ Государственной Канцеляріи въ годъ по 1.900 р.

Такимъ образомъ, если Ваше Сіятельство, подпея на Высочайшее вниманіе переводъ Иліады и покровительствуя оный вашимъ предстательствомъ, благоволите ходатайствовать за переводчика, не сомнѣваюся, чтобы Государь столь справедливый, столь великодушный не изліялъ на него щедротъ монаршихъ, обезпеча жизнь, стѣсняемую нуждами и крайне разстроеннымъ здоровьемъ. Симъ будетъ воздана награда писателю заслуженному, за котораго порадуются многіе, ибо дѣло это будетъ истинно доброе.

Но пора кончить! Мнѣ остается только въ заключеніе сего плодовитаго письма принести Вашему Сіятельству въ извиненіе слова, не помню теперь, Цицерона или Паскаля: Извините, сіятельнѣйшій князь, что пишу къ вамъ такое длинное письмо; право, нѣтъ времени короткаго написать!

Имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію

Вашего Сіятельства.

2.

5 Ноября 1826.

Ваше Превосходительство въ концѣ письма вашего о господинѣ Гнѣдичѣ изъясняете, что оно длинно; но я его нашелъ короткимъ, ибо оно интересно, — а притомъ Вы главнаго мнѣ не сообщили, и что прошу теперь мнѣ написать для моего руководства.

Я увѣренъ, что Государь приметъ съ благоволеніемъ трудъ г. Гнѣдича; но нужно мнѣ было знать, что для него испросить, а такъ какъ вы короче знаете обстоятельства, то между нами останется ваше мнѣніе, а я-бы желалъ представить Государю такое вознагражденіе, которое нужно г. Гнѣдичу, и я бы не желалъ, чтобъ вы сему послѣднему о томъ говорили; но напишите мнѣ чистосердечно, а тамъ — какъ Государю будетъ угодно. Я бы желалъ сегодня вашъ имѣть отвѣтъ, ибо завтра я докладываю. Также и о цензурѣ, — кажется, можно безъ нее дозволить, не нарушая правилъ. Омира мудрено цензуровать!...

5 Ноября.

3.

Князю А. Н. Голицыну.

5 Ноября 1826.

Извините великодушно, Сіятельнѣйшій князь, если я такъ поздно отвѣчаю на своеручное и пріятнѣйшее для меня письмо Вашего Сіятельства о г. Гнѣдичѣ; но полученная сегодня куча дѣлъ Государственнаго Совѣта, рѣшенныхъ Его Императорскимъ Величествомъ съ тою прозорливостію и безпристрастіемъ, которыя отличаютъ священную Его Особу, понудила меня приступить къ скорѣйшему исполненію нѣкоторыхъ изъ сихъ дѣлъ

и къ приготовленію надлежащихъ справокъ, что самое отвлекло меня отъ исполненія вашихъ приказаній. Теперь, удосужась, имѣю честь донести безъ дальнихъ околичностей:

1-е. Г-нъ Гнѣдичъ принадлежитъ хорошей, но бѣдной дворянской фамиліи въ Малороссіи, а потому кромѣ жалованія опъ ничего не имѣетъ. Великій и долговременный трудъ, предпринятый имъ для перевода Омировой Иліады, при стѣснённыхъ его обстоятельствахъ, совершенно разстроилъ его здоровье и малые хозяйственные его способы. По сіе время весь его годовой доходъ состоитъ въ 2,900-хъ рубляхъ жалованія. Для достойнаго окончанія предпринятаго имъ великаго труда въ пользу русской словесности и для приведенія онаго въ надлежащій видъ къ напечатанію ему нужно паче всего быть хоть нѣсколько обеспеченнымъ въ хозяйственномъ его быту. На то достаточно-бъ было къ получаемымъ по службѣ окладамъ прибавить ему отъ щедротъ монаршихъ по 3,000 руб. въ годъ пенсіи изъ Кабинета Его Величества или изъ Государственнаго Казначейства съ тѣмъ, чтобъ Всемилостивѣйше дозволено ему было заниматься теперь единственно приготовленіемъ перевода своего къ изданію и одною Библіотечною службою.

2-е. Что касается до изданія сего перевода, то г. Гнѣдичъ, какъ членъ Императорской Россійской Академіи, имѣетъ право на напечатаніе онаго на счётъ суммъ сей Академіи. Разумѣется, что въ семъ случаѣ изданіе сіе не можетъ быть столь великолѣпно, какъ то бы требовало по всей справедливости изданіе отличнаго перевода первѣйшаго изъ классиковъ! Но я увѣренъ, что когда придетъ пора и время къ изданію, то Государь Императоръ, въ случаѣ необходимой бережливости со стороны Россійской Академіи, не пожалѣетъ казны царской на полезное и славное дѣло.

3-е. Въ заключеніе сего опять длиннаго писанія я скажу вамъ, Сіятельнѣйшій князь, что я совершенно согласенъ въ томъ, что старика Омира, какъ одного изъ нравственныхъ поэтовъ древности, можно безопасно печатать безъ цензуры,

ибо странно было бы цензировать то, что печатается 400 лѣтъ сряду на всѣхъ языкахъ и во всей Европѣ, даже въ Папскихъ владѣніяхъ, — безъ цензуры!...

Затѣмъ имѣю честь быть....

IV.

Письмо А. Н. Оленина къ Н. И. Гречу съ приложеніемъ отчета.

10 Ноября 1835.

Милостивый Государь,

Николай Ивановичъ!

Памятникъ нашему почтенному Н. И. Гнѣдичу поставленъ надъ могилою его въ Невскомъ кладбищѣ. Въ приложенномъ рисункѣ представленъ размѣръ гранитоваго монумента на четырехъ ступеняхъ путиловскаго камня. Портретъ знаменитаго поэта, начертанный подъ руководствомъ извѣстнаго ваятеля, г. Гальберга, изображенъ на мраморномъ медаліонѣ.

Надпись надъ нимъ:

ГНѢДИЧУ,

обогатившему русскую словесность переводомъ Омира.

Подъ медаліономъ *стихъ 249. II. 1. Иліады,* избранный В. А. Жуковскимъ:

«Рѣчи изъ устъ его вящихъ сладчайшія меда лилися».

Подъ симъ:

«Отъ друзей и почитателей».

На другой сторонѣ означены день и годъ рожденія и кончины Н. И. Гнѣдича.

На памятникъ собрано всего 1120 р., изъ которыхъ на медаліонъ употреблено 320 р., а остальные 800 р. за самый монументъ.

Участвовали въ сей суммѣ:

А. Н., Е. М. и Анна А. Оленины	150 руб.
М. Ф. Каханѣева	10 »
Д. И. Языковъ	25 »
Д. Н. Блудовъ	25 »
Графиня Лаваль	100 »
С. С. Уваровъ	100 »
С. В. Васильевскій	25 »
И. А. Крыловъ	50 »
Н. И. Гречъ	50 »
Д. В. Дашковъ	100 »
П. А. Оленинъ	50 »
В. А. Жуковскій	50 »
А. С. Пушкинъ	75 »
А. А. Оленинъ	75 »
Д. С. Львовъ	10 »
М. М. Сперанскій	25 »
С. П. Жихаревъ	25 »
М. Е. Лобановъ	25 »
С. М. Мартыновъ	25 »
М. Н. Загоскинъ	25 »
Графъ Д. И. Хвостовъ	100 »
Всего...	1120 руб.

Препровождая отчетъ, которымъ я обязанъ передъ участвовавшими въ сооруженіи памятника Гнѣдичу, я покорнѣйше прошу Васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, извинить прозаическое изложеніе мое. Вѣрно, если извѣстіе сіе будетъ принято къ напечатанію, то представится въ видѣ достойнѣйшемъ нашего добраго друга и знаменитаго поэта. Съ истин. почт. и совер. предан. и т. д.

На могилѣ знаменитаго переводчика Гомера, Н. И. Гнѣдича, друзья и почитатели его желаютъ соорудить на Невскомъ кладбищѣ надгробный памятникъ.

Лобановъ	25 руб.
Крыловъ	50 »
Пушкинъ	25 »
Мартыновъ	25 »
Загоскинъ	25 »
Отъ графа Д. Н. Хвостова	100 »
Всего	250 руб.

Получено 10 Апрѣля 1835.

№. И. А. Крыловъ лично отдалъ А. А. Оленину свою долю; остальные 250 рубл. при семъ препровождаются.

М. Лобановъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

А. Н. Оленинъ и Н. И. Гнѣдичъ 1

Приложенія:

Стихотворенія Н. И. Гнѣдича 32

Комедія, соч. Н. И. Гнѣдича 39

Письмо о поѣздкѣ въ Гатчино 1815 года 105

Переписка Н. И. Гнѣдича и А. Н. Оленина 113

Письма А. Н. Оленина къ князю А. Н. Голицыну 129

Письмо А. Н. Оленина къ Н. И. Гречу съ приложеніемъ отчета 135